

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОГО ОФИЦЕРА

ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ

Под общей редакцией А.Б. Григорьева

МОСКВА

Издательство «АНКИЛ-ВОИН»
РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ СБОРНИК

1995

Составитель, автор предисловия и приложения И.В. Домнин

В книге показаны образцы ранее нам недоступного духовного наследия лучших военных авторов российской послеоктябрьской эмиграции: А.А. Керсновского, Н.Н. Головина, А.К. Баиова и других. Часть работ на родине публикуется впервые. В них содержатся взгляды на войну и мир, природу и предназначение вооруженной силы, критический анализ дореволюционной отечественной военной системы и попытки моделирования «будущей русской армии».

Представленное в этой книге имеет не только «раритетную» ценность. В нем много современного, актуального, того, что несомненно поможет нынешнему читателю глубже уяснить существо войны и военного дела, их социальный и этический смысл, исторические особенности и охранительно-государственную роль армии России.

Материал подготовлен историко-аналитическим изданием «Российский военный сборник».

ISBN 5-86476-071-4

© Издательство «Анkil-воин»

© Российский Военный Сборник

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ. ВОЕННАЯ КУЛЬТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ	4
А.А. КЕРСНОВСКИЙ. ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ.....	10
К возрождению «русской военной доктрины». — Война и христианская мораль. — О «справедливости» войн. — Война и Мир. — Природа военного дела. — Политика и Стратегия. — Элементы военного искусства. — Принципы ведения войны. — О военном человеке. — Вооруженная сила. — Армия в государстве. — Военный потенциал. — Руководство общественным мнением. — О доктрине национальной и доктрине военной.	
А.Л. МАРИЮШКИН. ПОМНИ ВОЙНУ!	91
Война продолжается. — Из истории зарождения военного дела. — Вред пацифизма. — Разоружение или ограничение вооружений? — Политическое обеспечение безопасности. — Роль финансов, экономики и печати. — Почерк современной и будущей войны. — Проблемы военного строительства и реформирования. — Периоды войны и подготовка армии. — Военное искусство — «деликатнейшее из искусств». — Готовность к войне есть залог мира.	
Н.Н. ГОЛОВИН. НАУКА О ВОЙНЕ	131
Клаузевиц как «отец положительной военной науки». — Вклад в «науку о войне» русской военной мысли на рубеже XIX —XX веков. — Потребность в «социологии войны» и неизбежность становления этой науки. — Принципы и законы в военном деле. — Прикладной метод в науке о ведении войны.	
П.И.ЗАЛЕССКИЙ. ГРЕХИ СТАРОЙ РОССИИ И ЕЕ АРМИИ	141
Слабость большого российского организма. — Нетерпимость к критике — Формализм и догматизм Церкви и Школы. — Отсутствие надлежащего воспитания. — Хроническая неготовность армии России в XIX веке. — Особенности военной службы. — Условность боевой подготовки в войсках. — Черты военного быта: использование служебного положения в личных целях и профессиональное невежество. — Академия Генштаба: издержки обучения и «странные» порядки. — Тотальная неправда. — Характеристики военных деятелей. — Служба не делу, а людям, стоящим наверху, — главный грех.	
А.К.БАИОВ. НАЧАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СТРОИТЕЛЬСТВА БУДУЩЕЙ РУССКОЙ АРМИИ.....	191
Призрачность «вечного мира». — России войн не избежать. — Объективность принципов военного искусства и «кустарное» отношение к ним в русской армии. — Сила войск — в качестве их «материи» и «духа» (при решающей роли последнего). — Человек — главное орудие войны. — Влияние национальной стихии на военное искусство. — Основные положения строительства будущей армии России.	
ПРИЛОЖЕНИЕ. ГОРЕНИЕ ДУХА (СЛОВО ОБ АНТОНЕ КЕРСНОВСКОМ)	207

Предисловие

ВОЕННАЯ КУЛЬТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Одним из результатов революции и Гражданской войны стал исход из России более двух миллионов ее граждан.

Белое воинство составляло практически половину послеоктябрьских изгнанников, и даже в массовом сознании укрепился термин «белая эмиграция» (по названию «Белая армия»).

Сложившаяся (главным образом в 20–30-е гг.) военная культура зарубежья выражалась в организации военно-научной деятельности, военном образовании, военно-периодической печати и собственно культурной деятельности воинства.

Исторически явление этой культуры беспрецедентно, так как в истории никогда не существовало нескольких сотен тысяч военных беженцев, составлявших на родине действующую вооруженную силу, а в эмиграции, по выражению генерала Е.К. Миллера, «духовно-боевую единицу». Если говорить о Европе, где в 20–30-е гг. сосредоточивалась основная часть воинства, военная организация первоначально представляла несколько военно-поселенческих лагерей (Галлиполи, Лемнос, Чаталджа). Сюда были выведены остатки врангелевской армии и казачества. Остатки флота оказались в Бизерте (Тунис).

В чрезвычайно тяжелых бытовых условиях и сложной политической обстановке генералам Врангелю, Кутепову и другим военным руководителям удалось организовать жизнедеятельность этих лагерей и обеспечить к 1923 г. расселение людей по странам Европы (в основном на Балканах).

В целом же военная организация зарубежья структурировалась в многие десятки союзов, объединений, групп, разбросанных по всему миру (включая Австралию и даже Филиппины), большинство из которых входили в созданный в 1924 г. «Русский Обще-Воинский Союз», существующий и по сей день.

Политико-стратегические прогнозы и надежды вождей Белого движения не исключали возможного участия членов этих организаций в новой вооруженной борьбе в России и создании новой национальной русской армии.

Эти мысли, так же как и неослабевающая тяга многих офицеров к повышению своего теоретического уровня и обновлению знаний с учетом богатого опыта мировой и гражданской войн, привели к необходимости военного образования в среде эмиграции. Создание высшей военной школы по поручению Врангеля и Великого князя Николая

Николаевича возглавил генерал Головин. После пятилетней подготовительной работы в 1927 г. в Париже им были открыты Высшие Военно-Научные курсы, которые через год стали именоваться по фамилии организатора. Они функционировали до 1940 г. Их создание как бы венчало деятельность сети кружков военного самообразования (которых насчитывалось более 50), военных училищ, офицерских школ и курсов (более 10), кадетских корпусов (которых сначала было три, а к 1940 г. — один).

Кроме того, в 30-е годы Головиным в Париже (с филиалом в Белграде, где непосредственным руководителем был генерал А.Н. Шуберский) был создан Военно-научный институт по изучению проблем войны и мира.

В 30-х же гг. в Париже существовали Военно-технические курсы, программа которых имела также академический уровень, а среди преподавателей в основном были те, кто до революции работал в Николаевской инженерной академии.

В конце 30-х гг. при Союзе Русских Военных Организаций (бывший IV отдел РОВС) имела место попытка функционирования заочной административно-политической школы русской эмиграции. Эта школа, по замыслу ее устроителей, должна была соединить военное и политико-административное образование.

Военные знания поддерживались и развивались не только в рамках специальных заведений. Многие из генералов и офицеров собирались вечерами в военно-научных обществах, офицерских клубах и выступали со своими докладами, участвовали в дискуссиях. Такие общества имелись всюду, где были более или менее крупные диаспоры. Особенно активно они работали в Белграде, Париже, Сараеве, Праге, Шанхае, Сан-Франциско и других городах.

Военное образование в Русском Зарубежье имело системный характер (уровень — от начального до высшего).

Весь спектр военной культуры охватывала военная мысль эмиграции. Среди самых видных ее представителей — Н. Головин, А. Баиов, А. Геруа, Б. Геруа, Ю. Данилов, А. Керсновский, А. Келчевский, В. Драгомиров, А. Драгомиров, А. Зайцов, А. Бубнов, Б. Штейфон, Е. Месснер, А. Мариюшкин, Н. Колесников, А. Гулевич и многие другие.

Они осмысливали богатый опыт Первой мировой войны и разрабатывали концепции военного строительства будущей русской армии, верой в которую было пропитано все военное творчество эмиграции. Приведем некоторые названия работ: «Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы» (Н. Головин), «Начальные основы будущей русской армии» (А. Баиов), «Наш будущий офицерский корпус», «Наша будущая малая армия» (А. Керсновский) и т.д.

Уже в начале 20-х гг. военными мыслителями зарубежья были выдвинуты идеи о необходимости перехода к профессиональным, «качественным армиям» и создании военной доктрины России, которая бы органично вытекала из национально-государственной.

Большое внимание военные специалисты уделяли психологическим и педагогическим вопросам. Замечательные работы о воинском воспитании, развитии патриотизма принадлежат генералам П. Ольховскому, А. Болтунову, П.Краснову и др.

Великолепным образцом синтеза социально-политического и военного творчества является труд генерала А.Геруа «Полчища», вышедший в 1923 г., где предпринималась попытка военно-общественного осмысления эпохи и исторического будущего России. Главные идеи книги — разоружение народов (ибо вооруженный народ опасен прежде всего для самого себя); необходимость малых качественных профессиональных армий как фактора социальной стабильности и гуманизации войн; пагубность для армии партийно-политических распрей и для государства — разложения армии. В этом проявилась одна из характерных черт военной мысли эмиграции — ее тяготение к общественным наукам, рассмотрение военной истории в неразрывной связи со всеми сферами жизни общества, особенно политической и социальной.

Другой характерной чертой военной мысли было условное, но отчетливо заметное раздвоение ее на традиционно русские ветви: «славянофильскую» и «западническую». Первую представляли: А. Баиов, Б. Штейфон, А. Драгомиров и другие, вторую — Н. Головин, А. Зайцов, Н. Пятницкий и их коллеги. Между этими ветвями шли постоянные споры по различным проблемам военного строительства и ведения войн. Военные «славянофилы» больше ориентировались на отечественный опыт, критикуя «западников» за излишние увлечения взглядами иностранных военных теоретиков.

Одним из важнейших элементов военной жизни Русского Зарубежья была военная периодика. Выходило более 100 (!) военно-периодических изданий различной направленности. Один из активных военных публицистов Б. Штейфон верно заметил: «Нищие в массе, мы создали такую военную прессу, какой не имеют и многие государства».

По преимущественной направленности содержания условно можно выделить издания: научные, основными среди которых являлись «Военный сборник» (Белград), «Война и мир» (Берлин), «Вестник военных знаний» (Сараево), «Осведомитель» (Белград); общественные — «Часовой» (Париж–Брюссель), «Армия и Флот» (Шанхай), «Русский военный вестник» (Белград); исторические — «Военная быль» (Париж), «Военно-исторический вестник» (Париж); узкоспециальные — «Артиллерийский журнал», «Авиационный бюллетень», «Вахтенный журнал» и др.

Типографским способом печаталась только часть журналов. Многие тиражировались на ротаторах, в количестве нескольких десятков экземпляров, а то и вовсе — на печатных машинках или выпускались рукописно.

Судьбы и биографии изданий были тоже разными. Одни прожили короткую жизнь; другим суждены были долгие, но трудные пути. Таков, например, путь «Часового» — «журнала-памятки, органа связи русского воинства за рубежом» (впоследствии — «органа Российского Национального Объединения») под редакцией В.В. Орехова и Е. Тарусского (с января 1929 г. по 1988г. вышло 668 номеров). Журнал на 40 страницах большого формата печатал массу всевозможной информации о жизни русского воинства на чужбине. Собранные воедино, его номера составляют некую летопись русской военной эмиграции.

Значительный военно-научный интерес представляют «толстые» журналы: «Военный сборник общества ревнителей военных знаний» (ред. В.М. Пронин и И.Ф. Патронов), «Война и мир» (ред. М.И. Тимонов, А.К. Келчевский, В.В. Колосовский), «Вестник военных знаний» (ред. К.К. Шмигельский). В них печатался цвет военного интеллекта зарубежья: Н. Головин, Б. Геруа, А. Геруа, А. Баиов, А. Келчевский, Е. Новицкий, В. Борисов, А. Бубнов, Б. Штейфон и более молодые — А. Керсновский, Е. Месснер и др.

Многие издания в известной мере отражали особенности своих редакторов-издателей. Это крайне важно, ибо в большинстве своем военная периодика эмиграции держалась огромным духовным (да и финансовым) напряжением своих подвижников. К их числу принадлежали и упоминавшиеся редакторы «Часового» В. Орехов и Е. Тарусский, А. Геринг («Военная быль»), Н. Рклицкий («Русский военный вестник», впоследствии «Царский вестник») и др.

К числу таких людей можно отнести и редактора-издателя шанхайского журнала «Армия и Флот» полковника И.В. Колесникова. Он выпускал журнал с 1925 по 1936 г. (всего вышло 48 т.). Наряду с глубокими политическими обзорами и военно-научными работами на его страницах помещались материалы по воспитанию и обучению войск, философии, психологии. Колесников обладал широким кругозором, обширными познаниями и литературным дарованием (его перу принадлежат книги «Франция или Германия», «Святая Русь», «Диктатор», «Суворов», «Философия войны» и др.). На страницах журнала он неустанно вел борьбу не только за военную науку и образование, но и с воинской энергичностью выступал против мещанства и распрей в эмигрантской среде, отстаивал русскую культуру, русскую духовность.

Важно отметить, что во всех центрах сосредоточения эмиграции военными устраивались музеи, собирались библиотеки, велась большая работа по сохранению традиций и ритуалов.

Среди военных было немало беллетристов. Первым в их числе следует, безусловно, назвать П. Краснова, из-под пера которого вышли десятки романов и повестей, чтением которых чрезвычайно увлекалась русская эмиграция в 20–30-х гг. и которые были переведены на одиннадцать языков Европы и Азии.

Содержание военной культуры эмиграции определялось не только вкладом воинства. Огромное наследие ученых и публицистов Русского Зарубежья по проблемам войны и мира — своеобразный результат военной (оборонной) рефлексии эмиграции. Не случайно Л. Карсавин призывал к серьезному и естественному вниманию к войне и армии не только военных, но и «штатских» ученых и «просто желающих быть сознательными русских людей». Война, по Карсавину, — существеннейший факт русской истории, и потому «осмысление войны с русской точки зрения представляется для нас, русских, практически в величайшей степени важным».

Особой духовной спайкой с воинством был связан И.А. Ильин. Именно воинству посвящено множество его произведений. В армии России он видел «воплощение нашей национальной рыцарственности», «ограду нашей целостности и независимости», считал, что культура духа и оборона страны связаны между собой глубокой связью, и эта связь часто бывает для народов судьбоносной.

Во многом интересны и ценны размышления о войне и армии Н. Бердяева, П. Струве, П. Сорокина, Ф. Степуна, Г. Федотова, П. Тимашева, Е. Спекторского, М. Таубе и других известных и менее известных умов, бывших в изгнании. Их мысли значительно обогатили военно-теоретическое наследие эмиграции.

Феномен военной культуры Русского Зарубежья в современной истории уникален. Эта культура представляла органичное продолжение военной культуры дореволюционной России.

Военная культура в изгнании существовала параллельно с военной культурой в СССР, но в отличие от последней имела независимый, «плюралистический» характер, что предопределяло богатство проблем и аспектов в ее содержании.

Военно-духовное наследие Русского Зарубежья полезно в формировании историко-патриотического сознания современных защитников Родины, всех россиян. В этом наследии мы приобретаем еще один пласт отечественной военной культуры, а как подчеркивал один из великих мыслителей России Б.Н. Чичерин, не только в открытии новых путей, но и в сохранении приобретенного и заключается истинное существование развития.

Значительная часть работы по поиску, обобщению, осмыслению и популяризации военной мысли Русского Зарубежья сегодня ведется «Российским военным сборником» — историко-аналитическим изданием при Военном университете.

«Российский военный сборник» в сотрудничестве с общественным объединением «Воин» представляет несколько трудов (фрагментов) ярких самобытных авторов эмиграции в двух очередных книжках «Библиотеки российского офицера».

В первой, под общим названием «Философия войны», собран ряд произведений, содержащих широкий, синтезирующий взгляд на проблемы войны и армии. Во второй — «Душа армии» — отражены воззрения в области военной психологии и военной педагогики.

Большинство из предлагаемого в полном виде публикуется в России впервые («Философия войны» А. Керсновского, «Помни войну» А. Мариюшкина, «Душа армии» П. Краснова и др.). Думается, что читатель самостоятельно и по достоинству сможет оценить не только историческое значение, но и определит актуальность многих мыслей и положений замечательных русских военных писателей, решит, какие из них взять на вооружение.

Конечно, многие высказывания и идеи сильно отличаются от тех, которыми мы руководствовались и «питались» долгие годы. Но следует помнить: это наследие основано на горьком историческом опыте, круто замешано на слезах и крови нашей многострадальной Родины. Ей посвящали свои труды лучшие военные умы эмиграции в надежде быть полезными «будущей» армии России.

Подполковник Игорь Домнин

А.А. Керсновский

ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ

АНТОН АНТОНОВИЧ КЕРСНОВСКИЙ (1907(?)—1944), уникальный русский военный писатель.

Подростком воевал в Добровольческой армии. Эмигрировал. За границей получил блестящее образование. Жил в Париже. Автор более полутысячи военно-политических статей и около десятка книг (из последних удалось издать лишь две).

Ум «национально мыслящий», он находил высшие социальные и духовные ценности, ответы на «проклятые вопросы» в многовековом отечественном опыте. Написал «Историю Русской Армии». Начертал основы военного возрождения России: самобытность, приоритет духа и качества, религиозность и национальная гордость, сознательное отношение к делу, инициатива «снизу» и ее поддержка «сверху» и др. В этом «ренессансе» видел необходимейшее условие воссоздания нашей государственной мощи.

Предисловие

Строки эти представляют посильную и потому скромную лепту в наше общее великое дело — возрождение нашей национальной доктрины, а тем самым и военной доктрины, составляющей одно нераздельное целое с национальной, — одну из многочисленных ее граней.

Со смерти Суворова русская военная мысль вдохновлялась исключительно иностранными образцами. Поэтому ее работу и можно уподобить работе машины, поставленной на холостой ход. Семена, дающие урожай в бранденбургских песках, — на русском черноземе дают лишь плевелы. Суворов был поэтому нами понят еще меньше, чем Наполеон французами. Науку Побеждать мы читали глазами, а не духовными очами — весь ее неизреченный духовный смысл остался для нас сокровенным. Умами всецело овладел величайший из варваров — Клаузевиц — его рационалистические теории совершенно заслонили дух православной русской культуры, создавшей Науку Побеждать.

Увлекаясь иностранщиной, мы недооценили Суворова. «Суздальское Учреждение» до нас не дошло — Наука Побеждать дошла лишь чудом. Мы проглядели величайший синтетический ум Румянцева. Сочинения его — «Примечания военные и политические» и «Мысли об устройстве воинской части» — так и не были никогда изданы. Они должно быть уже совершенно истлели (если только вообще не погибли) в киевском архиве, куда их свалили по смерти Задунайского благодарные россияне. И наследие этого наиболее всестороннего военного и государственного русского гения осталось совершенно

неиспользованным. В то же время с благоговением переводилась и тщательно изучалась всякая макулатура, коль скоро она имела иностранное клеймо, особенно же штампель германского «большого генерального штаба».

Рационализм и материализм засорили русскую военную мысль задолго еще до того, как были возведены в степень обязательного догмата большевиками. Духовность — а вслед за духовностью и дух представителей русской военной мысли были угашены.

Столетие бессмертных побед и полтора столетия лет громкой славы сменились поражением в Восточную войну, трудной победой 1878 года, разгромом в Японскую, Великую, Гражданскую. Угашенный дух мстил за себя, мстил за Румянцева, мстил за Суворова...

Величественное здание Русской Национальной Военной Доктрины стоит с 1800 года незаконченным. Туда нам давно надлежало бы перейти с тех чужих задворков, где мы ютимся уже в продолжение нескольких поколений. Суворов из своей могилы приказывает всем нам его закончить, приказывает вспомнить, что мы Русские и что с нами Бог.

На достройку и отделку этого величественного здания и должны быть устремлены все наши дружные усилия. И — как на памятник в Галлиполи — каждый должен принести на него свой камень.

Часть первая. О природе войны

Глава I. Война и христианская мораль

Шестая заповедь гласит: «Не убий».

На этой заповеди и на превратном толковании Евангелия основывают свое учение «непротивления злу» толстовцы, пацифисты «во что бы то ни стало» и некоторые секты, напр., духоборы, менониты, молокане. Последователи всех этих учений своей разлагающей пропагандой причиняют огромный вред государству, а своим отказом отбывать воинскую повинность создают большой соблазн.

Официальные представители нашей богословской науки сознали всю опасность подобного рода учений, частью являющихся софизмами, частью не заслуживающих даже названия софизмов, но, несмотря на свою духовную малоценность, сильно действующих. В катехизисах, сокращенных и более пространных, — в частности сокращенном «по митрополиту Филарету», на котором воспитывались целые поколения, — было поэтому сделано две оговорки при истолковании Шестой заповеди, а именно — дозволяется казнить преступника и убивать неприятеля на войне.

Оговорки эти даются, однако, в виде аксиом — без доказательств из Священного Писания (в частности в катехизисе «по Филарету», наиболее как раз распространенном). А это дает повод «непротивленцам» утверждать, что вставлены они лишь из угождения к «властям предержащим». Сказано — «не убий», значит, не убивай. Всякого рода «казенные» оговорки бессильны смягчить категоричность этого отрицания.

В подобной официальной трактовке, слишком руководящейся «мирскими» соображениями (безопасность общества, государственная необходимость и тому под.) и заключается уязвимое место. А между тем все эти сектантские и иные кривотолки сами собою отпадут, если в борьбе с ними наши богословские авторитеты останутся на чисто духовной почве.

Для этого стоит лишь предложить толкователям Шестой заповеди «вне времени и пространства» рассмотреть акт Синайского Законодательства в свете исторических событий Ветхого Завета.

Законодательство это преподано было Иеговою Своему избранному народу — народу еврейскому — отнюдь не всему человечеству. Первые четыре заповеди определяют отношения еврея к Богу своих отцов — последние шесть определяют отношение еврея к еврею. Шестая заповедь запрещает еврею убивать еврея, как Восьмая запрещает еврею красть у еврея, а Девятая запрещает еврею лжесвидетельствовать на еврея. Шестая заповедь и приобретает в этих условиях свой подлинный смысл.

В то время избранный народ шел походом на землю Ханаанскую. Весь он являл собою как бы армию — и Десять Заповедей явились первым в истории дисциплинарным уставом. Сильные этими заповедями, сыны Израиля завоевали Обетованную Землю и утвердились в ней, беспощадно истребив иноплеменников, на которых действие Шестой заповеди не распространялось.

Судия Гедеон поразил Маданитян. Самсон вразумлял Филистимлян не словами, а совершенно другим аргументом. Псалмопевец поразил Голиафа, братья Маккавеи восстали на сирийских угнетателей... Если Шестая заповедь распространялась и на иноплеменников, то все эти праведники, преступив ее, тем самым, очевидно, сделались бы грешниками. Но они остались праведниками — и Божья благодать почил на всех них.

* * *

Христос, уча о любви к ближнему и всепрощении, дал понять Своим ученикам, что много крови будет еще пролито до осуществления Царства Божия.

«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю — не мир пришел Я принести, но меч...» (Матф. X, 34). «Когда же услышите о войнах и смятениях — не ужасайтесь, ибо всему надлежит быть прежде» (Матф. XXIV, 6; Марк. XIII, 7; Лука XXI, 9).

В Евангелии мы находим два примера, относящиеся к проблеме военной службы. Когда к Иоанну Крестителю пришли воины и спросили, что им надлежит делать? — он заповедал им «никого не обижать, не клеветать и довольствоваться своим жалованьем» (Лука VI, 14). Христос отнюдь не призывал воинов «перековать мечи в орала» и бросить военную службу как занятие? Богу неугодное. А на вопрос фарисеев, следует ли платить подати — ответил: «Кесарево — кесарю» (Матф. XXII, 21; Лука XX, 25). И разве отбытие воинской повинности — самого тяжелого из всех налогов — не является воздаянием кесарева Кесарю — царского Царю?

Ошибка «непротивленцев злу» состоит в том, что личным поучениям Христа они стремятся придать характер общественный.

Христос учил: «ударившему тебя по щеке подставь и другую, и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку (Матф. V, 39–40; Лука VI, 29). Этим Он определил отношение человека к человеку. Сын Человеческий снес издевательства книжников и озверелой толпы. Ему стоило лишь захотеть, лишь подумать — огонь небесный испепелил бы и судий и палачей. Он этого не сделал, явив миру неизреченный подвиг кротости и милосердия.

Но Христос снес багряницу и терновый венец — как относившийся к Нему лично. Мы же знаем, что узрев торгашей, оскверняющих святыню — Дом Отца Его, — Он свил бич из веревок — и выгнал их вон.

Изгнание торгующих из храма достаточно ясно указывает всю ересь ссылки «толстовцев» и иных на Христа, якобы проповедывающего непротивление злу насилием. Мы не должны противиться злобствованиям ближнего, если эти злобствования относятся лично к нам. Но если этот ближний посягает на высшие ценности — наш долг воспротивиться ему.

В конце Тайной Вечери Христос дает предупреждение Своим ученикам: «И сказал им: когда Я посылаю вас без мешка и без сумы, и без обуви, имели ли вы в сем недостаток? Они отвечали: ни в чем. Тогда Он сказал им: но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, а также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч... Они сказали: Господи! вот здесь два меча. Он сказал им: довольно» (Лука XXII, 35–37).

Один из этих двух мечей был в ту же ночь обнажен Петром. Христос велел ему вложить этот меч в ножны — «все взявшие меч мечом и погибнут» (Матф. XXVI, 52).

«Противоречие», усматриваемое некоторыми софистами из сопоставления этих двух текстов, исчезнет, если мы будем иметь в виду, что Петр ведь обнажил тогда меч не в защиту

Учения, а в защиту Учителя. Христос не пожелал принять этой жертвы. Не Малх напал на Петра, а Петр первый мечом ударил Малха.

Христос отнюдь не сказал, что взявшие меч погибнут от проказы, или от землетрясения, или от огня небесного. Нет, взявшие меч погибнут именно от меча. Но для того, чтобы они погибли от меча — надо сразить мечом — прибегнуть к справедливой войне. Текст этот, который «непротивленцы» стремятся использовать в качестве одного из главных аргументов своей теории, при внимательном его рассмотрении, обращается таким образом против ереси.

Св. Сергей Радонежский благословил Димитрия Донского на брань с Мамаем. И два с половиной столетия спустя сергиевские иноки по примеру Осляби и Пересвета опоясали рясы мечами, а патриарх Гермоген призвал всю Русскую Землю восстать на угнетателей.

Руководясь примером Христа и деяниями отцов Церкви, мы должны отвергнуть лжеучение «непротивления злу насилием» как богопротивное, антицерковное и в конечном своем итоге — бесчеловечное.

Глава II. Понятие «справедливости» и цели войны

При обожествлении Государства и Нации единственным критерием суждения о степени справедливости данной войны есть степень выгоды ее для Государства и Нации. Если обнаживший меч считает войну единственным способом признания его законных прав, то ничем нельзя заставить его усомниться в справедливости его претензий. Манифест немецких ученых в августе 1914 года является в этом отношении характернейшим человеческим документом.

Первая — войны, вестенные в защиту высших духовных ценностей, — войны безусловно справедливые. Все наши войны с Турцией и с Польшей в защиту угнетаемых единоверцев и единоплеменников, как и Гражданская война 1917—1922 гг. с белой стороны, относятся к этой категории.

Вторая — и наиболее распространенная — войны, вестенные во имя интересов Государства и Нации. Общего правила, общего мерилa для этой категории не существует. К каждому случаю в отдельности надо применять особую мерку — и в каждом случае оценка может быть лишь чисто субъективной.

Третий вид войны — это война, не отвечающая интересам и потребностям Государства и Нации и не отвечающая в то же время требованиям высшей справедливости. Войны этой категории относятся по большей части к типу бескорыстных авантюр, а лучше сказать, авантюр бессмысленных. Таково, например, участие России в коалиционных войнах

в 1799 и 1807–1817 гг., поход в 1849 году на Венгрию, экспедиция французов в Мексику при Наполеоне III.

Войн первой и третьей категории — абсолютно справедливых и абсолютно несправедливых — незначительное сравнительно меньшинство. Больше всего сожжено пороку и пролито крови на войнах второй категории — войнах, имеющих характер государственный, национальный.

Общего мерила, как мы только что заметили, для этого рода не существует. Раньше чем анализировать каждый отдельный, нам надлежит применить синтез: сгруппировать все вообще войны между данными государствами вместе, проследить их взаимоотношения на протяжении веков. Идя таким образом против течения Истории, мы рано или поздно доберемся до первопричины раздора, посмотрим в корень. И тогда определим, кто «взял меч» — следовательно, кто нарушил первоначальную гармонию между данными государствами и данными народами.

Отрешившись от всякого шовинизма — чувства, которое всякий любящий свою Родину должен как можно больше избегать, чтобы не навлекать на нее несчастий, — анализируем для примера справедливость русско-польских войн и русско-польских отношений вообще.

На заре истории этих двух славянских народов их отношения были добрососедскими. Первопричина раздора произошла в XIII веке, когда польские короли наложили свою руку на Червонную, а затем (Литва) и на Белую Русь. В польское государство был введен на положении бесправной «райи» русский православный элемент — многострадальные «диссиденты». В многовековом русско-польском споре почин, таким образом, подали поляки. Люблинская уния, авантюра Сигизмунда III, временный захват поляками Москвы — все это дальнейшие стадии поступательного притеснительного движения поляков.

Вслед затем русская государственность крепнет, польская клонится к упадку. И первый раздел Польши — в сущности, не раздел (польская государственность сохранилась), а просто дезаннексия — явился одним из справедливейших актов мировой истории. Было покончено с грехами четырех столетий, положен предел четырехсотлетним притеснениям.

Справедливость была таким образом восстановлена. Однако палку стали перегибать в другую сторону. Агония польской государственности конца XVIII века создавала у соседей Польши непреодолимые стремления поживиться тем, что «плохо лежит», — совершенно так же как паралич русской государственности XIII и XIV веков возбуждал аналогичные чувства и польских королей и литовских князей. Результатом явился окончательный раздел Польши — экзекуция над целым народом — и насильственное введение в организм России враждебного русской государственности польского элемента. Последствия не замедлили

сказаться: польские восстания против русских, захвативших Варшаву, были столь же обоснованы и столь же справедливы, как русские восстания против поляков, захвативших Кремль. Линеицы Скржинецкого и косиньеры Сераковского находились совершенно в том же положении, что ратники Пожарского и казаки Хмельницкого.

Затем — упадок русской государственности, возрождение польской — и снова нездоровое желание взять «что плохо лежит». И в результате — Рижский мир и реаннексия «диссидентов»...

Мы видим таким образом, что в многовековой русско-польской распре первоначальная, так сказать органическая несправедливость, совершена поляками — что отнюдь не служит доказательством безупречности всех дальнейших поступков с русской стороны. Варшавская губерния в составе Российской Империи такая же несправедливость, как волынские воеводства в составе Речи Посполитой. Был момент — два десятилетия (1772–1794) — восстановление нарушенной гармонии, но на нем не сумели и не захотели удержаться. Справедливость все время переходит из одного лагеря в другой — с очевидным перевесом в сторону России («первоначальный грех» совершен поляками).

То же самое мы можем проделать при изучении других «конкретных случаев» — например при столкновении русского племени с германским. Почин здесь исходит от свирепых Меченосцев, огнем и мечом истреблявших славянские племена во имя торжества воинствующего германизма и оттягавших (несмотря на Невскую битву и Ледовое побоище) северные новгородские пятины. От Ледового побоища до Брест-Литовска — чрез Ливонские войны, Полтаву, Гангут, Бзуру и Сан — справедливость все время на русской стороне (за исключением эпизода Семилетней войны).

При изучении франко-германской распри отправной точкой следует считать 1806 год — Иену и Ауэрштедт, за которыми последовал Тильзитский мир — прототип «версальской диктовки». Трехвековая борьба Бурбонов с Габсбургами отнюдь не имела характера национального, тем паче расового. Почин в той распре принадлежит Пруссии, хотя здесь очень большую роль сыграла неумеренность Наполеона, и особенно утопия дикарей 1789 года. Эти последние выдвинули «национальный принцип» (сперва как противопоставление тиранам, затем как самодовлеющее целое). И нигде их семя не упало в столь благоприятную почву, как в Германии. Благодаря этим теориям немцы двадцати шести отдельных государств впервые осознали себя принадлежащими к единому целому, — и уже в 1813 году Фихте может держать «Речь к германской нации» — чего он не смог бы сделать за пятнадцать лет до того за отсутствием этой германской нации. Создание германской нации произошло в период с 1806 по 1813 год. В первой же трети XIX века была создана ее доктрина (Фихте, Гегелем и др.), совершенствовавшаяся затем целое столетие и приведшая к

войнам 1870 и 1914 годов — войнам, где справедливость бесспорно была на стороне Франции (подделка Бисмарком «эмской депеши» в 1870 г. и ложь о «бомбардировании Нюрнберга» французскими летчиками в 1914).

Ограничившись этими примерами, перейдем к рассмотрению целей войны.

* * *

Величайший варвар XIX столетия — Клаузевиц — выдвинул теорию «интегральной войны» — на уничтожение. Теория Клаузевица была претворена в жизнь виднейшим из его учеников — Лениным — почему и все это учение мы будем называть «клаузевицко-ленинским». Оно сводится к истреблению, уничтожению противника: не только к разгрому его вооруженной силы, но и полному порабощению и уничтожению его как нации — для Клаузевица и его последователей, как класса — для Ленина.

Эта человеконенавистническая теория проводилась немцами — правда, довольно опасно — в Мировую войну (зверства в занятых областях, режим заложников и террора, удушливые газы, неограниченная подводная война, использование внутреннего врага для разложения неприятельской страны) и в гораздо более широком масштабе большевиками.

Лжеучение Клаузевица — как и вытекающий из него «ленинизм», мы должны целиком отвергнуть. Эти лжеучения не соответствуют ни христианской морали, ни российской исторической традиции, ни русской воинской этике — ни простому здравому смыслу.

Войну ведут не для того, чтобы убивать, а для того, чтобы побеждать. Немедленной целью войны является победа, конечной — мир, восстановление гармонии, являющейся естественным состоянием человеческого общества.

Все остальное — уже излишества, а излишества пагубны. Диктуя мир побежденному врагу, следует руководиться строгой умеренностью, не доводить его до отчаяния излишними требованиями, которые лишь порождают ненависть — а стало быть, рано или поздно, новые войны. Заставить врага уважать себя, а для этого не вдаваться в шовинизм, уважать национальное — и просто человеческое — достоинство побежденного.

Нет более высокой цели для политики, как «на земли мир, в человецех благоволение». И с этим идеалом, к которому должна посылно эта политика стремиться, несовместимы ни закованные в цепи народы-илоты по Клаузевицу и его последователям, ни превращение вселенной в кладбище по Ленину.

Глава III. Война и Мир

Мир является нормальным состоянием человечества. Мирное состояние в наибольшей степени благоприятствует как его духовному развитию — так и материальному благосостоянию. Война для него — явление того же порядка, как болезнь для человеческого организма.

Война — явление таким образом патологическое, нарушающее правильный обмен веществ государственного организма. Организм нации, ведущей войну, во многом можно уподобить человеческому организму в болезненном состоянии. Разница лишь в том, что человеческий организм не волен к заболеванию — тогда как государственный организм наоборот идет на риск «военного заболевания» — сознательно.

Многие войны оказали услугу человечеству. Походы римлян, покоривших весь известный древний мир, приобщили к цивилизации, правовой школе, а впоследствии и к христианству иберские, кельтские племена. «Пилумы» римских легионеров стали сваями европейской государственности (в анархичности и слабой государственности завоеванных германцами славянских племен как раз и сказалось отсутствие римского влияния). В эпоху крестовых походов Запад заимствовал у Востока его науки и полудикие европейцы многому научились у просвещенных арабов. На рубеже XV и XVI веков итальянские походы Карла VIII и Людовика XII приобщили Францию к Возрождению. А Франция и сообщила Возрождению тот блеск и тот европейский размах, что ему не могла придать разделенная на множество мелких государств его родина — Италия.

Вообще же, если войну самое по себе всегда надо считать бедствием, последствия войны иногда бывают благотворны. Война 1914–18 гг. — бедствие, каких мало в истории человечества. С русской катастрофой 1917 года может сравниться разве лишь Черная Смерть XIV века и — в более слабой степени — нашествие монголов.

Но русская революция — не родное дитя войны, а всего-навсего ее приемыш. Она — дочь Десятилетия и устаревших его теорий. Родное дитя Мировой войны — это «фашизм» и родственные ему идеи, открывшие человечеству новые горизонты, давшие ему новые формы социального устройства, выведшие человеческую мысль и общество из того безвыходного тупика, куда их загнали дикари 1789 года и их последователи — материалисты XIX столетия. Уже ради одного этого положительного духовного результата можно признать, что десять миллионов людей отдали свою жизнь не даром.

* * *

Со всем этим война является бесспорным и большим злом. И решаться на это зло — на эту болезнь — следует лишь в положениях безвыходных — когда «клин клином» остается единственным средством за истощением всех остальных аргументов. Худой мир, в общем, лучше доброй ссоры. Это — правило, от которого возможно делать исключения разве лишь в случае очень худого мира, грозящего в конце концов пагубно отразиться на морали и благополучии страны.

Орган государства, компетентный в данном случае, именуется дипломатией (состоящей из центрального аппарата и внешнего представительства). Существует две школы дипломатии.

Старая — или кабинетная. Государственные дела поручаются в этом случае людям, специально для того предназначенным, обученным, воспитанным, можно сказать, для этого родившимся. Самое прохождение службы этих людей, из которых каждый до получения «генеральского чина» посла либо посланника побывал в четырех-пяти столицах, следовательно, изучал на деле четыре-пять государств, их правителей, дипломатов, при них аккредитованных — т.е., практически, большую часть своих иностранных коллег — гарантирует их компетентность.

За патологической эпохой 1914—1918 гг. последовала эпоха коллективного размягчения мозгов (последствие жестокой контузии мира в ту войну), эпоха, именуемая «демократической». Внешнеполитическим ее последствием явилась замена старой кабинетной школы новой школой — ярмарочной.

Делами, вместо профессионалов, стали заправлять любители, вместо сведущих людей — люди несведущие, митинговые ораторы, имевшие звание «народных избранников», но не всегда имевшие свидетельства об окончании начальной школы.

Результаты этой новоявленной «неумытой дипломатии» не замедлили сказаться.

Она перенесла в международные отношения «внутреннеполитический дух» — атмосферу митингов и кулуарных комбинаций. По сравнению с профессиональными дипломатами — людьми ничем не связанными — политические лидеры демократии связаны по рукам и ногам. Какая-нибудь внутреннеполитическая каверза, к делу ни малейшего отношения не имеющая, какой-нибудь партийный инцидент заставляет их спешно покидать международные конференции, где дебатировались — с большей или меньшей некомпетентностью — вопросы первостепенной важности. Перерыв работ, недели неопределенного, напряженного, всех нервирующего положения, — пока не удастся успокоить не вовремя расхоронившуюся провинциальную масонскую ложу либо парламентскую фракцию — песчинку, остановившую поезд. В эпоху демократий все международные проблемы рассматривались в первую очередь, а то исключительно с точки

зрения внутренней политики, т.е. партийных интересов, — и личный успех в парламенте или на избирательной кампании был единственной заботой всех этих «карнавальных Талейранов».

Ярмарочным дипломатам — толпе и вожакам толпы — не по плечу тонкая «ювелирная» работа дипломатов-профессионалов. Их позы, их слова, их действия рассчитаны лишь на сегодняшний день и на интеллект толпы. На глазах толпы — толпы, сатанеющей от крови гладиаторов на ристалище, — и совершаются в раскаленной атмосфере все дела, обсуждавшиеся раньше компетентными людьми в спокойной и деловой обстановке министерских и посольских кабинетов.

Мы упомянем лишь для памяти о бесславно закончившей свой век «Лиге наций». Банкротство этого учреждения и идеи, его породившей, настолько очевидно, что избавляет нас от необходимости это доказывать многочисленными фактами.

Старую дипломатию упрекают в «провоцировании» войн. Упрек этот могут сделать лишь люди, сознательно рассорившиеся с историей (самой антидемократической из наук). История последних двухсот лет учит нас, что если на каждую войну, «спровоцированную» дипломатией (спровоцированную, не следует забывать, по приказанию соответственных правительств), приходится три войны, которых «кабинетная» дипломатия не смогла предотвратить — как не смогла бы их предотвратить и ярмарочная дипломатия (никакими нотами нельзя остановить тигра, решившегося на прыжок), — то зато на каждый такой случай приходится, по крайней мере, десять войн... не состоявшихся благодаря своевременному, тактичному, корректному и незримому для посторонних, для свирепой и невежественной толпы — вмешательству профессиональной дипломатии.

Глава IV. О разоружении

В средние века во время чумных эпидемий и в менее давние эпохи «холерных бунтов» чернь избивала лекарей и докторов, видя в истреблении врачей, якобы разводящих заразу, средство избавиться от беды.

«Интеллектуальная чернь» двадцатого века — так называемые пацифисты, — а также руководящая (и в то же время руководимая) этой чернью ярмарочная дипломатия видят в роспуске армий средство избавиться от войн. По их мнению, наличие вооруженной силы является причиной зла: кровожадные генералы, чающие отличий, — «пушечные короли», ждущие барышей, вовлекают страну в военную авантюру попустительством «вырождающихся династий» и «секретной» (притом еще титулованной) дипломатии.

Таков убогий трафарет «демократическо-пацифистского» мышления. Эта точка зрения оратора, митингующего с бочки перед толпой невежественной черни, сделалась официальной доктриной «передовых демократий» 20-х и 30-х годов XX столетия — эпохи демократического маразма. Бесспорно с той же точки зрения следует избить врачей и закрыть аптеки, чтоб избежать болезней, распустить пожарные команды, чтоб не иметь пожаров, упразднить семафоры и стрелочников, чтоб избежать железнодорожных крушений.

Самое разоружение проповедывается в двух плоскостях. Замена постоянных армий народным ополчением — «воинственных профессионалов» якобы миролюбивой милицией. Одновременно с этим — отказ от ряда технических средств и преимуществ — боевой авиации или некоторых ее видов, газов, тяжелой артиллерии — чем думают сделать войны «менее кровопролитными».

Миф «миролюбивой милиции», бывший навязчивой идеей еще Жореса, стар и затаскан, как вся идеология 1789 и 1848 годов. Самая антидемократическая из всех наук — история (наука, которую демократия ненавидит, и недаром: это ее смерть) учит нас совсем иному. Стоит лишь вспомнить народные ополчения древности — кимвров, тевтонов, гуннов, монголов. В новые времена миролюбивая народная милиция упивается кровью протестантов либо католиков (смотря по ее вероисповеданию). В новейшие — вооружившиеся граждане Республики «объявили мир миру», насаживая по всей Европе «либертэ, эгалитэ» штыками и картечью, раздвинув границы Франции до Рейна и облагодетельствовав народы Голландии, Швейцарии, Италии соответственно Бетавской, Трансальпийской, Цисальпинской, Партенопейской республиками с гильотинами на каждой площади.

Столь же неубедительна, хоть и менее затаскана (ибо относится не к 1789, а к 1919 году) аргументация сторонников ограничения вооружений посредством «изъятия из обращения» ряда боевых средств, уже успевших зарекомендовать себя на полях сражений.

Запрещаются удушливые газы. Но не запрещается химия как наука, не запрещаются химические лаборатории, физические кабинеты, фабрики искусственных удобрений и красок, наконец, просто аптеки. Запретить их нельзя, а, между тем, все эти учреждения в кратчайший срок могут быть приспособлены к выделке удушливых газов. Запрещается военная авиация, но не запрещается гражданская, ибо запретить ее нельзя, — а, между тем, менее чем в 24 часа, все почтовые и спортивные самолеты можно превратить в бомбоносцев и истребителей. Запрещаются танки, но не запрещается автомобильное и тракторное производство. Запрещается тяжелая артиллерия, но не запрещается металлургическая промышленность... Все это разоружение, — будь оно добровольным, полудобровольным или принудительным — имеет величайшее сходство с законами о принудительной трезвости, столь печально зарекомендовавшими себя у нас в России и в Соединенных Штатах. Там

запрещается «военная» химия, но не запрещается химическая промышленность — здесь запрещается водка, но не запрещается самогон (ибо этого никто не в силах запретить) и не запрещаются деньги, за которые можно приобрести какое угодно — более или менее поддельное вино. Обе эти идеологии — разоружение и сухой режим — в своей основе имеют полное пренебрежение человеческой природой и человеческой психологией и, будучи поэтому нежизненными, обречены на провал.

* * *

Технические средства, как это ни покажется на первый взгляд странным, сами по себе отнюдь не увеличивают кровопролития. С кровопролитностью Бородинского побоища, веденного кремневыми ружьями, не сравнится ни одной операции Великой войны (под Бородином 100 тысяч человек пало с обеих сторон за каких-нибудь 8 часов — под Верденом 700 тысяч, но за 8 месяцев). Влияние техники на тактические навыки сказалось прежде всего в затяжном характере, тягучести операций — большем напряжении нервов и, в общем, меньшей кровопролитности. Для того, чтоб выбить из строя то же количество людей, что за семь часов при Сен-Прива, требуется семь дней Ляоянской недели работы магазинных ружей и скорострельной артиллерии.

Кровопролитность боя — результат не столько «техники», сколько плохой тактики, самого темпа, «ритма» операций, качества войск и ожесточения сражающихся (Бородино, Цорндорф). Побоища первобытных племен, вооруженных каменными топорами, относительно гораздо кровопролитнее современного огневого боя. В кампанию 1914 года, веденную в условиях сравнительно примитивной техникой французская армия теряла в среднем 60 000 убитыми и умершими от ран в месяц — расплата за плохую тактику. В кампанию же 1918 года в условиях неслыханного насыщения фронта «смертоносной техникой» — потери убитыми не только не увеличились (как то, казалось, можно было подумать) а, наоборот, сократились в три раза, составив в среднем 20 000 чел. в месяц.

«Техника» таким образом имеет тенденцию не увеличивать, а наоборот сокращать кровавые потери. Удушливые газы, при всем своем бесспорно «подлом» естестве, дают в общем на 100 поражаемых лишь 2 смертных случая — тогда как т. н. «гуманная» остроконечная пуля дает 25 % смертельных поражений. Все это с достаточной ясностью указывает на несостоятельность теории «технического разоружения». Урезывая технику путем «разоружения», мы уменьшению кровопролития способствовать не будем.

Несколько (хоть и не намного) обоснованнее — теоретически — система «морального разоружения» — бывшая излюбленным коньком женевских снобов конца 20-х и начала 30-х годов двадцатого столетия. Но ведь для достижения морального разоружения народов надо,

прежде всего, этим народам запретить источник конфликтов — политическую деятельность. А для того, чтоб запретить политику, надо запретить причину, ее порождающую, — непрерывное развитие человеческого общества, в первую очередь развитие духовное, затем интеллектуальное и, наконец, материальное и физическое. Практически это выразится в запрещении книгопечатания и вообще грамотности (явления совершенно того же логического порядка, что запрещение удушливых газов и введение принудительной трезвости), обязательном оскоплении всех рождающихся младенцев и тому подобных мероприятиях, по проведении которых «моральное разоружение» будет осуществлено в полном объеме, исчезнут конфликты, но исчезнет и причина, их порождающая, — жизнь.

Есть одна категория людей, навсегда застрахованных от болезней, — это мертвые. Вымершее человечество будет избавлено от своей болезни — войны.

* * *

Итак, если мы хотим предохранить государственный организм от патологического явления, именуемого войною, — мы не станем заражать его пацифистскими идеями. Если мы желаем, чтобы наш организм сопротивлялся болезненным возбудителям — нам надо не ослаблять его — в надежде, что микробы, растроганные нашей беззащитностью, посовестятся напасть на ослабленный организм, — а, наоборот, сколь можно более укреплять его. Укреплением нашего государственного организма соответственным режимом (внешним и внутренним) и профилактикой мы повысим его сопротивляемость как пацифистским утопиям вовне, так и марксистским лжеучением изнутри — стало быть, уменьшим риск войны, как внешней, так и гражданской.

Нападают лишь на слабых — на сильных — никогда. На слабых, но показывающих вид, что они сильны, нападают реже, чем на сильных, но не умеющих показать своевременно своей силы и производящих со стороны впечатление слабых.

В 1888 году произошел знаменитый «инцидент Шнебле», едва было не вызвавший франко-германской войны. В последнюю минуту Бисмарк не решился: французская армия только что была перевооружена магазинной винтовкой Лебеля, тогда как германская имела еще однозарядки. Жившая в 80-х годах еще мечтою о реванше Франция была сильной — и казалась сильной (цело Дрейфуса, надолго отравившее ее организм, произошло значительно позже). На востоке же грозила могучая Россия Царя Миротворца... Авантюра была отложена...

Другой пример — 1904 год. Маркиз Ито проявил большую решимость, чем Бисмарк в свое время. Не рискнули бы японцы напасть на нас, если бы Порт-Артурская эскадра была снабжена доками, если бы на Ялу вместо бригады Кашталинского стояло три-четыре

корпуса, если бы Манчжурия была соединена с Россией не одноколейным, (притом незаконченным), а 4-хколейным непрерывным рельсовым путем? И если бы японцы знали, что русская государственность не усыплена гаагским дурманом, а общественность, вместо посылок приветственных телеграмм Микадо, будет защищать интересы своей страны?

1914 год. Германия провоцирует войну, потому что не желает иметь дела с сильной русской армией 1920 года — армией, явившейся бы результатом семилетней «Большой военной программы» 1913 года. Одновременно война объявляется и Франции: робость и недомыслие ее правителей (приказ Вивиани отступить на 10 км. от границы в доказательство миролюбия) показали Германии доказательством слабости всей страны, всей армии. Типичный пример нападения на сильного, потому что он со стороны кажется слабым.

Изучение всех войн, всех конфликтов, как прежних времен, так и современных, убеждает нас в справедливости положения, проводившегося Ермоловым на Кавказе, сто лет спустя сформулированного в Марокко Лиотэем: *«Надо вовремя показать свою силу, чтоб избежать впоследствии ее применения»*. Это положение должно лечь в основу всякой здоровой политики.

Вообще же следует помнить, что «идеологи» обошлись человечеству дороже завоевателей — и последователями утопий Руссо пролито больше крови, чем ордами Тамерлана.

Глава V. Природа военного дела. Военное искусство и военная наука

Является ли военное дело достоянием науки или искусства? Чтобы ответить на этот вопрос, надо все время иметь в виду двойственную природу военного дела.

Военное дело слагается из двух элементов. Элемента рационального — соизмеримого, вещественного, поддающегося точному анализу и классификации. Элемента иррационального, духовного, несоизмеримого — того, что Наполеон называл *«la partie sublimede l'art»*.

Рациональная, вещественная часть военного дела — достояние военной науки. Иррациональная, духовная — достояние военного искусства. Смотреть телесными глазами может каждый зрячий человек — смотреть и видеть духовными очами дано не всякому. Искусство дается Богом — наука дается человеку его трудами. Изваять Зевса может лишь Фидий — изготовить анатомический чертеж человеческого тела может любой студент-медик.

Искусство — удел немногих избранных — как правило, выше науки — удела многих. При этом следует оговориться, что в своих высших проявлениях наука имеет тоже отпечаток

гения — свою «partiesublime». Менделеев или Пастер могут считаться украшением человечества в той же степени, как Достоевский и Гете.

Подобно благородному металлу искусство не может применяться в чистом своем виде. В него подобно лигатуре всегда должна входить известная доля науки.

Композитора осенило вдохновение. В его душе зазвучали незримые струны... Это — момент чистого искусства, так сказать абсолютное искусство. Он хватается перо и нотную бумагу, перекладывает свое вдохновение (рискующее иначе быть потерянным для него и для людей). И с этой минуты к чистому искусству примешивается лигатура науки: надо знать ноты, такты, контрапункты, уметь распределить партитуры, равным образом и поэт обязан знать грамматику, а ваятель — анатомию человека и животных, свойства гипса, бронзы, мрамора.

Аналогия с военным искусством полная. Гениальнейший план рискует здесь оказаться химерой, коль скоро он не сообразуется с реальностью. Величайший из полководцев не смеет безнаказанно пренебрегать элементами военной науки, хоть он сам в свою очередь совершенствует эту науку и сообразуется с ее принципами, зачастую инстинктивно.

Чем выше процент благородного металла в сплаве — тем драгоценнее этот сплав. Чем больше наблюдается в полководце преобладания иррационального элемента искусства над рациональным элементом науки — тем выше его полководчество. Наполеон в большинстве своих кампаний, Суворов во всех своих кампаниях — дают нам золото 96-й пробы. Полководчество Фридриха II — гений сильно засоренный рутинной и «методикой», — золото уже 56-й пробы. Полководчество Мольтке-старшего — таланта, а не гения — уже не золото, а серебро (довольно высокой, впрочем, пробы), полководчество его племянника — лигатура, олово.

* * *

Военная наука должна быть в подчинении у военного искусства Первое место — искусству, науке только второе.

Бывают случаи, когда науке приходится затенять искусство — играть роль как бы его суррогата (роль «накладного золота» — если развивать дальше нашу метафору). Случаи эти соответствуют критическим периодам военного искусства, упадку его — эпохам, когда это искусство — дух — отлетает от отживающих, но еще существующих форм и ищет, и пока еще не находит новых путей. Так было во второй половине XVII века на Западе, когда вербовочные армии искали спасения в рутине линейных боевых порядков и софизмах «пятипереходной системы». Новые пути были найдены французской — так называемой

Великой революцией, давшей вооруженный народ, — и военное искусство возродилось в революционные и наполеоновские войны. Так было и в войну 1914–18 гг. — войну, видевшую кульминационный пункт, но зато и вырождение вооруженных народов — «полчищ». Выход для военного искусства был найден после войны в старорусской системе сочетания идеи количества — народной армии (земского войска) с идеей качества — армией профессионалов (княжеской дружины). Эта старорусская система, примененная в последний раз в 1812 году (Кутузов и Растищин), именуется иностранцами — которым это простительно — и русскими невеждами — которым это непростительно — «система генерала фон-Зеекта».

На этот случай «сумерек военного искусства» — случай, который Фош характеризует «невольным отсутствием достаточного военного гения» (*l'absence forsee d'un genie suffisant*) — и припасен коллектив, наиболее совершенным образчиком которого был «большой генеральный штаб» германской армии.

На этот научный коллектив, существовавший во всех армиях, на отдельных, более выдающихся его представителей и пало бремя полководчества Мировой войны — войны, сочетавшей огромный процент научной лигатуры с очень небольшим количеством искусства. Отсюда и «серый» характер полководчества 1914–18 гг. за немногими исключениями, как, например, все творчество ген. Юденича на Кавказском фронте, бои французского Скобелева — ген. Манжена, и некоторые операции армии Гинденбурга на Восточном фронте, фон-Клука на Урке и несколько других ярких примеров.

Искусства немного — и оно целиком сосредоточено на творчестве нескольких вождей. В решительные моменты творчество Жоффра, Галлиени, Фоша и Манжена (знаменитый «полководческий четырехугольник») оказалось выше творчества Мольтке-младшего, фон-Клука, Фалькенгайна и Людендорфа — подобно тому, как Гинденбург, Людендорф, Фалькенгайн и Макензен оказались выше Великого Князя, Жилинского, Рузского, Иванова. Это обстоятельство и определило характер войны, предрешило ее исход — несмотря на то, что немецкий коллектив по своему качеству, своему «дурхшнитту», своему научному базису, отделке и разработке доктрины, одним словом, по постановке своей рациональной части значительно превосходил коллектив французский. Личность, как всегда, оказалась решающим фактором. Военное искусство — достояние личности — хоть и было у французов (по причинам, от самих вождей во многом не зависящим) не очень высокого качества — все-таки оказалось выше рациональной научности — достояния коллектива.

Наука сливается с искусством лишь в натурах гениальных. Вообще же — и это особенно сказывается в случае «суррогата» (попытка наукой возместить недостаток искусства) — она дает тяжеловесные результаты в сфере полководчества. Чисто научное

полководчество — без или с очень слабым элементом искусства — можно сравнить с вычислением малой окружности. Наука дает здесь число «пи», позволяющее производить вычисления с наибольшей точностью, но не дающее средства постичь всю «иррациональность» круга. Научная «методика» может приближаться к интуиции искусства — сравняться с последней ей не дано — незримая, но осязаемая перегородка будет все время сказываться, Сальери «алгеброй гармонию проверил», — а с Моцартом все-таки не сравнился.

Проблема превосходства искусства над наукой — такого же порядка, как проблема превосходства духовных начал над рационалистическими, личности над массой, духа над материей.

* * *

Военное искусство, подобно всякому искусству, национально, так как отражает духовное творчество народа. Мы различаем русскую, французскую, итальянскую, фламандскую и другие школы живописи. Мы сразу же распознаем чарующие звуки русской музыки от музыки иностранной. В военной области — то же самое. «Науку побеждать» мог создать только русский гений — «О Войне» мог написать только немец.

Из всех искусств два — военное и литературное — являются чутким барометром национального самосознания. На повышение и понижение этого самосознания они реагируют в одинаковой степени, но по-разному. Военное искусство, как органически связанное с национальным самосознанием, повышается и понижается вместе с ним. Литературное, более независимое от национального сознания (вернее не столь органически с ним связанное), реагирует иначе; оно отражает эти колебания в своем зеркале. Качество остается приблизительно тем же — перерождается лишь «материя». Ломоносов, Пушкин, Чехов — три имени, первый из них отражает зарю, второй — полдень, третий — сумерки Петровской Империи.

Любопытно проследить этот «барометр». Военное дело — синтез «действия» нации, литература — синтез ее «слова». Гению Румянцева соответствует гений Ломоносова. Суворову — орлом воспаривший Державин. Поколению героев Двенадцатого года, красивому поколению Багратиона и Дениса Давыдова — «певец в стане русских воинов» — Жуковский. Младшие представители этого поколения — Пушкин и Лермонтов. Эпоха Царя-освободителя дает нам корифеев русского самосознания — Достоевского, Аксакова и Скобелева. Затем идет упадок — и в сумерках закатывающегося Девятнадцатого, в мутной заре занимающегося Двадцатого века тускло обрисовываются фигуры Куропаткина и Чехова...

Искусство таким образом национально. Национальность является характернейшим его признаком, его так сказать «букетом», квинтэссенцией — все равно, будет ли речь идти о военном искусстве, литературе или живописи. Отвлеченного интернационального «междупланетного» искусства не существует.

Несколько иначе обстоит дело с наукой. Если народы сильно разнятся друг от друга своим духом (а стало быть и порождением духа — искусством) — то в интеллектуальном отношении, разница между народами — между мыслящим отбором, «элитами» этих народов — гораздо меньше, нежели в духовном, следовательно, «точек соприкосновения», общности здесь гораздо больше.

Математика, Физика, Химия, Медицина — науки объективные, равно как и догматическая часть философии. И француз, и немец, и коммунист и монархист одинаково формулируют теорию Пифагора.

Науки социальные — эмпирическая часть Философии, История, Социология, Право — наоборот, национальны и субъективны, ибо занимаются исследованием явлений жизни народов и выводом законов их развития. Француз и русский, одинаково формулируя теорему Пифагора, совершенно по-разному опишут кампанию 1812 г. Более того, трактовка этих наук зависит не только от национальности их представителей, но и от политического, субъективного мировоззрения их. Сравним, например, Иловайского с Милюковым, Гаксотта с Лэвиссом. Приняв советский метод «исторического материализма» и «классового подхода», можно, например, пугачевского «генерала» Хлопушу Рванья Ноздри сделать центральной фигурой Русской Истории и посвятить ему двести страниц, а Рюрику, Грозному и Петру I вместе — отвести полстраницы.

Военная наука относится к категории социальных наук. Она стало быть национальна и субъективна. Ее обычно считают частью социологии, что по нашему скромному мнению совершенно ошибочно. *Военная наука является сама в себе социологией*, заключая в себе весь комплекс, всю совокупность социальных дисциплин, *но это — Патологическая Социология.*

Нормальное состояние человечества — мир. Социология исследует явления этого нормального состояния. Война представляет собой явление болезненное, патологическое. Природа больного организма, его свойства, его функции уже не те, что здорового. Применять к ним одну и ту же мерку невозможно.

Поэтому военная наука — это социология на военном положении. Или (считая войну явлением патологическим) — социология патологическая. Военный организм представляет аналогию с национальным организмом. Война — та же политика. Армия — та же нация.

Часть вторая. Об элементах войны

Глава VI. Политика и Стратегия

Политика — это руководство Нацией, управление Государством. Стратегия — это руководство вооруженной частью Нации, управление той эманацией Государства, что называется Армией.

Политика — целое, Стратегия — часть. Стратегия творит в области, отчеркнутой ей политикой. Это — политика войны, тогда как самая война — элемент политики Государства. Откуда явствует, что Стратегия есть один из элементов Политики — и безусловно один из капитальных ее элементов.

Задача Политики — подготовить работу Стратегии, поставить Стратегию в наиболее выгодные условия в начале войны, облегчить работу Стратегии в продолжение войны и как можно лучше пожать плоды Стратегии после войны.

Дипломатия и Стратегия — это две руки Политики. И тут необходимо, чтобы правая рука все время знала, что делает левая, — и обратно. Раньше чем предпринять какой-либо ответственный шаг государственного, тем более международного значения — Политик должен оглянуться на Стратега и спросить его — «я собираюсь сделать то-то. Достаточно ли мы для этого сильны?» Если Стратег ответит утвердительно, то Политик сможет высоко поднять национальное знамя и смело выйти на международное ристалище. Но если Стратег ответит отрицательно — то Политику ничего не останется, как свернуть знамя, бить отбой, сбавить тон, пожертвовав подчас национальным самолюбием во избежание худшего из несчастий. В этом случае долг Стратега заранее предупредить Политика, не дожидаясь его вопроса.

Когда зимой 1909 года Австро-Венгрия решилась на аннексию Боснии и Герцеговины, Эренталь предварительно запросил Конрада. И — получив ответ, что Русская армия дезорганизована Японской войной, а собственная достаточно сильна, чтобы в союзе с Германскою справиться с нею — дерзнул на этот решительный шаг. Извольский в свою очередь обратился к ген. Редигеру с вопросом, в состоянии ли мы на это реагировать, в состоянии ли Россия защитить свое достоинство великой державы? И получил честный,

прямодушный, неприукрашенный ответ... Ценой жестокого унижения Россия была спасена от катастрофы.

Классический случай взаимодействия Политики и Стратегии — когда Политик обратился к Стратегу — имел место в 1870 году, когда франко-пруссский конфликт (по поводу кандидатуры Гогенцолерна на испанский престол) развивался всю первую половину июля. Король Вильгельм лечился на водах в Эмсе. Он был настроен миролюбиво, решив почтить на лаврах Датской и Австрийской кампании. Бисмарк, наоборот, видел в войне с Францией последний этап завершения единства Германии — грандиозной цели, к которой неуклонно стремилась его политика.

16-го июля Бисмарк, Мольтке и Роон завтракали втроем в Эмсе — когда на имя Канцлера вдруг прибыла депеша от французского посла в Берлине. Это был ответ французского правительства на прусскую ноту — ответ, составленный в очень мягких, примирительных выражениях. Все трое сразу приуныли. Стало ясно, что при миролюбивом короле война отныне невозможна и объединение Германии придется отложить, если и не до греческих календ, то до очень отдаленного времени.

Бисмарк встал. Он принял решение. «Скажите, — обратился он к Роону, — снабжена ли наша армия всем необходимым?» — «Безусловно снабжена», — ответил Роон. Канцлер перевел взгляд на Мольтке: «Ручаетесь ли вы за успешное ведение войны?» — «Ручаюсь», — ответил Мольтке.

«Тогда, — пишет Бисмарк в своих мемуарах, — я вышел в соседнюю комнату, сел за стол и переделал весь текст французской депеши, изменив ее тон и содержание, заменив примирительные выражения резкостями». То есть подделал депешу и в этом виде понес ее королю. Король Вильгельм, возмущенный «наглостью» Франции, ответил резким отказом на французские предложения — и Наполеон III объявил ему войну...

Этот классический случай, известный Истории под названием «эмской депеши», показывает нам Политика, пусть беспринципного, но гениального. Политика здесь безусловно владеет Стратегией. Но этот же случай выявляет нам и Стратега, умеющего брать на себя ответственность, как бы благословляющего Политика на его чреватый огромными последствиями шаг. Короче, в Эмсе мы видим непревзойденный образец взаимодействия Политики и Стратегии. Какая огромная разница между «художественной» подделкой эмской депеши и аляповатыми баснями 1914 года о «восемидесяти переодетых французских офицерах, пытавшихся проникнуть через германскую границу» и о «бомбардировании Нюрнберга французскими летчиками!» Это — как раз разница между Бисмарком и Бетман-Гольвегом — разница, которой в области Стратегии соответствует разница между Мольтке-старшим и Мольтке-младшим.

В 1870 г. в Германии, тогда еще Пруссии, и Политика и Стратегия — на высоте. В 1914 году в той же стране ни Политика, ни Стратегия на высоте не оказались.

* * *

Бывает однако, что один из этих двух «элементов национального действия» на высоте, другой нет. Разнобой этот служит признаком расшатанности государственного механизма, утраты согласованности движений его частей. Он указывает на расстройство организма, где правая рука утрачивает чувство солидарности с левой.

Особенно разительный пример несоответствия Политики со Стратегией являет нам Наполеон. Величайший полководец Истории явился в то же время совершенно несостоятельным политиком. Он пренебрег мудрой традицией Ришелье и королевской Франции. Упразднением мелких немецких княжеств он способствовал образованию единой германской нации. Кацбах и Лейпциг были результатами этой близорукой политики. Во внешней своей политике Наполеон добился соединения против себя всех тех, кого он должен был бы держать разъединенными. Внутренняя его политика столь же катастрофична. Его гражданское законодательство, составленное в анархическо-индивидуалистическом духе утопий Руссо, с сохранением якобинской централизации управления, разрушило семейные устои Франции. Те сотни тысяч французов, что Наполеон погубил в своих красивых, но в конечном итоге бесполезных сражениях — ничто в сравнении с миллионами и десятками миллионов французов, которым он своим законодательством запретил родиться. «Code civil» погубил французскую рождаемость. Известны слова лорда Кастальри на Венском конгрессе — «Зачем нам добивать Францию? Предоставим это ее законодательству!»

Упадочный период нашей старой государственности можно вообще резюмировать как несогласованность Политики и Стратегии.

В 1877 г. наша Политика на высоте (чему способствует личное влияние Царя Освободителя и патриотизм общества). Она имеет мужество принять «великодержавное» решение вопреки Европе объявить Турции войну. Зато Стратегия плачевна.

В 1878 г. Стратегия выправилась. Русская Армия у стен Цареграда. Но тут капитулирует политика.

В 1905 г. — полный разнобой. Политика игнорирует Стратегию. Нельзя было сознательно идти на риск конфликта с Японией, не позаботившись закончить Сибирский путь. Нельзя было преследовать грандиозные цели на Дальнем Востоке, опираясь всего на два или три батальона сибирских стрелков. Нельзя было брать лесные концессии на Ялу, не позаботившись устройством доков в Порт-Артуре. Нельзя было делать второй шаг, не сделав

первого. Стратегия, впрочем, тоже совершенно не на высоте и дает себя застать врасплох. Витте и Куропаткин стоят друг друга.

Русская стратегия Великой войны, при всей своей посредственности, не была так уж плоха, как то может показаться по ее результатам. Но она была связана по рукам и по ногам плачевнейшей политикой. Россия беспрекословно подчинялась самым абсурдным требованиям своих союзников, приносила безоговорочно насущные свои интересы в жертву их самым мелочным, меркантильным расчетам (под формой «общесоюзного дела»). Мы играли жалкую роль. По первому приказанию союзников — мы бросались для них в огонь. Мы сразу пошли у них на буксире, подпали под их полное и абсолютное влияние, закрепили себя ужасным Лондонским протоколом.

Эта унижительная подчиненность сказывалась и на мелочах. Русские генералы странствовали за полярный круг на междусоюзные конференции в Шантильи — и никому в голову не пришла мысль устроить таковые в Барановичах либо в Могилеве (что имело бы важное значение и в том отношении, что Россия была бы здесь представлена перворазрядными величинами и ее удельный вес сразу повысился бы). Мелочь эта вообще характерна для нашего неумения соблюдать достоинство России в переговорах с иностранцами. Наша история полна парижских, лондонских, венских, берлинских конференций. Но нет ни одного «Петербургского мира» либо «Московского договора». Даже после удачной войны мы шли извиняться за свои победы в заграничные столицы вместо того, чтоб предложить заинтересованным иностранцам явиться к нам!

Мы никогда не умели разговаривать с иностранцами — и в Великую войну не сумели поставить себя на подобающее место, не сумели использовать наше в сущности очень выгодное политическое положение. Союзники в нас чрезвычайно нуждались, особенно первые два года войны. Нашу помощь нам надо было продавать совершенно так же, как они продавали нам свою.

Прекрасный пример нам дала Италия своим упорным и беззастенчивым торгом перед вступлением в войну. Политическое чутье всегда было в почете у соплеменников Макиавелли. Италия сразу же показала своим будущим союзникам, что «возить на себе воду» она не позволит. И благодаря этому политическому чутью и этой политической воле удельный, великодержавный вес Италии на междусоюзных конференциях сразу же стал более высоким, нежели удельный вес России, несмотря на гораздо более скромный размер «лепты на общесоюзное дело».

Не будем говорить про довоенную французскую цензуру плана нашего стратегического развертывания. Французы определяли как численность сил нашего С.-З. фронта, так и сроки его готовности, в результате чего наше наступление в Восточную

Пруссию на 15-й день мобилизации (в то же время мы совершенно лишены были права делать какие бы то ни было замечания, высказывать какие бы то ни было пожелания относительно знаменитого «Plan XVII»). Упомянем только про одну из слишком многочисленных наших моральных капитуляций — «нарочское наступление» в марте 1916 года. Предпринято оно было — по настоянию союзников армиями нашего Западного фронта с целью облегчить Верден.

Двести тысяч русских офицеров и солдат окровавленными лоскутьями повисли на германской проволоке (одна 2-я армия лишилась 140000 убитыми и ранеными), но сберегли кровь тысячам французов. К апрелю 1916 г. за Верден легло в полтора раза больше русских, чем французов.

Неудача этого предпринятого в мартовскую распутицу наступления до того морально повлияла на ген. Эверта, что он потом (уже летом) категорически отказался перейти в наступление вторично — и победоносные, но малочисленные армии Ю.-З. фронта, не поддержанные, захлебнулись в своей победе, а кампания 1916 года оказалась безрезультатной.

Вот к каким жестоким последствиям в Стратегии приводит слабая Политика, бесхарактерность, неспособность твердо и властно огородить свои права, сказать «нет» (объяснив, почему именно «нет»). Мы не в силах были что-либо отказать нашим союзникам — даже когда они требовали, чтоб мы им вырывали из нашего живого тела куски мяса. А двенадцать лет спустя маршал Петен в своей книге «Верден» ни единым словом не упомянет о тех двухстах тысяч русских, что отдали свою жизнь и кровь при Нароче...

Из русских деятелей Великой войны политическим чутьем и сознанием государственности были наделены лишь ген. Гурко — поборник равноправия России с союзниками – и командовавший в 1914 году Черноморским флотом адм. Эбергардт*.

Немедленно же по прибытии «Гибена» в Золотой Рог адмирал Эбергардт сознал, что эти корабли вовлекут Турцию Эннера в войну с Россией (последствием чего должно было явиться закрытие проливов и полная изоляция России от остального мира). Он предложил атаковать «Гибена» в турецких водах своими пятью старыми, но отлично стрелявшими кораблями — и этим предупредительным мероприятием — политической мерой пресечения удержать Турцию от выступления. Блистательная Порты и младотурки были бы раздосадованы, а Доунинг-стрит опечалился бы этим самоуправством. Но России не пришлось бы умирать от удушья. Сазонов запретил эту спасительную операцию. В 1878 году

* Отметим также бесспорный политический талант ген. Баратова в Персии.

русская дипломатия боялась английских броненосцев — в 1914 г. она боится своих собственных!

* * *

Несостоятельность политики сказалась и в Гражданскую войну.

Весь трагизм Русского дела заключался в том, что Красные — антигосударственники по существу — оказались по методу анархистами. Анархичность Белого движения стала причиной его гибели.

Эта анархичность в первый год борьбы за спасение России была особенностью обеих сторон. Кубанские походы велись под знаком импровизации и Красными, и Белыми. Только красные поспешили как можно скорее отказаться от импровизации и вступить на путь организации. Белые же, наоборот, импровизацию возвели в систему. Подвиги обоих Кубанских походов придавали этой импровизации героический оттенок. Романтика взяла верх над политикой, добровольчество над регулярством, импровизация над государственностью.

Вот причина катастрофического исхода второго года войны, причина, погубившая Московский поход. Отсутствие политики, ее игнорирование выразилось в неустройстве занятых местностей, неиспользовании их человеческих ресурсов (при населении в 60 миллионов — на фронте всего 22 тысячи штыков). Не были использованы огромные офицерские кадры (до 70 000 офицеров на территории Вооруженных Сил Юга России), упущено создание регулярной силы, воссоздание государственности. Многие ошибки ген. Деникина были затем исправлены в Крыму ген. Врангелем. Однако пословица «лучше поздно, чем никогда» в политике неприменима.

Анархизм в Крымский период сказался в отсутствии внешней политики. Северная Таврия обращена была в «Восточную Пруссию» для спасения Польши.

Пилсудский был таким же врагом России, как Ленин. И то обстоятельство, что Польша ввязалась в борьбу с РСФСР, было чрезвычайно благоприятным для Вооруженных Сил Юга России, получивших передышку после зимнего разгрома и Новороссийской катастрофы.

В интересах освободительной Белой борьбы было извлечь как можно более выгоды из польско-советской войны.

Разгром Польши был чрезвычайно выгодным. Во-первых, побеждался один из врагов русской государственности. Во-вторых, разгром Польши и выход большевиков на границы Центральной Европы (потрясенной войною и представлявшей собою необозримый склад горючего материала) всполошил бы Францию, ибо вся ее версальская постройка оказалась

бы под ударом. Врангель в Крыму был бы единственным спасителем положения и смог бы диктовать свои условия французскому правительству.

Поражение Польши повышало удельный вес Русской Армии в Крыму. Победа «Речи Посполитой», наоборот, делала «русских белых» лишними.

Этого как раз не понял ген. Врангель. Он стремился оказать помощь Польше, исходя из ошибочного — романтического, а не политического расчета: «Всякий, кто борется против большевиков, — наш союзник».

Задачей настоящего политика (имевшего бы не только огненную душу, но и холодную голову) было не мешать красному врагу русской государственности сокрушить польского врага русской государственности. Минус на минус давал плюс.

Идеальным политико-стратегическим решением был отвод победоносной армии после операции 25 мая обратно за перешейки, выкачав из Северной Таврии в Крым необходимые запасы продовольствия. Закрепившись за перешейками — устроить армию и ожидать дальнейших событий, оставаясь совершенно глухими к мольбам о помощи из Варшавы и Парижа (если слепота в политике губительна, то глухота иногда полезна). В Варшаву ответить, что заключением в концентрационные лагеря войск ген. Бредова Польша сама себя лишила права на помощь со стороны Русской Армии. В Париж заявить, что ни одного шага для выручки Польши, а косвенно Франции, не будет сделано, пока войска не будут в избытке снабжены всем необходимым боевым снаряжением — в первую очередь (имея в виду сильную красную конницу) — достаточной боевой авиацией. Такой сильный язык был бы понятен как нельзя лучше, и все требуемое было бы доставлено беспрекословно. После этого можно было бы предпринять всеми силами (а не слабой частицей) решительный для всей освободительной войны поход на Кубань.

Ту помощь, что была тогда — в июле-августе 1920 года — оказана больше даром, следовало не «дать», а «продать» — продать за наличные и как можно дороже. Франция находилась в положении, когда приходится платить не торгуясь. Полная пассивность Крымского фронта с июня по август была бы несравненным орудием политического давления. Но эту исключительную политическую и дипломатическую обстановку лета 1920 года Крымское правительство (политически чрезвычайно слабое) не использовало.

Ее использовали поляки, получившие в подарок помощь, за которую при других обстоятельствах должны были бы заплатить очень дорогою ценою. И перемирие поляков с красными от 30 сентября — перемирие, выдавшее большевикам голову благородный, но неразумный белый Крым, — стало жестоким предметным уроком, который польская государственность и польская государственная политика давали антигосударственной

политике Белого движения. Эта антигосударственная политика июня-августа принесла плоды в октябре. Врангель был побежден не Буденным, а Пилсудским.

Квалифицировать польскую политику «вероломной» столь же неосновательно, как жаловаться на «неблагодарность» Австрии в Восточную войну. К морали государственной нельзя подходить с той же меркой, как к морали частного лица. Эти два понятия — несоизмеримы.

Глава VII. Стратегия, Оператика и Тактика

Стратегия есть ведение войны. Оператика — ведение сражения. Тактика — ведение боя. В Стратегии компетентен Верховный Главнокомандующий. В Оператике компетентен командующий армией*. В Тактике компетентны все остальные инстанции — от командира корпуса до командира отделения и старшего в звене.

Стратегия верхним своим концом входит в Политику, нижним — в Оператику. Задача Стратегии — направить Оператику к цели, указанной Политикой, — путем удачных операций и сражений выиграть войну.

Оператика, упираясь верхним своим концом в Стратегию, нижним — в Тактику, имеет целью согласовать Тактику со Стратегией — согласованием боев во времени и в пространстве, сведением их в осмысленную систему — добиться выигрыша всей операции, всего сражения.

Тактика имеет своей целью удачное ведение боя — элементарного военного действия. Для удачного ведения боя Тактика должна стремиться сколь можно лучше использовать оба своих составных элемента: постоянный — человека и переменный — технические средства

Война ведется не в безвоздушном пространстве, а на местности. Географический элемент, являясь одним из главных и определяющих признаков всесильного фактора войны — Политики, — безусловно влияет на полководцев в сильной степени. Стратегия должна считаться с условиями геополитическими, Оператика — с условиями географическими (в первую очередь — с начертанием сети путей сообщения), Тактика — с условиями топографическими.

Стратегия ориентирует политически Оператику, как Оператика ориентирует стратегически Тактику. Коль скоро Стратегия должна быть подчинена Политике, Оператика должна быть подчинена Стратегии, Тактика — Оператике.

* Термин «оператика» в русскую военную науку, вместе с тем и в мировую, введен ген. Геруа (автором «Полчищ») и полк. Е. Месснером.

Взаимная подчиненность этих трех элементов полководчества на практике часто нарушается. Это зависит от характера самого полководчества, являющегося в свою очередь производной характера личности и духовного облика — данного полководца.

В полководческих натурах низшего порядка — т.е. рационалистической формации — встречается тенденция пренебрегать высшими ценностями ради низших, идя по линии наименьшего сопротивления. Практически это ведет к принесению Стратегии в жертву Оператике. Наоборот, недостатком высшего типа полководчества интуитической формации — является часто пренебрежение реальностями, что ведет за собой непродуманность Оператики. В первом случае близорукость, во втором — чрезмерная дальнорукость.

Рассмотрим для примера полководчество ген. Людендорфа весной 1918 года и полководчество ген. Врангеля в Гражданскую войну. Первый из этих двух деятелей по свойству своей природы — рожден ползать (несмотря на бесспорные свои дарования). Второй — рожден летать.

Людендорф, для нанесения Антанте решительного удара, выбирает английский фронт в Пикардии. Этим он показывает свое пренебрежение духовным элементом — психологической оценкой своих противников. Он — позитивист и считается лишь с материальными данными. Он не принимает во внимание характера своих противников, их психологических особенностей. Иначе свой первый и самый сильный удар он нанес бы французам.

Он не принял во внимание традиционного британского эгоизма, медлительности и той национальной черты — «моя хата с краю», — что сказалося на всем британском полководчестве Великой войны. В случае разгрома французской армии (на Шмен де Дам или в другом месте) англичане отступили бы на свои базы и не подумали бы выручать французов — тогда как французы понеслись на выручку англичан.

Наполеон в 1815 году отлично учел эту особенность британского характера (англичан он успел хорошо изучить в испанских походах). Он поэтому и нанес свой первый удар Блюхеру при Линьи, что был уверен в полной пассивности Веллингтона. Вся его ошибка заключалась в том, что он не добил Блюхера — «Генерал Вперед» спас «Железного Герцога» при Ватерлоо — тогда как Веллингтону и в голову не могло бы прийти облегчить положение пруссаков при Линьи и после Линьи.

Итак, стратегия Пикардийского сражения марта 1918 г. — ошибочна. Это — повторение Инкермана в огромном только масштабе. Подобно Меньшикову, Людендорф атакует англичан — подобно зуавам Боске, бегом пошедшим выручать Рагкана — французские корпуса на автомобилях устремились выручать Бинга и Гофа.

Нанося свой первый удар англичанам, Людендорф думал пойти по линии наименьшего сопротивления: английская армия была низшего качества сравнительно с французской (особенно в отношении старшего командного состава). Но он пренебрег высшим — иррациональным — элементом военного дела в угоду низшему — рациональному — пренебрег соображениями Стратегии (в широком — политическом — смысле этого термина) в угоду соображениям Оператики. В результате — «линия наименьшего сопротивления» оказалась на деле линией наибольшего сопротивления: немцам пришлось иметь дело в Пикардии с обоими противниками — тогда как атакуй они на Шмен де Дам, они имели бы дело с одними французами*.

Ход Пикардийского сражения раскрывает нам дальнейшие ошибки Людендорфа, окончательно решившего плыть по течению, идти по линии наименьшего сопротивления, пренебречь Стратегией в угоду Оператике и просто тактике. Его 2-я и 17-я армии, решающие собственно стратегическую (оператико-стратегическую) часть всей операции, ведут тяжелые бои и продвигаются медленно. Наоборот, 18-я армия, роль которой второстепенная (оператико-тактическая), имеет бурный успех. Это побуждает Людендорфа отказаться от «слишком трудной» стратегической задачи и все свои резервы направить на развитие тактического успеха. Операция скомкана – гора родила мышь.

Перейдем к ген. Врангелю. Полководчество его во всех отношениях выше такового же ген. Людендорфа, но оно впадает в противоположную крайность.

Весной 1919 года ген. Врангель доказывал необходимость для Вооруженных Сил Юга России наступления в Царицынском — волжском — направлении, на соединение с армиями Верховного Правителя, выходящими на Волгу. Это — мысль характера бесспорно «стратегического».

Но Врангель в данном случае совершенно не считался с Оператикой (и к относящимся к Оператике «орографическим элементом» Географии). План идти на соединение с Колчаком — вне времени и пространства.

«Вне времени» — потому что потерпевшие на берегах Волги в конце апреля поражение войска Верховного Правителя стали откатываться назад, с каждым днем все более удаляясь от Вооруженных Сил Ю. Р. В момент сражения на Маныче они уже отходили от Бугуруслана. Царицынские штурмы совпали как раз со сдачей Уфы.

«Вне пространства» — потому что даже в случае удачного форсирования Волги под огнем господствовавшей волжской флотилии красных (а переправа всей Армии с

* Два месяца спустя Людендорф принял решение атаковать французскую армию. После 1917 года никогда еще союзники не стояли так близко к потере войны, как при Шмен де Дам. Однако силы немцев были уже далеко не те, что в Пикардии.

артиллерией и тылами явилась бы операцией совершенно иного масштаба, чем переброска нескольких сотен ген. Говорущенко) — фронт пошел бы по линии Златоуст — Уфа — Царицын — Таганрог, заняв гораздо большее протяжение, чем фронт Царицын — Орел — Киев, и не имея к тому же ресурсов фронта «Московского Похода». Опирался бы этот фронт на безлюдные (и даже безводные) степи, в стороне от каких бы то ни было населенных политических центров страны. Более того, этот «пустынный» фронт не имел бы ни одной рокадной ж.д. линии. При попытке выдвижения его на линию Самаро-Златоустовской ж.д. неизбежен был разрыв между левобережной и правобережной группами — и красные от Саратова либо Вольска брали бы левую группу во фланг. Иначе чем катастрофой все это закончиться не могло.

Впрочем, до создания фронта Златоуст — Таганрог дело и не дошло бы. В случае совместного наступления от Маныча на Царицын обеих армий — Кавказской ген. Врангеля и Добровольческой ген. Май-Маевского — вся эта масса вынуждена была бы довольствоваться единственной (причем однокорейной) ж.д. линией Тихорецкая — Царицын. Конная армия Врангеля преодолела знойную и безводную степь в 12 переходов, но каково пришлось бы пехоте?

Затем, в случае переброски Добровольческой Армии из Каменноугольного района в Царицынское направление, Донецкий бассейн и обеспечение всей наступательной операции пришлось бы поручить Донской Армии. Справилась бы она (при тогдашних донских настроениях и нестроениях) со всем фронтом до Таганрога и с четырьмя советскими армиями? Что вообще произошло бы с Вооруженными Силами Ю. Р., не будь тогда — в апреле–мае 1919 года в Каменноугольном районе Добровольцев Май-Маевского? Сбив непомерно растянутый левый фланг Донской Армии, красные владели бы к первомайскому своему празднику Ростовом и развивая свое наступление на Великокняжескую, зашли бы в тыл Кавказской и Добровольческой Армиям, отрезав их от их баз и загнав их в калмыцкую степь. Все это могло бы иметь роковые последствия.

Людендорф смотрит «снизу вверх» — от него ускользают перспективы Стратегии. Врангель смотрит «сверху вниз» — от него ускользают перспективы Оператики*.

* При изучении войны или операции мы должны всегда иметь в виду личность, характер, духовный облик полководца, руководившего этой операцией. Более того, рассматривать ее «сквозь полководца», как сквозь призму. Иначе мы многое не поймем. Анализируя духовный облик Врангеля — блестящего военачальника, натуры глубоко интуитивной, мы констатируем главный его дефект как военачальника — недостаточную подчас зрелость суждений. Обстоятельство вполне понятное и вполне простительное офицеру, в четыре года сделавшемуся из эскадронного к-ра командующим армией и в полтора года из н-ка дивизии Главнокомандующим. Суворов потратил на это сорок лет. Правда, карьера Суворова исключительно терниста, но даже у таких баловней судьбы, как Каменский 2-й и Скобелев, на это уходило 10–12 лет. Тут важен каждый год, как в отношении формаций суждения, навыков, так и в отношении самообразования. Одинаково молниеносную карьеру с Врангелем имел только Бонапарт. Но кто когда сосчитал бессонные ночи, которые в

Ген. Деникин, уступая ген. Врангелю во всех отношениях (кроме одного — умения читать карту), не согласился на проект командовавшего Кавказской Армией идти всеми силами на соединение с Колчаком. Идея его Московского Похода была безусловно правильной и единственно возможной.

Мы видим на этом примере влияние Географии на Стратегию, географических условий на полководчество — в частности «орографических» на Оператику. Вообще же в Гражданскую войну значение географического элемента (влияние геополитических условий на Стратегию, орографических на Оператику) сильно возрастает. Поэтому в румянцовское правило: «никто не берет города, не разделавшись при этом с силами, его защищающими» — в этом случае надлежит сделать поправку.

Гражданская война — борьба за власть — и значение политического центра страны — «геометрического места власти», где сосредоточены все командующие страной рычаги правительственного аппарата — приобретает исключительное, первостепенное значение. В 1794 г. бретонские шуаны и вандейцы пропустили благоприятный момент для «Парижского Похода», что имело следствием конечную неудачу всего их движения. В 1919 году Деникин, отдав свою «Московскую Директиву», избежал ошибки Шаррета и Ларошжаклена. Идея Московского Похода сообразуется с реальностями гражданской войны и с требованиями Политики — этого всесильного элемента войны.

Исследуем на конкретном примере русского полководчества Великой войны взаимоотношения элементов войны — в частности Стратегии и Оператики.

Рассмотрим план нашего стратегического развертывания в августе 1914 года. Российской вооруженной силе ставилось две задачи: разгром Австро-Венгерской армии, облегчение Французской армии. Первая задача, интересовавшая единственно Восточный театр войны, — поручалась Юго-Западному фронту. Вторая — интересовавшая всю совокупность театров войны — поручалась Северо-Западному фронту.

Русское полководчество ведется в 1914 г., так сказать, «в двух измерениях» — политико-стратегическом (С.-З. фронт) и оператико-стратегическом (Ю.-З. фронт). Самая жизнь делала русского главнокомандующего в продолжение всего первого месяца войны «общесоюзным» главнокомандующим.

Поход в Восточную Пруссию был настоятельно необходим. Облегчение Франции политически было более важно, чем разгром Австро-Венгрии, важный стратегически. Для

продолжение ряда лет просиживал над книгами безвестный артиллерийский поручик, в отличие от Врангеля манкировавший ради этого службой! У блестящего конногвардейца не могло быть тех досугов, и Бонапарт под Тулоном более подготовлен, чем Врангель на Кубани (несмотря на академический стаж).

Восточного театра войны, взятого в отдельности, как бы изолированного в безвоздушном пространстве, Ю.-З. фронт, разумеется, был главным, С.-З. фронт — второстепенным!

Но для всей войны, совокупности ее театров, главная роль принадлежала именно С.-З. фронту, как наиболее ярко представлявшему всемогущий принцип войны — принцип политический.

Приступая к операции, хирург исследует предварительно не только оперируемое место организма, но и сердце. «Оперируемое место» Восточного театра войны заключалось на Юго-Западном фронте, но «сердце» билось на Северо-Западном.

Допустим, что все усилия были бы обращены исключительно на разгром Австро-Венгрии, а С.-З. фронту дана лишь пассивная задача и слишком малочисленные силы. Россия разбила бы Австро-Венгрию. Германия разбила бы Францию. Что произошло бы в этом случае?

В октябре русские армии Ю.-З. фронта, разбив австрийцев и преследуя их по пятам, втянулись бы в коридор между Вислой и Карпатами — в австрийскую Силезию. Вывести их из боя, отвести назад по бездорожью для своевременного парирования германского нашествия было бы невозможно, во всяком случае, трудно выполнимо. И тридцать опьяненных победой во Франции германских корпусов обрушились бы от Торна на Варшаву и дальше — на Люблин, на сообщения и тылы нашего Ю.-З. фронта, зарвавшиеся армии которого были бы кроме того связаны австрийцами (опыт показал нам, что невозможно сокрушить одним, двумя сражениями великую державу — Австро-Венгрия же была великой державой, а ее армия — армией великой державы). Сокрушительный удар германских армий в тыл, удар воспрянувших австрийцев с фронта — и четыре наших армии Ю.-З. фронта были бы пойманы в мешок...

Стратегически наше развертывание 1914 г. безупречно, ибо отлично сочетается с двойной задачей русской вооруженной силы. Оператически оно чрезвычайно неудачно, армии «нарезаны» по одному шаблону, главное операционное направление выражено как нельзя менее отчетливо: на С.-З. фронте оно вообще отсутствует, на Ю.-З. выражено не ясно (и к тому же ошибочно). Этот вопрос будет разобран нами в своем месте, а именно, при разборе ведения войны и самого главного из его принципов — Глазомера.

Начиная с октября 1914 г., русскому полководчеству приходится считаться с вводной данной, совершенно изменяющей ход войны. Мы имеем в виду крупнейшее для России политическое событие Мировой войны — выступление Турции. С этого момента Россия изолировалась от остального мира и обрекалась на постепенную смерть от удушья. Вместе с тем, появление Турции в стане врагов, в связи с чрезвычайно благоприятно сложившейся для

России дипломатической обстановкой (Англия вынуждена быть на нашей стороне), делали возможным удовлетворение великодержавных чаяний России.

Политика и Стратегия властно требовали как «хирургическую операцию» по устранению удушья, так и сообщение войне великодержавного характера. То, что было упущено в 1878 году, само давалось нам в руки в 1915 г. Турецкий фронт стал главным, великодержавным фронтом России. Австро-германский фронт сразу становился политически и стратегически второстепенным (оператически само собою разумеется, он продолжал оставаться главным, поглощая 95 процентов всей вооруженной силы).

Политический орган страны — ее Правительство — смутно, но все-таки отдавало себе отчет в огромной важности Турецкого фронта — и в апреле 1915 г. в Одессе и Севастополе были собраны десантные войска, силою около двух корпусов, для овладения Константинополем и форсирования проливов. Все силы Турции были прикованы борьбой за Дарданеллы — Босфор и Константинополь были почти что беззащитны. Можно было кроме того рассчитывать на содействие Греции, а быть может, и Болгарии.

Но стратегический орган — Ставка — не дорос до понимания великодержавного элемента в Политике и политического элемента в Стратегии. Растерявшись после горлицкого разгрома, Ставка отозвала в Галицию войска, предназначенные для десанта на Царьград — для главной русской операции Великой войны. В Галиции эти два корпуса не принесли никакой пользы, будучи введены в бой (Радымно, Любачев) пачками, бессистемно — побригадно, чуть ли не побатальонно. Они лишь увеличили потери — и без того тяжелые — 3-й армии. На Босфоре они могли бы решить участь всей войны — на Сане оказались лишь песчинкой, вовлеченной в водоворот всеобщего отступления. Ставка была поставлена перед дилеммой: Константинополь либо Дрыщов, и она выбрала Дрыщов.

Причину этого ослепления надо видеть в том, что и Великий Князь Николай Николаевич и ген. Данилов, подобно ген. Людендорфу, — полководцы рационалистической формации. Это были ученики Мольтке — позитивисты, а ригористы отрицающие значение духовного элемента и считающиеся лишь с весомыми элементами, и в голову не может прийти соображение, что взятие Царьграда возбудит в обществе и всей стране такой подъем духа, что временная утрата Галиции, Курляндии и Литвы пройдет совершенно незамеченной.

Россия обретет неисчерпаемые силы для успешного продолжения войны. Не видели они и политических последствий этой величайшей победы Русской Истории (Мольтке мог не заниматься политикой; за его плечами все время высилась исполинская фигура Бисмарка).

Возглавление армии Императором Николаем Александровичем было шагом вперед в придании войне великодержавного характера. Десант для овладения Царьградом, под руководством адмирала Колчака, был назначен на апрель 1917 года.

Но Бог судил иначе. Все сроки были уже пропущены, удушье уже наступило. Стратегия не позволяет издеваться над собой безнаказанно — и зря загубленные на Сане пластуны мстили за себя...

* * *

Изложенные примеры в достаточной степени позволяют судить нам о взаимоотношении и взаимной подчиненности элементов полководчества.

Политика и Стратегия, Оператика и Тактика — суть сомножители полководчества. Они представляют собою известные положительные величины. При недооценке какого-нибудь из этих сомножителей, умалении его, превращении его в «правильную дробь» — уменьшается и все произведение, умаляется все полководчество. Людендорф в 1918 году недооценивает Стратегию — и, несмотря на превосходную Оператику и Тактику, результаты невелики — произведение меньше отдельных сомножителей, как это всегда бывает при умножении на «правильную дробь». При игнорировании одного из этих элементов сомножителей, приравнении его к нулю — все произведение обращается в нуль, каково бы ни было достоинство прочих элементов. Пример — проект ген. Врангеля идти на соединение с Колчаком — проект, где оператика приравнена нулю.

Давая эту математическую метафору, мы считаем долгом предупредить читателя, что дается она лишь в виде пояснения взаимоотношения элементов полководчества — и ее ни в коем случае не следует понимать «математически» и не развивать ее, дабы не впасть в один из семи смертных военных грехов, именуемый Позитивизмом. Нет более несходственных понятий, нежели Математика и Военное Дело. Математика имеет дело с отвлеченными величинами, Военное Дело — с живыми людьми, их достоинствами и их недостатками. Математические величины обладают общими свойствами и соизмеримы между собой. Военные величины такими свойствами не обладают. Политика, Стратегия, Тактика, будучи сомножителями одного и того же произведения, лежат в различных плоскостях и между собой несоизмеримы. Найти их «общего наибольшего делителя», как и привести их к «общему знаменателю», совершенно невозможно и невысказимо. В Математике единица всегда равна единице — в Военном Деле никогда. Политическая «единица» не равна, например, оперативной «единице» и несоизмерима с ней. В «духовной единице» — и плюс материальная единица — и еще что-то, чего тремя измерениями Евклида постигнуть нельзя.

Поэтому дополним «математическую метафору» пояснением, что стратегический элемент всегда сильнее тактического (как политический сильнее стратегического). Хорошая Стратегия всегда исправит посредственную Тактику — тогда как искусство и героизм ротных командиров никогда не выправят промахов Главнокомандующего.

И мы закончим эту главу приведением древней пословицы: «Лучше стадо ослов, предводимое львом, чем стая львов, предводимая ослом». Пословица эта вечно останется справедливой — и справедливость ее не раз уж, со смерти последних екатерининских орлов, пришлось испытать на себе львиной стае, именуемой Русской Армией.

Глава VIII. Тактика и Техника

Исследуем взаимоотношение Тактики и Техники. Величайшему военному гению свойственны общечеловеческие заблуждения — и Наполеон как-то обмолвился неудачной фразой: «новая техника, новая тактика», неправильно формулировав основной закон эволюции военного искусства. Из этой неправильной формулировки поверхностный ум склонен сделать заключение о подчинении Тактики Технике.

Наполеон был гений. Как гений, он чувствовал превосходство души над материей (откуда его изречения, что «война на три четверти зависит от моральных факторов» и о «неимоверной силе духа, необходимой полководцу» и др.). Однако ум его — математической, т.е. материалистической формации. Изречения его о технике и тактике, как некоторые иные, носят след этой материалистической формации. Это надо иметь в виду.

Сделав эту оговорку, проследим влияние друг на друга тактических и технических факторов. Оба они, тесно сплетаясь, образуют ряд звеньев одной и той же цепи. Звенья эти — тактические и технические — входят одно за другое. «Посмотрев в корень», добравшись до первого звена этой цепи — мы увидим, что это первое звено — «тактическое». Сперва додумались до войны, а лишь затем до оружия. Война создала потребность в оружии, а не наоборот.

Не заглядывая в даль веков, — исследуем лишь взаимоотношения Тактики и Техники в новейшее время, рассмотрим последние звенья нашей цепи — чередование моментов тактических и технических.

1. Революционные и Наполеоновские войны выдвинули массовые армии, а массовые армии создали новую Тактику (вне всякой зависимости от Техники). Тактика эта характеризовалась стрелковыми цепями (элемент огня), за которыми следовали «колонны к атаке» (элемент удара).

Новая тактика потребовала нового оружия. Ведение стрелкового боя требовало скорозаряжающегося ружья, массовые колонны, в свою очередь, являлись слишком заманчивыми целями, чтобы не стимулировать изобретательность конструкторов.

2. Дрейзе сконструировал свое игольчатое ружье. Новое оружие появилось как раз в той армии, что наиболее полно и последовательно восприняла новую тактику. Пруссия,

кроме того, одна сохранила «народную армию», и эта армия, при коротком сроке службы, естественно, более других нуждалась в простого устройства скорозаряжающемся ружье.

3. На это новое оружие Техники — Тактика ответила рассыпным строем всего боевого порядка.

4. Рассыпной строй усложнил технические задачи (являющиеся в первую очередь проблемами поражаемости). Магазинное ружье не явилось удовлетворительным выходом из положения — и на рассыпной строй Тактики — Техника смогла ответить в полной мере лишь машинным огнем пулемета.

5. На машинный огонь Техники — Тактика ответила расчленением боевого порядка в глубину...

Мы видим таким образом, что, начиная с пещерного человека, в первый раз догадавшегося запустить камнем в соперника, до Максима, Шнейдера и Круппа — Техника выполняет задачи, поставленные ей Тактикой. Идея скорострельного ружья носилась в воздухе при Ваграме и Бородине, как идея пулемета чувствовалась при Сен-Прива и Плевне. Техника никогда не творит «вне времени и пространства». Ее работа указывается, более того — властно диктуется Тактикой. Техник исходит из определенных, современных ему тактических предпосылок. Дрейзе мог сконструировать игольчатое ружье, но он не мог сконструировать пулемет, как не додумался бы до пулемета и Максим, живи он в эпоху наполеоновской тактики.

Тактика — порождение духа — властвует над Техникой порождением материи. Совершенно ошибочно, например, утверждение, что огромная пропорция артиллерии в Русской Армии XVIII века объясняется тем, что Россия того времени «занимала первое место по выплавке чугуна». Большое количество пушек объясняется не этим методом исторического материализма, не тем, что пушки эти отливались с горя, не зная, куда девать избыток чугуна,— а тем, что все наши тогдашние уставы (вспомним хотя бы Шувалова) отводили артиллерии первое место и проводили резко выраженную, даже утрированную огневую тактику. Абсурдно и утверждение материалистической школы, что производство бессемеровской стали открыло собою новую эру Тактики (иные говорят, даже Стратегии). В этом случае Тактика создала новую эру Техники, используя бессемеровскую сталь в своих целях. Плод Техники созрел в лучах солнца Тактики.

* * *

Новая техника влечет за собой не новую тактику, а всего лишь новые тактические навыки. Тактика может измениться коренным образом причин, совершенно не зависящих от Техники (напр., при переходе вербовочных армий на систему вооруженных народов).

Природа Тактики совершенно не должна изменяться от технических условий, ибо она лежит вне досягаемости Техники, будучи производной величиной Военной Доктрины. Военная же Доктрина вытекает из Доктрины Национальной.

Три поколения — «колонны к атаке» при Сен-Прива, стрелковые цепи Франсуа и Моргена, «змейки» и «стайки» расчлененного в глубину боевого порядка Рейхсвера. Единая наступательная, более того, нападательная — Тактика. Техника тут ни при чем. Но тактические навыки — совершенно разные — и это благодаря новой Технике.

Ошибочность принципа «новая Техника — новая Тактика», принципа, подчиняющего Тактику Технике, — с особенной силой сказалась на примере Французской армии 1870 г.

В 1867 г. эта армия была перевооружена винтовкой Шаспо, по справедливости считавшейся лучшим ружьем в мире. Восторг техников немедленно сказался на Полевом Уставе 1867 г., в основу которого легло положение: «При наличии нового оружия — все преимущества на стороне обороняющегося. Оборонительный образ действий явится поэтому наиболее выгодным для пехоты, позволяя ей использовать в полной степени качества ее нового оружия». Никогда еще принцип «новая техника — новая тактика» не формулировался столь отчетливо*.

С этой винтовкой и с уставом, порожденным ею, французы выступили на злополучную для них войну. Пассивность французской армии в августовских боях вокруг Меца — Фросара при Форбах, Ламиро при Гравелоте, Канробера при Сен-Прива — объясняется именно этим уставом, переоценкой технических средств, стремлением подчинить Тактику Технике. Французские командиры заранее отказывались от наступления. Они прежде всего выбирали позицию (и в большинстве случаев отлично выбирали) с возможно лучшим обстрелом, занимали эту позицию, все дальнейшее ведение боя предоставляли маршалу Шаспо. Имей французская армия 1870 г. свои старые сольферинские «табакерки» (fusils tabatiere), кто знает, быть может, при Гравелоте и Сен-Прива повторился бы порыв войск и почин командиров Инкермана и Мадженты. И войска и командиры полупрофессиональной армии Второй Империи были ведь те же!

Из этого, конечно, не следует делать скороспелого заключения «долой технику!» Не «долой технику!», а «технику — на ее место!» Техника — всего инструмент Тактики — средство отнюдь не спасающее от проигрыша поражения, но заставляющее победителя —

* Кампания 1866 года во всех армиях (за исключением самой Прусской) расценивалась исключительно с точки зрения техники. Превосходство игольчатого ружья пруссаков, косившего людей как траву, поразило воображение современников и совершенно заслонило превосходство прусской тактики. Наблюдатели видели лишь груды убитых австрийцев, от них совершенно ускользнула отчетливая работа прусских командиров и штабов.

коль скоро техническое превосходство не на его стороне — покупать свою победу зачастую непомерной ценой, как о том свидетельствует Сен-Прива и Марна.

Чем шире область данного элемента войны, тем важнее этот элемент. Лучшая Тактика побеждает лучшую Технику (победы германских командиров 1870 года над лучшей в мире винтовкой Шаспо), и лучшая Стратегия побеждает лучшую Тактику (победа на Марне французской армии, имевшей хорошую стратегию, хотя и плохую тактику, над германской армией, имевшей плохую стратегию, хотя и при лучшей тактике), как лучшая Политика одолевает лучшую Стратегию (фатальная для Наполеона борьба с Питтом).

Не «новая техника — новая тактика», а «*новая тактика — новая Техника!*» Превосходство тактики над техникой — явление того же порядка, что и превосходство политики над экономикой, искусства над ремеслом, головы над брюхом и духа над материей.

Глава IX. Пуля и штык

Пуля — выразительница огня. Штык — выразитель удара. Пуля — огонь — характеризует бой. *Штык* — характеризует *победу*.

На огне зиждется материальное могущество армии. На штыке — моральное. Штык — ее престиж, более того — престиж государства. Величайшая Империя держалась два столетия на магическом обаянии трех слов. И эти три слова были: граненый русский штык. В этих трех словах — ужас Фридриха II, войска которого после Кунерсдорфа отказывались принимать бой с Русской Армией. В них и растерянность Наполеона, услышавшего вечером эйлаусского побоища от лучшей своей дивизии — дивизии Сент-Илера — вместо традиционного «vive L'Empereur!» совершенно новое, никогда неслыханное «vive la paix!».

Если мы под «пулей» будем понимать огонь, а под штыком удар, то их сочетание даст нам маневр — характерный элемент боя. Маневр представляет сочетание элемента огня и элемента удара (мы имеем в виду наступательный маневр — единственно способный принести решение).

Сочетание в маневре элементов огня и удара — их пропорции является переменной величиной, изменяясь в зависимости от национальных особенностей данной армии, господствующих в данную эпоху тактических доктрин (критерием чего являются уставы), а также от настроения данного момента (победитель, как правило, повышает знание ударного элемента — побежденный, боясь удара, все свои упования возлагает на огонь). Короче — пропорция «пули» и «штыка» зависит от данной армии, данной эпохи, данного момента. При этом огонь — достояние рациональности, а «штык» — иррационален.

Глубоко ошибочно материалистическое положение, в силу которого «с развитием техники повышается значение элемента огня и понижается значение элемента удара». Мы только что видели, что техника, существенно влияя на тактические навыки, бессильна влиять на самую природу Тактики, лежащую в совершенно иной плоскости. Армии середины XVIII столетия с их кремневыми ружьями проводили гораздо более резко выраженную огневую тактику, чем вооруженные магазинными ружьями и скорострельными пушками армии конца XIX и начала XX века. Фридрих II смотрел на свою пехоту как на «машину для стрельбы». Шувалов мечтал обратить всю тогдашнюю Русскую Армию в артиллерийскую прислугу.

* * *

Первая молодость нашей Армии — эпоха со смерти Петра I до Румянцева — проходит под знаком увлечения производством огня и копирования тогдашней прусской огневой тактики. И тот день девятнадцатого августа 1757 года, когда при Гросс-Егерсдорфе, в первом сражении с хваленой прусской армией, Румянцов, схватив Апшеронский и Белозерские батальоны, стремительно повел их напролом сквозь чащу на ошеломленных пруссаков, стал знаменательным моментом нашей военной истории. С этого момента у нас стал возможен Суворов, стала возможной «Наука Побеждать».

Заслугой Румянцева был вывод Русской Армии из рутины. Продираясь сквозь егерсдорфские лесные чащи, русские полки румянцовского авангарда были символом всей Армии, выходящей из дебрей рутины на широкий простор национального творчества и великих дел.

А вечной славой Суворова было установление закона равновесия между огнем и ударом, пулей и штыком.

Это равновесие было утрачено нашей Армией после суворовского периода в плацпарадную эпоху первой половины XIX века, когда на ружья стали смотреть только как на амуниционную принадлежность для отхватыванья приемов отнюдь не как на огнестрельное оружие.

Кавказские и особенно Туркестанские войны с храбрым, но неорганизованным и сильно впечатлительным противником показали огромное психологическое значение (специально в этих условиях) залпового огня. Залповая стрельба мало-помалу стала главным видом огня всей нашей пехоты. Ее особенно культивировали — в ущерб прочим видам стрельбы — и предметом гордости, венцом работы ротного командира этого доброго старого времени был выдержанный залп полутораста берданок, в котором бы ни один не сорвал. Рота считалась тогда «отлично стреляющей». Параллельно с этим велось Драгомировым и его последователями усиленное насаждение лже-суворовского принципа «пуля дура — штык

молодец» — нарочитое умаление свойств огня и экзальтация штыка — главного и непобедимого оружия «святой серой скотинки».

Результат — Тюренчен. Наш залповый огонь — декоративный, но, конечно, недействительный — поразил своим архаизмом японских офицеров и полу-беспристрастного свидетеля — сэра Яна Гамильтона. Сибиряки одиннадцатого полка пошли в атаку «колоннами из середины» — и Куроки мог бы сказать о русских при Тюренчене то же, что Сент-Арно сказал на Альме: «Они отстали на столетия».

За последовавшие затем десять лет Русская Армия наверстала все упущенное. Более того — ни одна армия не отводила в своих уставах и наставлениях огню такое почетное место, как наша. Ни в одной армии стрелковое дело, применение к местности, самоокапывание не культивировались так тщательно, как у нас. И вот, кампания 1914 г. показала, что дело вовсе не в одной отличной стрелковой подготовке и не в быстроте самоокапывания (как бы эти вещи сами по себе и ни были полезными и как бы ни изумлялись немцы и особенно австрийцы способности русской пехоты «моментально вращаться в землю»).

Оба элемента боевого маневра — огонь и удар — были в русских войсках безусловно высшего качества, нежели в Австро-Германских, хуже стрелявших и не имевших той моральной «штыковой традиции». Но сочетание этих элементов в неприятельской (в частности германской) тактике было гораздо более удачным, и качество неприятельского маневра поэтому гораздо выше. Техническое неравенство и разительное превосходство неприятельской стратегии дополняли картину, усугубляли тактическое неравенство и создали ту тяжелую и печальную обстановку, в которой пришлось работать Русской Армии в Великую войну.

Воевавшие в августе 1914 года армии придерживались трех различных тактических начал. 1) Преимущественно ударных — Французская и Австро-Венгерская армии, 2) Преимущественно огневых — Русская, 3) Ударно-огневых — Германская.

Эта последняя армия добилась в 1914 году наиболее крупных, наиболее блестящих тактических успехов как на Востоке, так и Западе (проиграв в то же время войну стратегически). Гармония между огнем и ударом, между «Пулей» и «Штыком» была осуществлена в ней наиболее полным образом.

Мнение, что Германская армия придерживалась в 1914 г. «чисто огневой тактики» ошибочно. Вспомним хотя бы их XVII-й корпус под Гумбиненом — пехоту в густых цепях, офицеров верхами, артиллерию, становившуюся на открытую позицию. Это Тюренчен. Прочтем описание прорыва из сольдауского мешка остатков доблестного Ревельского полка,

которому пришлось пробиваться сквозь густые массы немцев, обрушивавшихся в штыки с пением протестантских хоралов... На Западе было то же самое.

Моменты чисто ударной тактики шли у немцев однако рука об руку с моментами чисто огневой тактики. Сильным их местом именно и было умелое и быстрое чередование этих моментов, наподобие «шотландского душа». Собирая огневые средства в кулак, они создавали на обреченном неприятельском участке огневой ад, а затем обрушивались туда, доводя опять свой удар до определенной степени напряжения.

В противоположность густой концентрации, «насыщенности» германской огневой тактики — русская огневая тактика поражала своей слабой концентрацией, своим так сказать «жидким раствором». Вся система нашего огня построена была на неуместной симметрии. У немцев огонь был сосредоточен: германский командир артиллерийской бригады стремился собрать огонь всех своих батарей в кулак — русский же нарезывал своим батареям шесть совершенно одинаковых участков по фронту. Немец бил кулаком, мы — растопыренными пальцами. Техническая наша слабость при таких условиях являлась еще более ощутительной, и это — несмотря на блестящую стрельбу наших артиллеристов, качеством значительно превосходившую таковую же немцев.

Мы видим, таким образом, всю огромную важность разумного сочетания моментов чисто огневой тактики с моментами тактики ударной. Одна подготавливает победу, другая ее пожинает — причем и та и другая должны быть доведены до крайней степени интенсивности и сосредоточения. Одностороннее «штыкопоклонство», конечно, столь же абсурдно, как и одностороннее «огнепоклонство». В одном случае — Тюренчен, в другом — Гумбинен, где нерешительный командир III-го корпуса не осмелился поднять из-за закрытий свою пехоту и взять голыми руками Макензена и его корпус, разгромленный нашими 25-й и 27-й арт. бригадами...

* * *

Посмотрим, как осуществил равновесие между огнем и ударом великий Суворов.

Суворовская «Наука Побеждать» катехизис, подобного которому не имеет — и не будет никогда иметь — ни одна армия в мире, — в своей философской основе изумительно полно отражает дух *православной русской культуры*. Оттого-то она и сделалась «наукой побеждать», оттого-то и завладела сердцами чудо-богатырей Измаила и Праги.

Исследователи этого величайшего памятника русского духа, русского гения впадают в одну и ту же ошибку. Романтики и позитивисты, «штыкопоклонники» и «огнепоклонники» — они читали телесными глазами то, что писалось для духовных очей.

Неизреченная красота «Науки Побеждать», ее глубокий внутренний смысл остались для этих «телесных» глаз скрытыми.

Наиболее блестящий из комментаторов Суворова — но в то же время менее всех его понявший — М.И. Драгомиров — пытался, например, резюмировать всю суворовскую доктрину крылатой фразой «пуля дура — штык молодец!»

Фраза эта взята, выхвачена из другой, и ей придан тенденциозный смысл. Суворов сказал иначе: «Стреляй редко, да метко, штыком коли крепко — пуля обмишуются, штык не обмишуются, пуля дура, штык молодец!»...

Суворовское изречение приобретает здесь, на своем месте, совершенно иной смысл — свой настоящий смысл.

Перенесемся мысленно в обстановку, в которой протекала деятельность Суворова. Со времен Миниха, а особенно Шувалова, активно оборонительные «петровские» начала все более уступают место началам чисто пассивным. Уставы 1755 (Шувалов) и 1763 (Чернышев) годов, пытающиеся навязать нам прусские линейные боевые порядки, прусскую огневую тактику и строящие бой исключительно на огне развернутого строя, не оставляют на этот счет ни малейшего сомнения.

Суворов боролся с этим злом. Ему приходилось преодолевать невероятную рутину, инерцию среды. Для преодоления этой рутины, этой инерции были нужны сильные средства, яркие образы, лапидарные формулы. «Пуля дура, штык молодец» и была одним из таких подчеркиваний — подчеркнутым концом фразы, отнюдь не самостоятельным предложением, как хотел представить эти четыре слова М.И. Драгомиров.

* * *

Если характеризовать все суворовское обучение одной фразой, «крылатыми словами», то, конечно, это не будет «пуля — дура», а совершенно иное положение:

«Гренадеры и мушкетеры рвут на штыках, — говорил Суворов, — а стреляют егеря». Это разделение боевой работы и проводится им неукоснительно еще в Суздальском полку. Но при этом он требует «скорости заряда и цельности приклада» и от grenадер с мушкетерами, а «крепкого укола» и от егерей. Каждому свое, а «Наука Побеждать» — всем.

Суворов всегда отдавал должное огню. Напомним только его сражения. Под Столовичами он не атакует сразу Огинского, а сперва расстраивает огнем необстрелянные войска коронного гетмана. Под Гирсовым его отряд расстреливает из шанцев втрое сильнейшего неприятеля. При Козлудже, опрокинув турецкий авангард и подступив к турецкому лагерю, Суворов начинает четырехчасовую артиллерийскую подготовку (которая по тем временам может считаться исключительно длительной). Артиллерийская подготовка

атаки Фокшанского монастыря короче, но и она занимает час времени. А батальный огонь рымникских каре?

В то время как во всей армии на стрельбу отпускалось по три патрона в год на человека, в одном полку отпускалось не три, а тридцать. Нужно ли говорить, что это был Суздальский полк полковника Суворова?

Но Суворов ценил лишь хороший огонь — стрельбу, а не пальбу. Премьер-майором в Казанском полку он был при Кунерсдорфе. Он помнил, как быстро, бешено, отчаянно — и безрезультатно — палила оробевшая прусская пехота в тот навеки славный момент, когда на нее, по трупам зейдлицких кирасир, пошли в штыки каре Салтыкова.

Противники «драгомировской романтики» — позитивисты — грешат против памяти Суворова иным образом. Во времена Суворова, — рассуждают они, — пуля била всего на сто шагов и могла считаться «дурой». Теперь она бьет на три тысячи шагов. Меткость увеличена во столько-то раз, огневые средства части возросли во столько-то десятков раз. Следовательно, в «Науке Побеждать» должно делать поправку на современные обстоятельства. Да и сам Суворов, живи он в наши времена, конечно, того бы не утверждал...

Подобный подход к делу — чисто материалистический. Бессмертие гения — будь то Суворов, Шекспир либо Рубенс — и заключается именно в том, что творчество их остается всегда полноценным. Рубенсовским кавалерам не надо подмалевывать смокингов на том основании, что при «современных обстоятельствах» никто кружевных воротников не носит. Все положения «Науки Побеждать» верны — и останутся верны до той поры, пока не перестанет биться последнее солдатское сердце.

«Может случиться против турок, что пятисотенному каре надлежит будет прорвать пяти или семитысячную толпу — на тот случай бросится он в колонну»... Ученые позитивисты пожмут плечами — разве это современно? Кто сейчас воюет «кареями» и колоннами? Да и турки давно уж не дерутся толпою... Ясно, что это положение «Науки Побеждать» устарело!

Но пусть они потрудятся прочесть это не телесными глазами, а духовными очами — и Бржезинский прорыв германцев из русского мешка под Лодзью сразу станет им ясен и «научно обоснован». И смогут оценить всю преступность куропаткинской формулы: «с превосходными силами в бой отнюдь не вступать».

Командуй Суворов полком в наше время, он, конечно, выразился бы так: «Гренадеры и мушкетеры рвут на штыках, а стреляют пулеметчики». И это опять-таки не мешало бы ему отпускать на каждого grenадера и мушкетера — как и в те времена — патронов в несколько раз больше принятой нормы. И так же добиваться от стрелков и ружейных пулеметчиков убийности стрельбы («редко да метко»). И так же внушать им, что «пуля обмишурится, штык

не обмишулится»... Ибо горе той пехоте, которая хоть на миг допустит мысль, что ее штык когда-нибудь сможет «обмишулиться». Такая пехота разбита еще до начала боя, ее не спасет никакая пальба и ее ждет участь прусской пехоты франфорской баталии.

А эпитафией к «Науке Побеждать» должно поставить: «Могий вместити, да вместит»...

Часть третья. О ведении войны

Глава X. Принципы ведения войны. Глазомер, Быстрота, Натиск

К бессмертной формулировке Суворова нельзя ничего ни прибавить, ни убавить. Глазомер, Быстрота и Натиск были, есть и останутся тройным принципом как ведения войны, так и ведения боя.

Эти три элемента всеильны и в Политике, и в Стратегии с Оператикой и в Тактике.

* * *

Первое место Суворов отводит Глазомеру.

Глазомер — замысел. Оценка обстановки. Быстрота и Натиск — выполнение. Использование обстановки.

Первенство Глазомера тем явственнее, чем шире данный элемент войны. Чрезвычайно важный уже в Тактике и Оператике, он царит самодержавно в Стратегии. Что же касается Политики, то вся она — не что иное, как глазомер правителя.

Глазомер без быстроты и натиска — сражение вничью. Это — зимняя кампания Бенигсена 1807 года. Это — медлительность Потемкина, давшая нам Очаков, но упустившая Царьград. Быстрота и натиск без глазомера — непоправимая катастрофа. Это — малороссийский поход Карла XII. Это — безрассудный наскок Гитлера в 1939 году.

Следующий после Глазомера элемент — Быстрота — приобретает особую ценность в Оператике.

Наконец Натиск — добродетель по преимуществу тактическая. В Стратегии натиск иногда излишен, ибо может мешать Глазомеру. В Политике же часто губителен, затмевая Глазомер, как то трагически показывает опыт Гитлера — азартного игрока и мистика — отнюдь не государственного человека.

Глазомер — природная добродетель, развиваемая практикой. Быстрота во многом зависит от технических возможностей (сети дорог и состояние этих последних). Что касается

Натиска, то это качество — само по себе природное — находится в прямой зависимости от тактики данной армии и данной эпохи. Французская армия, проявившая исключительный натиск в Крыму и Италии, в кампанию 1870 года держалась пассивно благодаря принятому ею за два года до того уставу.

Гармония между Глазомером, Быстротой к Натиском не всегда удается и военному гению. Бонапарт в Италии, Наполеон в 1805 и 1806 годах дал классические ее образцы. Тот же Наполеон в кампанию 1813 года показал полное отсутствие глазомера, раздробив и разбросав свои силы по крепостям Германии и приняв Лейпцигскую битву в исключительно невыгодной обстановке. Подобного рода промахи можно наблюдать и у других мастеров военного дела (причем всегда страдает Глазомер). Один только Суворов дал нам непревзойденный образец этой гармонии за все время своего орлиного полета от Столовичей до Муттенской долины.

Глава XI. О коалиционной войне

Основным правилом Политика в коалиционной войне должна быть *полная свобода действий*. Государство должно вести войну поскольку это требуют его интересы. Оно обязано прекратить военные действия и выйти из состава коалиции лишь только продолжение войны окажется невыгодным и его интересы не соблюдаются союзниками.

Никогда не следует заключать предварительных соглашений и составлять торжественные декларации о незаключении сепаратного мира. Этим мы связываем себе руки (самая большая ошибка, которую может допустить плохой политик) и лишаем себя драгоценнейшего орудия дипломатического давления — отказываемся от главного козыря и подписываем бланковый вексель, на который недобросовестные соратники могут затем записать все, что им вздумается.

Петр Великий, воюя со Швецией в союзе с Англией, Данией, Пруссией и Польшей и видя, что союзники стремятся загрести жар русскими руками, немедленно выступил из состава коалиции в 1717 году и стал продолжать войну на свой счет. Он даже предложил Швеции мир и союз (не состоявшийся за смертью Карла XII). Это — политика, достойная великого монарха великой страны.

Сазонов закабалил Россию Лондонским протоколом в сентябре 1914 года, связал ей руки и обратил Русскую Армию в пушечное мясо для чужестранной выгоды. Нельзя было действовать хуже.

* * *

Стратег, подобно Политику, должен хранить за собой полную свободу действий.

Не связывать себе рук предварительными «военными конвенциями». Эти конвенции столь же нежелательны в Стратегии, как декларации о незаключении сепаратного мира нежелательны в Политике. Никаких цифр, никаких сроков, никаких формальных обязательств.

Обещать немногое. Но все обещанное сдерживать свято.

Предъявлять счет за каждую оказанную услугу — и в свою очередь платить немедленно за услугу союзника. Если по ходу военных операций нам придется таскать из огня каштаны, то потребовать от союзников огнеупорных перчаток.

Выручая Верден в марте 1916 года, мы положили у неразбитой немецкой проволоки у Нарочи двести тысяч русских офицеров и солдат, надорвали свои силы на весь остаток кампании и не получили от союзников даже простой благодарности — не то что какой-либо компенсации. А итальянский главнокомандовавший ген. Кадорна, когда союзники от него в декабре 1916 года потребовали решительных действий в предстоящую кампанию, заявил им, что не сдвинется с места, пока они ему не пришлют 400 тяжелых батарей. Этот сильный язык был понят и уважен.

Полководец — полный хозяин своей вооруженной силы и своих решений. Он должен принимать к сведению пожелания своего союзного коллеги и сам при случае доводит до его сведения свои пожелания. Но он ни в коем случае не должен терпеть непрошенных советов и сам обязан воздержаться от подачи таковых.

Два с половиной миллиона павших со славой русских воинов Мировой войны диктуют нам эти основные правила коалиционной борьбы.

Часть четвертая. О военном человеке

Глава XII. Качества военного человека

Воинские добродетели можно разделить на две категории: качества вообще необходимые воину, чтоб с честью носить свое звание при всяких обстоятельствах, и качества, необходимые ему при выполнении определенных его обязанностей, как в мирное время, так и на войне. Иными словами — качества основные, общие и качества вытекающие, специальные.

Основных воинских добродетели три: Дисциплина, Призвание и Прямотушие.

Храбрость, которую иные ошибочно полагают главной воинской добродетелью, — только производная этих основных, главных качеств. Она заключена в каждом из них. Часть и люди, сохраняющие дисциплину под огнем, тем самым уже храбрая часть, храбрые люди.

Солдат по призванию, твердо и пламенно верящий в это свое призвание, — уже не может быть трусом. Наконец прямодушие — открытое исповедание своей веры, своих взглядов, своих убеждений — откровенность и прямота — гораздо выше храбрости — уже по той причине, что это — храбрость, возведенная в квадрат. Храбрость «сама по себе», так сказать «голая храбрость» — малоценна, коль скоро она не соединяется с одной из этих трех основных воинских добродетелей, которые и рассмотрим по порядку.

* * *

«Субординация, экзерциция, дисциплина — победа, слава, слава, слава»...
Бессмертные слова бессмертной «Науки Побеждать».

Суворов дает пять понятий в их гениальной простоте и гениальной последовательности. Сперва *субординация* — альфа и омега всего Воинского естества. Потом — *экзерциция* — упражнение, развитие, закалка. Это дает нам *дисциплину*, слагающуюся из элементов субординации и экзерциции — чинопочитания и совместного учения. Дисциплина дает *победу*. Победа рождает славу.

Мы различаем *по форме* — дисциплину наружную и дисциплину внутреннюю, *по естеству* — дисциплину автоматическую и дисциплину осмысленную. По форме — дисциплина всех организованных армий сходственна, по естеству же — глубоко различна.

По форме — наружная дисциплина заключает в себе внешние признаки чинопочитания, внутренняя — степень прочности этой дисциплины.

Естество дисциплины различно, смотря по армиям, народа и степени духовности этих народов. Мало того, различным историческим эпохам соответствует различная дисциплина.

Русской Армии соответствует дисциплина осмысленная по существу, но жестокая по форме. Для сохранения драгоценного содержания стенки сосуда не мешает иметь сколь можно более твердыми. Для сохранения качества дисциплины необходима известная доза автоматизма. Отношение автоматизма к осмысленности — то же, что науки к искусству, лигатуры к благородному металлу.

* * *

Что касается второй воинской добродетели — пламенной веры в свое призвание — то в отличие от дисциплины — добродетели благоприобретаемой — она является врожденной.

Пусть молодой человек, колеблющийся в выборе карьеры, посмотрит на растерзанные полотнища знамен. Он сможет разобрать, или угадать, славянскую вязь: «За отбитие знамен у французских войск на горах Альпийских»... «За подвиг при Шенграбене, в сражении отряда из пяти тысяч с корпусом из тридцати тысяч состоявшим»... «За отличие при

поражении и изгнании врага из пределов России в 1812 году»... «За Шипку и двукратный переход через Балканы»... Если слова эти не покажутся ему райской музыкой, если он своим «внутренним оком» не увидит тут же рядом с собой сен-готардских мушкетер, шенграбенских гусар, бородинских егерей, не почувствует себя в их строю — тогда, значит, военного призвания у него нет и в Армию ему идти нечего. Если же он увидел кровавый снег Муттенской долины и раскаленные утесы Шипки, если он услышал «ура» последних защитников Орлиного Гнезда, если он почувствовал, что это ему Котляревский крикнул: «На пушки, братец, на пушки!» — тогда это значит, что священный огонек ярко вспыхнул в его груди. Тогда он — наш.

Любить военное дело мало. Надо быть еще в него влюбленным. Эта любовь — самая бескорыстная. Военная профессия — единственная, не приносящая дохода. Она требует все, а дает очень мало. Конечно, в материальном отношении: в моральном это «малое» — огромно.

Но и быть влюбленным в военное дело недостаточно. Надо еще верить в свое призвание, каждую минуту ощущать в тяжелом ранце фельдмаршальский жезл — быть убежденным, что именно тебе, вверенным тебе роте, полку, корпусу надлежит сыграть главную роль, произвести перелом в критическую минуту — уподобиться Дезэ при Маренго, пусть даже и заплатит за это тою же ценой.

* * *

Третья воинская добродетель — Прямотушие. Подобно второй — Призванию — она природная, и ее можно испортить превратным толкованием первой воинской добродетели — Дисциплины. Начальник — деспот, грубо — не по-офицерски — обращающийся с подчиненными, терроризирующий их безмерно строгими взысканиями, может погубить эту добродетель в своих подчиненных.

Угодничанье (в сильной степени — подхалимство) — худший из всех пороков военного человека, единственно непоправимый — тот отрицательный сомножитель, что обращает в отрицательные величины все остальные достоинства и качества.

Казнокрад и трус терпимее подхалима. Те бесчестят лишь самих себя — этот же бесчестит всех окружающих, особенно же того, пред кем пресмыкается. Воровство и трусость не могут быть возведены в систему в сколько-нибудь организованной армии. Подхалимство и его неизбежное следствие — очковтирательство — могут. И тогда — горе армии, горе стране! Не бывало — и не может быть случая, чтобы они смогли опереться на гнущиеся спины.

Мы можем видеть, что если Дисциплина имеет корни в воспитании, а Призвание вытекает из психики, то Прямодушие — вопрос этики.

* * *

Из качеств специальных на первое место поставим личный почин — *Инициативу*.

Качество это — природное, но оно может быть развито — или, наоборот, подавлено — условиями воспитания, быта, духом уставов, характером дисциплины (осмысленной либо автоматической по естеству) данной армии.

«Местный лучше судит, — учил Суворов, — я вправо, нужно влево — меня не слушать». Эти слова касаются наиболее болезненной и наиболее «иррациональной» стороны военного дела, а именно — сознательного нарушения приказа — конфликта инициативы с дисциплиной.

Когда следует идти на этот конфликт и когда не следует? Ведь если «местный лучше судит», то часто «дальний дальше видит». Всякого рода схематичность и кодификация в данном случае неуместны. Все зависит от обстановки, от средств, имеющихся в распоряжении частного начальника, а главное — от силы духа этого последнего. Это — как раз «божественная часть» военного дела.

На рассвете 22 мая 1854 года Дунайская армия князя Горчакова готовилась к штурму Силистрии. Минные горны были уже взорваны, турецкая артиллерия приведена к молчанию, войска ожидали условной ракеты — как вдруг фельдъегерь из Ясс привез приказ Паскевича снять осаду и отступить. Князь Варшавский был преувеличенного мнения о силе турецкой крепости. Горчаков, как «местный», мог бы лучше судить, но не дерзнул ослушаться грозного фельдмаршала. И отступление из-под Силистрии, пагубно повлияв на дух войск, свело на нет всю кампанию, ухудшив положение России и стратегически и политически.

Иначе поступил за полтора года до того под Нотебургом князь Михайло Голицын. Три наших штурма были отражены, и войска, прижатые к реке, несли громадный урон. Царь Петр прислал Меншикова с приказанием отступить. — «Скажи Государю, — ответил Голицын, — что мы здесь уже не в царской, а в Божией воле!» И четвертым приступом Нотебург был взят.

В последних числах января 1916 года ген. Юденич решился на штурм считавшегося неприступным Эрзерума, несмотря на отрицательное отношение Великого Князя Николая Николаевича (не верившего в возможность овладения турецкой твердыней, да еще в зимнюю пору).

Когда же в октябре 1919 года командовавший 3-й дивизией Северо-Западной Армии ген. Ветренко отказался выполнить приказание идти на Тосну и перерезать сообщения

красного Петрограда — то этим он не проявил инициативу, а совершил преступление. Свернув вместо указанной Госны на Петроград, ген. Ветренко руководствовался исключительно мотивами личного честолюбия — и этим своим своевољством сорвал всю петроградскую операцию Юденича.

То же мы можем сказать про своеволие ген. Рузского, пошедшего в чаянии дешевых лавров на не имевший значения Львов вопреки приказаниям ген. Иванова и упустившего разгром австро-венгерских армий. Совершенно то же мы наблюдаем и у фон Клука, систематически игнорировавшего директивы Мольтке: прусские генералы 1870 г. — Камеке, фон дер Гольц, Альвенслебен — своей инициативой сослужили фон Клуку плохую службу.

В октябре 1919 года Московский поход был сорван прорывом Буденного от Воронежа. В это же время 1 арм. к-с ген. Кутепова разбил под Орлом последние силы красных, прикрывавшие московское направление.

У ген. Кутепова было 11 000 отличных бойцов. Он мог устремиться с ними, очертя голову, на Москву, бросив всю остальную армию, бросив тылы, не обращая внимания на прорвавшегося Буденного. Но он подчинился директиве Главного Командования и отступил, «сократив и выровняв фронт». И Кутепов, и его подчиненные были уверены, что это ненадолго, что это — лишь до Курска...

Впоследствии ген. Кутепов сожалел, что не отважился на первое решение — и не пошел от Орла на Москву. Психологический момент в гражданскую войну всеилен, взятие Москвы свело бы на нет все успехи Буденного. Но кто посмеет упрекнуть Кутепова в нерешительности? В его положении один лишь Карл XII, не задумываясь, бросился бы на Москву. Но это — как раз полководец, опрометчивостью погубивший свою армию. Отступить временно на Курск сулило, конечно, большие выгоды, чем прыжок с зажмуренными глазами в пространство. Ведь в случае весьма возможной неудачи гибель была совершенно неизбежной — и погибло бы как раз ядро Добровольческой Армии — ее цвет.

Из всех этих примеров видна вся невозможность провести точную грань между дозволенной инициативой и гибельным своевољием.

Мы можем указать эту грань лишь приблизительно.

Инициатива — явление импровизационного характера. *Она уместна и желательна в Тактике, с трудом допустима в Оператике и совершенно нетерпима в Стратегии.* Всякая импровизация — враг организации. Она допустима в мелочах, изменяя их к лучшему (в приложении к военному делу — в Тактике). Но в сути дела (в военном деле — в Оператике и в Стратегии) — она вредна. 29-я пех. д-ия ген. Розеншильд-Паулина и 25-я ген. Булгакова решали под Сталлупененом тактические задания. Частный почин Розеншильда, выручавшего

соседа, — целиком оправдан, это — блестящее решение. Дивизия же ген. Ветренко под Петроградом решала (в условиях гражданской войны) стратегическую задачу — никакая инициатива там не была терпима. Воспитанный на примерах тактической инициативы лихих бригадных командиров 1866 и 1870 годов, фон Клок перенес инициативу в область Стратегии, что оказалось печальным для Германской армии.

Достоинство для тактика, Инициатива превращается в порок для стратега.

* * *

Отметим честолюбие и славолубие. Желание вечно жить в памяти потомства вообще доказывает бессмертие духа. Со всем этим, и честолюбие, и славолубие сами по себе — пороки. Подобно тому как яд в небольшом количестве входит в состав лекарства, так и эти два порока в небольшой дозе могут принести пользу в качестве весьма действительного стимула.

Упомянем еще про храбрость. Мы знаем, что сама по себе (не входя составным элементом в какую-либо из трех основных воинских добродетелей) она особенно высокой ценности не представляет.

Суворов это сознал. Он учил: «солдату — храбрость, офицеру — неустрашимость, генералу — мужество» — предъявляя к каждой высшей категории военных людей высшее требование. Это — три концентрических круга. Неустрашимость — есть Храбрость, отдающая себе в полной мере отчет о происходящем, храбрость в сочетании с решимостью и сознанием высокой чести командовать, вести за собой храбрых. Мужество есть неустрашимость в сочетании с чувством ответственности.

В общей своей массе люди — не трусы. Те, кто способны под огнем идти вперед, — уже не могут называться трусами, хоть настоящих храбрецов, которым улыбнулся с неба святой Георгий, быть может, пять человек на роту. Остальные — не храбрецы, но и не трусы. Пример неустрашимого командира и храбрых товарищей могут сделать из них храбрецов, отсутствие этого примера обращает их в стадо, и тогда гибельный пример открытой трусости может все погубить. При этом следует, однако отметить, что среди трусов преобладает вполне исправимый тип «шкурника». Настоящие же, неисправимые трусы — явление, к счастью для человечества, — редкое.

Глава XIII. Военная этика и воинская этика

Под военной этикой мы разумеем совокупность правил и обычаев — как кодифицированных, так и некодифицированных, — которыми противники должны руководиться на войне. Под воинской этикой — правила и обычаи, которые члены военной семьи соблюдают при сношениях друг с другом — и вся военная среда в сношениях с невоенными.

* * *

Конец XVII века и почти весь XVIII — с их «кабинетными войнами», веденными за государственные интересы профессиональными армиями, — были золотым веком человечества. Война велась без ненависти ко врагу — да и «врагов» не было — были только противники, упорные и свирепые в бою, учтивые и обходительные после боя, не терявшие чувства чести в самом жарком деле.

После битвы на Требии Суворов приказал вернуть шпаги взятой в плен 17-й полубригаде из уважения к двухсотлетней славе и доблести Королевского Овернского полка, из коего она была составлена. За полстолетие до того, при Фоншенуа, шотландцы сблизились на пятьдесят шагов с Французской Гвардией, продолжавшей безмолвно стоять. Лорд Гоу крикнул французскому полковнику: «Прикажите же стрелять!» — «После вас, господа англичане!» — ответил французский командир граф д'Отрош, учтиво отсалютовав шпагой. Залп всем фронтом шотландской бригады положил сотни французов. Это «*Après vous, messieurs les Anglais!*» стало нарицательным. Свою роль в истории двух народов эпизод этот сыграл — о нем сто семьдесят лет спустя напомнил Фошу маршал Френч, когда та самая шотландская бригада пожертвовала собой, прикрывая отход французов в критическую минуту под Ипром.

Современная военная этика — лишь бледная тень той, что была выработана поколениями воинов за полтора столетия кабинетной политики и профессиональных армий. Всего того запаса чести, отваги и учтивости хватило и на полчища Первой Республики — полчища, предводимые офицерами и унтер-офицерами старой королевской армии, смогшими привить своим подчиненным традиции и дух, в которых сами были воспитаны.

Революция 1789 года с ее вооруженными «массами» нанесла жестокий ущерб военной этике. Уже столкновения вооруженного французского народа с вооружившимися народами испанским и русским воскресило картины варварских нашествий и религиозных войн.

Профессиональные (и полупрофессиональные) армии сообщали войнам оттенок гуманности, впоследствии совершенно утраченной. Крымская и Итальянская война были

последними из больших войн, веденных джентльменами. Уже война 1870 года и поведение в ней германского вооруженного народа показали всю несовместимость правил морали и воинской этики с интеллектом вооруженных народных масс. О безобразных бойнях 1914 года — позоре Динана и Лувена, зверствах в Сербии, развале Русской, Германской и Австро-Венгерской армий и отвратительных явлениях, этот развал сопровождавших, — нечего и говорить. Заменяв профессиональные «воспитанные» армии свирепыми народными ополчениями, человечество заменило бичи скорпионами, усугубило бедствия войны.

Вместе с тем, война неизбежна, как неизбежна болезнь, — от нее не избавишься никакими бумажными договорами. Следовательно, человечеству надо устроиться так, чтобы сделать войны легче переносимыми, избавиться от гангрены морального разложения, болезненный процесс которой длится долгие годы после самой войны. Народное просвещение не может здесь помочь. Тысяча умственно развитых индивидуумов дадут при соединении невежественную и свирепую толпу. Лувенские поджигатели и динанские палачи принадлежали к самой грамотной нации в мире. Решающий фактор здесь — воспитание. И в этой области (как и во всех других областях военного дела) воспитание господствует над учением. Изжив психоз «вооруженного народа», придав вооруженной силе характер сколь можно более профессиональный и сообщив нашей жизни сколько можно более церковный дух, мы освободимся от петли, брошенной на нашу шею доктринерами 1789 года и их последователями. Войне можно будет тогда придать характер «доброкачественной язвы» вместо злокачественного фурункула и можно будет опять говорить о военной этике.

* * *

Воинская этика — это совокупность правил — писанных, но, главным образом, неписанных, — которыми члены военной семьи руководствуются при сношении друг с другом.

Полноправными членами военной семьи — так сказать «достигшими совершеннолетия» — можно считать лишь солдат по призванию — офицерский корпус, сверхсрочных и охотников. Только к ним поэтому надо предъявлять требования воинской этики во всей их строгости.

Отношения младших к старшим, подчиненных к начальникам в достаточной степени очеркнуты уставами — «писаными» правилами воинской этики. Гораздо менее ясна область отношений старших к младшему.

Каждый начальник, какую бы должность он ни занимал (до Верховного Главнокомандующего включительно), должен всегда помнить, что он не просто «командует», а имеет честь командовать. Он это обязан помнить как в мирное время, уважая

в Подчиненном его воинское достоинство, так — и особенно — на войне, когда с честью вверенной ему роты, корпуса либо армии неразрывно связана и их личная честь, их доброе имя в глазах грядущих поколений.

Общее оскудение народного духа в продолжение второй половины XIX и начала XX века повело к постепенному, но чрезвычайно ощутимому снижению воинской этики — и мы имели в Мировую войну сдачу командира XIII корпуса ген. Ключева, сдачу командира XX к-са ген. Булгакова, сдачу в Новогеоргиевске ген. Бобыря, бегство командира VI к-са ген. Благовещенского, бегство командовавшего Кавказской армией ген. Мышлаевского, бегство коменданта Ковны ген. Григорьева.

Исследуем с точки зрения воинской этики наименее тяжелый из этих случаев — сдачу ген. Ключева.

Ген. Ключев, по справедливости, считался блестящим офицером Генерального Штаба и выдающимся знатоком германского противника. Его настоящим местом был бы пост начальника штаба С.-З. фронта. В июле 1914 года он командовал Кавказским к-сом в Карсе и был вызван по телеграфу в Смоленск для принятия XIII к-са, командир коего, ген. Алексеев, был назначен н-ком штаба Ю.-З. фронта. Свой корпус он нашел уже в пути. Ни начальников, ни войск он не знал, управление корпусом обратилось для него в решение уравнения со многими неизвестными.

Сильно распушенный предшественниками ген. Ключева, корпус вообще не пользовался хорошей репутацией. Мобилизация окончательно расстроила его, лишив половины и без того слабых кадров и разбавив на три четверти запасными. По своим качествам это были второочередные войска — невтянутые и неподтянутые. В недельный срок ни Ключев, ни Скобелев не смогли бы их устроить. Вся тяжесть боев 2-й армии легла на превосходный XV к-с ген. Мартоса. XIII к-с, до самой гибели не имевший серьезных столкновений, пришел с начала похода в полное расстройство. Ген. Ключев — только жертва своего предшественника. Он оказался в положении дуэлянта, получающего у самого барьера из рук секундантов уже заряженный ими совершенно ему незнакомый пистолет. Проверить правильность зарядки он не может, бой пистолета ему совершенно неизвестен... И вот, заряжен он был небрежно, и вместо резкого выстрела получился плевок пульей. Стрелок совершенно невиновен. Но если он затем смалодушничает под наведенным на него пистолетом противника — пусть пеняет на себя.

А это как раз то, что случилось с ген. Ключевым. Он сдался, совершенно не отдавая себе отчета в том, что он этим самым совершает, в том, как повысится дух противника и понизится наш собственный при вести о сдаче такого важного лица, как командир корпуса. Он знал, что командует корпусом, но никогда не подозревал, что он еще *имеет честь*

командовать. Чем выше служебное положение, тем эта честь больше. А командир корпуса — человек, при появлении которого замирают, отказываются от собственного «я» десятки тысяч людей, который может приказать пойти на смерть сорока тысячам, — должен эту честь осознать особенно и платить за нее когда это придется — платить, не дрогнув.

Когда за шестьдесят лет до сдачи ген. Ключева, в сражении на Черной Речке, командир нашего III к-са ген. Ред увидел, что дело потеряно, что корпус, который он вводил в бой по частям, потерпел поражение — он обнажил саблю, пошел перед Вологодским полком и был поднят зуавами на штыки.

Честь повелевала ген. Ключеву явиться в Невский полк храброго Первущина и пойти с ним — и перед ним — на германские батареи у Кальтенборна. Он мог погибнуть со славой — либо мог быть взят в плен с оружием в руках — как были взяты Осман-паша и Корнилов. Беда заключалась в том, что он слишком отчетливо представлял себе конец своей карьеры без сабли в крепостном каземате и никак не представлял его тут же — на кальтенборнском поле. Подобно Небогатову он сдался «во избежание напрасного кровопролития», не сознавая, что яд, который он таким образом ввел в организм Армии, гораздо опаснее кровотечения, что это «избежание кровопролития» чревато в будущем кровопролитиями еще большими, что Армии, Флоту и Родине легче перенести гибель в честном бою корпуса либо эскадры, чем их сдачу врагу.

* * *

Мы подошли теперь к вопросу о капитуляциях. Лучше всего этот вопрос был разработан французскими уставами после печального опыта 1870 года. За сдачу воинской части в открытом поле — все равно, при каких бы обстоятельствах и на каких бы условиях она ни состоялась, — командир подлежит смертной казни.

Что касается капитуляции крепостей, то у нас есть два примера: безобразная сдача Новогеоргиевска ген. Бобырем и почетная капитуляция ген. Стесселя в Порт-Артуре. Не будем бесчестить этих страниц описанием преступления Бобыря. Рассмотрим лучше сдачу Порт-Артура.

Общественное мнение было чрезвычайно сурово к ген. Стесселю, обвиняя его в преждевременной сдаче крепости со всеми запасами боевого снаряжения. Если бы гарнизон состоял из металлических автоматов, крепость, конечно, могла бы продержаться еще, до истощения всех запасов, но это были люди — и притом люди, бессменно выдерживавшие восемь месяцев блокады и шесть месяцев осады, неслыханной в Истории.

В том, что японцам был сдан материал, виноват не Стессель, а Устав, допускающий такую очевидную несообразность, как «почетная капитуляция». Дело в том, что, при

заклучении таковой, победитель первым и непременно условием ставит сдачу в полной исправности всей артиллерии и снаряжения и в обмен на воинские почести — на салют саблей — получает сотни орудий и миллионы патронов.

Мы считаем, что единственным выходом из положения может быть не «капитуляция» — т. е. договор, заключаемый парламентарями, — а просто сдача без всяких условий, но, предварительно, со взрывом всех верков и приведением в полную негодность всего вооружения. Так поступил в Перемышле ген. Кусманек — благодаря чему наш Ю.-З. фронт не смог воспользоваться богатым перемышльским арсеналом в критическую весну 1915 года — тогда как немцы долгие недели гвоздили французские позиции на Изере артиллерией Мобежа, а новогеоргиевскими пушками экипировали свой эльзасский фронт... Благородный противник отдаст воинские почести и в этом случае. А от неблагородного почестей вообще принимать — не след. Они лишь оскорбили бы нашу честь. Защитники форта Во и крепостцы Лонгви отказались принять свои шпаги из рук динанских убийц.

Наравне с капитуляцией следует вывести из воинского обихода такое издевательство над присягой, как согласие на привилегированное положение в плену за честное слово не бежать. Это придумал сибарит для сибарита, а не офицер для офицера.

* * *

В общем, воинская этика «снизу вверх» — подчиненных в отношении начальников — заключается в соблюдении «писанных» правил. Сверху вниз — от начальников к подчиненным — в соблюдении правил «неписанных». Соблюсти требования воинской этики начальнику труднее, чем подчиненному: с него больше спрашивается, ибо ему и больше дается.

Два качества лучше всего выражают сущность воинской этики: благожелательность к подчиненным — таким же офицерам, как начальник, — и сознание величия «чести командовать».

Глава XIV. Ум и воля

Все рассмотренные нами качества военного человека — как основные, так и вспомогательные — в своей основе имеют два начала — «умовое» и «волевое». Равновесие этих двух начал, изумительно полно выраженное в Петре I, Румянцове и Суворове, дает нам идеальный тип военного человека, идеальный тип вождя.

Обычно перевешивает один из двух этих элементов, дающий начало «по преимуществу умовое» (Беннигсен) либо «по преимуществу волевое» (Блюхер). В первом случае — составители планов, во втором — исполнители.

Бывает гипертрофия одного элемента за счет другого. Чисто умовое начало, при атрофии воли (Куропаткин, Алексеев). Чисто волевое, при атрофии рассудка (Карл XII). Это — явление уже патологического характера, неизбежно влекущее за собой катастрофу.

Ум без воли — абсолютный нуль. Воля без ума — отрицательная величина.

В сфере полководчества преобладание волевого элемента над умовым дает лучшие результаты, чем преобладание умового элемента над волевым. Посредственное решение, будучи энергично проведено, даст результаты всегда лучшие, чем решение идеальное, но непретворенное в дело или выполняемое с колебаниями. Медная монета, непрерывно циркулирующая, полезнее червонца, зарытого в землю. Научная подготовка и интеллект Шварценберга гораздо выше таковых же Блюхера, но огненная душа и неукротимая воля «генерала Вперед» ставят его полководчество (несмотря на Бриенн и Монмираль) гораздо выше дел Шварценберга. Не имеющий высшего военного образования Макензен оказывается куда выше эрудита — академика ген. Клюева.

Волевое начало, исходящее от сердца и потому иррациональное, свойственно деятелям военного искусства. Поэтому оно выше умового начала — начала рационалистического и свойственного деятелям военной науки. Воля встречается реже ума — и ее развить труднее, нежели ум. Воля развивается воспитанием, ум — обучением.

Волевое начало свойственно русскому народу, создавшему мировую державу в условиях, при которых всякий другой народ погиб бы. История дает нам таких исполинов воли, как Александр Невский, патриархи Гермоген и Никон, Петр Великий. Оно свойственно и русскому полководчеству.

Салтыков отстоял свою армию от посягательств Дауна и петербургской «конференции». Румянцов довел до конца казалось безнадежную осаду Кольберга, хоть созывавшийся им военный совет трижды высказывался за снятие осады. Суворов явил нечеловеческую силу воли под Измаилом, сверхчеловеческую в Муттенской долине. Кто сможет по достоинству оценить волю Барклая, шедшего против течения и спасшего страну помимо ее стремлений? Кутузов, пожертвовавший Москвой, выявил большую силу духа, чем Наполеон, принявший лейпцигскую битву. А Котляревский под Асландузом? Гурко двинул в лютую зиму российские полки за Балканы.

Уклад, сообщенный нашей Армии Александром I по окончании наполеоновских войн (эпоха, неправильно именуемая «аракчеевщиной»), не способствовал образованию, а главное, выдвигению сильных характеров. Паскевич заморозил Армию, Милютин привил ей

растлевающий «нестроевой дух», Ванновский обезличил, Куропаткин деморализовал... Это оскудение воинского духа было лишь одной из граней общенародного нашего духовного оскудения, общего ущерба российской государственности.

Волевые натуры встречались и в Восточную войну (Корнилов, Нахимов, Муравьев, Бебутов) и в Турецкую (Радецкий, Гурко, Скобелев, Тергукасов). Но безволие уже начинало брать верх на Дунае и в Крыму — совершенно обезличенный Горчаков, в 1877 году едва не проигравшие войны Вел. Князь Николай Николаевич Старший и Лорис-Меликов. В Японскую войну суетливый и слабовольный Куропаткин подсекает крылья волевому Гриппенбергу и, наконец, в Мировую войну абсолютно безвольный Алексеев свел на нет блестящие успехи кампании 1916 года своими колебаниями, уговорами, переговорами и разговорами.

Волевые натуры были и в Мировую войну: Лечицкий, Плеве, Юденич, Брусиллов, граф Келлер. Но русское полководчество определили и сообщили ему характер катастрофический военачальники упадочного типа — Алексеев, Рузский и Эверт. Результат ущерба российской государственности, Алексею в Ставке соответствуют Беляев на посту Военного Министра, Хабалов на посту командующего войсками Петроградского Округа и Протопопов на посту министра Внутренних Дел.

* * *

Превосходство полководчества «преимущественно волевого» типа над полководчеством «преимущественно умовым» особенно рельефно скажется при сравнении русских военачальников с германскими в 1914 году.

У наших начальников отсутствовала вера в свое призвание, вера в великое будущее Родины и Армии, воля схватиться с врагом и победить — победить во что бы то ни стало. Ни горячие, ни холодные — легко и без усилий получавшие чины, отличия и высокие должности — они не чувствовали чести и славы воинского звания, не чувствовали, что они не только «командуют», но и имеют честь командовать — и что за эту честь надо платить.

2 июня 1807 года — в день Фридланда — занимавший Кенигсберг отряд Каменского 2-го был окружен корпусом Бельяра. 5 000 русских были окружены 30 000 французов. Бельяр лично отправился к русскому начальнику, изложил ему обстановку и предложил капитуляцию на самых почетных условиях.

— Удивляюсь вам, генерал,— холодно ответил Каменский.— Вы видите на мне русский мундир и смаете предлагать сдачу!

И пробился... Вот о чем не подозревал бедный Клюев!

Германские командиры 1914 года напоминают в этом отношении наших командиров великого века. Под Сталлупеном ген. Франсуа на приказание отступить ответил: «Скажите, что генерал Франсуа отступит лишь когда разобьет русских!»— совсем как Каменский 2-й под Оровайсом («Ребята, не отступим, пока не разобьем шведов в пух!»). Правда, Франсуа отступил, не разбив русских, тогда как под Оровайсом Каменский победил. Тот же Франсуа при Сольдау бросился в бой, не дожидаясь сосредоточения всех своих сил — словно какой-то незримый немецкий Суворов шепнул ему на ухо: «А у Артамонова нет и половины — атакуй с Богом!» Ген. фон Морген, наступая на Сувалки, доносит Гинденбургу: «Если я и буду разбит, то завтра снова схвачусь с врагом!» Слова, которые мог бы сказать Багратион при Шенграбене. А Лицман под Брезинами проявил себя подобно Дохтурову под Аустерлицом.

Силу духа немцы черпали из своей национальной доктрины — из «Deutschland uber alles» (Шарнгорст, Мольтке, Шлиффен — лишь выразители; Фихте, Клаузевиц, Трейчке — вдохновители). Совершенно как Дохтуров, Каменский и Милорадович черпали свою силу из суворовского «мы русские, с нами Бог!»

Развитию же воли у немцев способствовало чрезвычайно высоко поставленное на верхах их воинской иерархии чувство офицерской этики, система взаимоотношений между старшими и младшими, отлично проведенная организация офицерского корпуса и порядок прохождения службы, позволявшей выдвижение сильных характеров.

Проблема воли — в первую очередь проблема воинской этики, воспитания и организации офицерства.

Глава XV. О Полководце

Существует три концепции главнокомандующего.

Концепция Льва Толстого — главнокомандующий, обсасывающий куриную косточку и присутствующий лишь посторонним зрителем драмы, разыгрывающейся совершенно помимо него. Концепция обоих Мольтке — главнокомандующий, руководящий операциями, сидя за сотни верст от фронта у себя в кабинете. Концепция Жоффра — главнокомандующий, направляющий операции лично на месте.

Теории Толстого окончательно изжиты и не представляют интереса. Его отрицание «так называемой стратегии» — это отрицание дикарем письмен, в которых он не в состоянии разобраться. «Войну и Мир» пишет крупный художник, имевший однако в военном деле кругозор севастопольского артиллерии поручика. Он видел кучи мокрой земли и пирамидки ядер на Четвертом бастионе, ощущал холодную слякоть ложементов, слышал визг

неприятельских брендсугелей и заунывные возгласы махального: «пушка!», «маркела» — все мелочи, с таким мастерством описанные в «Севастопольских рассказах». Будучи — в чисто военном смысле — заурядным обер-офицером, он видел отдельные деревья, но не мог охватить всего леса, видел отдельные эпизоды великой севастопольской драмы, но не мог уяснить всего ее хода. Лишенный интуиции, он чувствовал присутствие зримого и осязаемого батарейного командира, но не мог чувствовать незримой воли на этих бастионах сутулого «Павла Степаныча». Вот с этим кругозором он и приступил пятнадцать лет спустя к изображению Наполеона и Кутузова. Для уяснения «Войны и Мира» надо сначала прочесть и перечесть «Севастопольские рассказы».

Концепция «главнокомандующего, руководящего операциями за сотни верст из своего кабинета» — концепция рационалистическая. Она считается со средствами связи, но совершенно упускает из виду свойства человеческой природы, в первую очередь свойства ближайших сотрудников главнокомандующего — командующих армиями. Отдавая из своего кабинета за сотни верст директивы далеким армиям, Мольтке-младший созерцал в Кобленце закат солнца на Рейне, в то время как «план Шлиффена» терпел крушение на Самборе, а две недели спустя меланхолически прогуливался по террасам Люксембургского дворца в то время, как его армии на далекой Марне переживали самую большую драму германского оружия. Его директивы, запаздывая в общем на два дня от истинного положения, обратились в мертвую букву. С ними мало-помалу перестали считаться. Командовавшие армиями забыли, что у них где-то в далеком тылу есть главнокомандующий — и, подойдя к Марне, сражались каждый на свой счет.

Совершенно иначе посмотрел на свою должность Жоффр. Он отдал себе отчет в том, что донесения и радиограммы дают лишь бледное и неясное представление о ходе дел на местах, оценил как следует значение «хозяйского глаза».

В решительные дни последней августовской недели 1914 года Жоффр предпринял объезд своих командовавших армиями, знакомясь на месте с обстановкой и состоянием духа ближайших своих помощников. Он овладел положением и крепко взял в руки начавший было давать перебои механизм. В момент решительного единоборства на Марне все французские армии были пронизаны единой волей своего главнокомандовавшего.

Концепция двух Мольтке — система управления армиями путем отдачи «директив» из глубокого тыла — соответствует условиям XIX века, тогдашним средствам связи — железной дороге и телеграфу.

Система Жоффра — личный контакт с главными исполнителями, «хозяйский глаз», пресекающий разнобой, — это система XX века с его совершенно новыми техническими возможностями — автомобилем, самолетом и телефоном.

Пагубная система «директив» способствует стратегической инициативе — то есть анархии. Наоборот, вождение армии «на коротком поводке» — путем отдачи ясных, точных и чеканных приказаний — дает возможность главнокомандующему в любую минуту чувствовать пульс операций и владеть положением.

В битве на Марне полководчество XIX века с его порождающими анархию директивами было побеждено полководчеством XX столетия — полководчеством «на коротком поводке».

Румянцов со своим «стой, ребята!» в критическую минуту более жизнен и более современен, чем Мольтке в тиши своего удаленного на сотни верст от поля сражения кабинета.

* * *

Идеальный тип полководца — это, конечно, монарх, с верховной властью сочетающий полководческие дарования. Примеры Петра Великого, Наполеона, Густава Адольфа и Фридриха II показывают нам как огромную выгоду подобного сочетания, так и чрезвычайную его редкость.

Коль скоро монарх не является военным гением или просто талантом — его долг предоставить всю полноту власти облеченному его доверием главнокомандующему. Вмешательство монарха в ведение операций связывает руки главнокомандующему и умаляет его авторитет, рискуя при таких обстоятельствах пагубно отразиться на ходе кампании. Мы можем видеть это на примере Александра I, стеснившего Кутузова в аустерлицкую кампанию 1805 г., и Николая I, сведшего на нет Витгенштейна в Болгарии в 1828 г. Оба эти государя, впрочем, сами сознали вред подобного рода вмешательства. Бенигсен в 1807 г., Дибич в Забалканском походе 1829 г. действовали уже совершенно самостоятельно.

Однако, передав необходимую полноту власти главнокомандующему, монарх обязан лично вмешиваться в его распоряжения всякий раз, как высшие интересы государства — интересы Политики — того требуют. Политика никогда не должна терять контроля над Стратегией.

Решение Императора Александра I на совете в Сомпюи идти на Париж — вопреки Шварценбергу и союзным кабинетам — блестяще закончилось в шесть дней рискованный иначе затянуться на долгие месяцы поход 1814 года. Александр II личным своим вмешательством после Третьей Плевны воспрепятствовал отступлению за Дунай и настоял на продолжении кампании. Наконец, Император Николай II, видя летом 1915 года неизбежную катастрофу и полную растерянность Ставки, лично стал во главе Действовавшей Армии.

Условия ведения войны в XX столетии: миллионные армии и напряжение всего государственного организма, — заставляют монарха возглавлять вооруженные силы страны лишь в критическую минуту — и только на очень короткое время. В русских условиях — не свыше двух-трех месяцев. Венценосец должен считать свое пребывание на посту Верховного лишь временным и притом — кратковременным. У него есть другие дела — *значительно более важные, чем возглавление Действующей Армии*. Кроме того, опыт 1917 г. трагически доказал необходимость для монарха находиться все время в столице — у рычага правительственной власти. Нельзя делать хорошо два дела одновременно.

Глава XVI. О Штабе

Необходимый и ценный помощник полководца — Генеральный Штаб — совершенно неправильно именуют в просторечии «мозгом армии».

Армия имеет один мозг — и этот мозг — ее главнокомандующий. Генеральный Штаб по своей природе коллектив, а мозговой аппарат всякого нормального организма — человеческого, войскового, государственного — по своей природе может быть лишь единоначальным.

Великая монархистка — природа распорядилась так, что как только этот признак единоначалия утрачивается — организм немедленно же утрачивает равновесие, оказываясь, согласно народной мудрости, «без царя в голове».

Если продолжать придерживаться физиологических сравнений, то Генеральный Штаб — не мозг, а нервная система, претворяющая в дело решения мозга, передающая эти решения во все части организма, обеспечивающая функционирование организма.

«Рефлективные движения» — то есть движения, производимые по инициативе нервной системы, бессознательно — возможны, а до некоторой степени даже и желательны в военном организме, «разгружая» главнокомандующего, подобно тому, как они возможны в человеческом организме, «разгружая» мозг. Однако эти «рефлективные движения» отнюдь не должны возводиться в систему. Нельзя возлагать на чинов Штаба, какими бы выдающимися офицерами они ни были, решения задач, входящих в исключительную компетенцию одного главнокомандующего. Нет более плачевного зрелища, чем Мольтке-младший на буксире у своих пылких подполковников.

В январе 1916 г., после Азап-Кейского сражения, ген. Юденич, выполняя категорическое приказание Великого Князя Николая Николаевича об отводе победоносной Кавказской Армии назад — на Кеприкейские позиции — командировал на фронт для выбора

этих позиций двух офицеров своего полевого штаба — полковника Масловского и подполковника Штейфона.

Прибыв на фронт, эти два офицера Ген. Штаба на месте отдали себе отчет в размерах одержанной победы и увидели невозможность подсесть победе крылья. Они сознали, что победу надо довести до конца — до взятия Эрзерума и окончательного разгрома неприятеля. Вместо «рекогносцировки назад» тыловых Кеприкейских позиций, они по своему почину предприняли «рекогносцировку вперед» Деве-Бойненской позиции неприятеля и нашли, что Каргабазарский массив не занят казаками. Все это они немедленно сообщили ген. Юденичу — и тот, увидя истинную обстановку, решил штурмовать Эрзерум.

Вот типичный пример «рефлекса» нервной системы, подсказывающего мозгу решение.

Классический случай утраты мозгом всяческого контроля над рефлексами произошел в Германской армии на Марне. Утратив связь со своими армиями, чувствуя, что они ускользнули у него из рук, Мольтке-младший, вместо того, чтобы по примеру Жоффра отправить в их штабы, командировал туда одного из своих офицеров, подполковника Генча, снабдив его полномочиями, чрезвычайно широкими, но расплывчатыми (что отвечало вполне следуемой им системе отдачи «директив»). Объездив все армии слева направо, Генч был сильно деморализован штабом 2-й армии Бюлова (где, вследствие отправки войск на русский фронт, наметился разрыв фронта). Прибыв затем в штаб 1-й армии фон Клука, где дела шли прекрасно — Клук намеревался в то утро, 9 сентября, окончательно добить армию Монури, — Генч, всецело под впечатлением уныния бюловского штаба, предписал свежей властью Клуку отступить...

Сравнение Масловского и Штейфона с Генчем показывает не только превосходство русских офицеров Ген. Штаба выпусков после Японской войны над их германскими сверстниками. Это — клинический пример сравнения здорового штабного организма с больным. С завязки пограничного сражения до проигрыша битвы на Марне германские армии были поражены пляской святого Витта.

* * *

Начальник полевого штаба — ближайший помощник (и ближайший подчиненный) полководца. Это — человек, оформляющий, разрабатывающий и помогающий проводить в жизнь его предначертания. Он ни в коем случае не должен быть подсказчиком, а всего лишь советником, помощником с правом только совещательного голоса. Пословица «одна голова хороша, а две лучше» в военном деле совершенно неприменима (в своем логическом развитии она обычно порождает другую — «сколько голов, столько умов»).

его начальник штаба должны хорошо знать друг друга, быть в столь можно тесном общении еще в мирное время. Только при этом условии возможна с самого же начала продуктивная работа. Гинденбург, познакомившийся с Людендорфом в вагоне по пути в Восточную Пруссию — исключение (возможное лишь при монолитности прусско-германской военной касты). В обычных условиях возможно лишь два случая. Положительный пример — штаб Жоффра, где все чины — близкие сотрудники главнокомандующего с мирного времени и понимают его с полуслова. И отрицательный — русская Ставка, где неожиданно для себя назначенный Верховным Великий Князь Николай Николаевич вынужден осведомиться об имени и отчестве навязанных ему в сотрудники Янушкевича и Данилова.

Назначение Штаба — поставить военачальника в возможно лучшее положение для принятия им *единоличных решений*.

Часть пятая. О вооруженной силе

Глава XVII. Армия, Флот, Авиация

Трем элементам природы — земле, воде и воздуху — соответствуют три вида вооруженной силы — сухопутные, морские и воздушные.

«Всякий потентат, который только армию имеет — одну руку имеет, а который и флот имеет — обе руки имеет», — сказал Петр Великий, не знавший еще воздушной силы.

Армия воюет на земле. Флот — на море. Авиация — над землей и над морем.

Рассмотрим их взаимоотношение.

* * *

Море составляет три четверти нашей планеты. Все государства дышат морем. Это — их легкие. Потерю господства над морем можно сравнить со скоротечной чахоткой. Та кровь, что проливает тогда сухопутная армия, — не что иное, как кровохарканье надорванного государственного организма.

Это случилось с Россией в Мировую войну 1914–17 гг. Она захлебнулась кровью, не будучи в состоянии дышать. Правое легкое — Балтика — было утрачено с объявлением войны. Левое легкое — Черное море — было парализовано выступлением Турции. А искусственное дыхание через Мурман запоздало.

Владей мы на севере Бельтом, а на юге Босфором — Россию не постигло бы удушье. Вступи в строй черноморская дивизия дредноутов не в 1915–16 гг., когда политическая

обстановка была уже испорчена, а на два года раньше — в 1913–14 гг. — до войны — Турция не выступила бы и война не затянулась бы на долгие годы.

Флот — показатель здоровья государственного организма, показатель государственного ума правителей и мерило великодержавности. Страна, имеющая только 40 дивизий пехоты, но 20 могучих броненосцев, значит в мире больше, чем страна, имеющая 100 дивизий на суше, но всего 5 кораблей на мировых океанских путях. Удельный вес Британской Империи в союзной коалиции 1914–18 гг. во много раз превосходил удельный вес России.

* * *

Армия и Флот — близнецы. Авиация — их младшая сестра. Младшая и по времени своего появления, и по своим возможностям.

Физические свойства воздушного океана менее благоприятствуют человеку, чем земная твердь и водная стихия. Корабль в море — величина на долгое время самодовлеющая. Самолет в воздухе целиком зависит от своей сухопутной либо морской базы. Его автономия измеряется не неделями, как у корабля, а лишь немногими часами.

Возвращаясь к петровской метафоре, мы можем ее развить. Если Армия и Флот — две руки potentата, то Авиация — дубина, усиливающая каждую из этих двух рук.

Гармония между этими тремя видами вооруженной силы должна соблюдаться строго. Гипертрофия одного из них в ущерб другим вредна, атрофия — пагубна. Потеря господства над морем парализует сухопутную силу. Утрата господства над воздухом ставит сухопутные и морские силы в самое невыгодное положение. Препятствуя Тактике, парализуя Оператику, она рискует сорвать Стратегию.

В дальнейшем, исследуя положение Армии в Государстве, мы под «Армией» условимся понимать всю совокупность вооруженных сил.

Глава XVIII. Армия в Государстве

Устроителю вооруженной силы надлежит разрешить две задачи: устройство постоянного состава — дав ему статут военной касты либо военного сословия — и устройство переменного состава — статут вооруженного народа.

Армия состоит из генералов, офицеров и солдат. Офицеры создают солдат и из офицеров создаются генералы. Следовательно, краеугольный камень всего здания — офицерство.

Офицерский корпус может иметь характер замкнутой касты, служилого сословия, профессионального объединения, партийной организации либо, наконец, механического соединения людей, связанных индивидуальным служебным контрактом с Государством.

В последнем случае это — человеческая пыль, карточный домик, положение, в XX столетии невозможное.

Столь же невозможно придать офицерскому корпусу партийную окраску. Партийность несовместима с воинским духом и воинской этикой — плачевная история Красной армии тому наглядный пример. Партийность несовместима и с Православием, а стало быть и с русскостью. Мы отбрасываем это самоубийственное и глубоко аморальное положение.

Союз профессионалов шпаги противоречит самому естеству российской вооруженной силы, единственной в мире не имевшей в своих рядах наемных ланцкнехтов и кондотьеров.

Остаются каста и служилое сословие.

Германская армия 1914 года была кастой. Сын фельдфебеля ген. Алексеев, главнокомандовавший в Мировую войну Российскими армиями, не мог бы в Германской армии мирного времени получить и первый офицерский чин. Правда, воспитанные в кастовом духе германские генерал-адъютанты не предали своего кайзера (наоборот, там кайзер позорным своим бегством предал разбитую свою армию).

Сильной стороной касты является высоко развитое чувство воинской этики, чувство кастовой солидарности, где все за одного и один за всех. Каста — монолит, проникнутый единым духом, в ней старшие пользуются непререкаемым авторитетом в глазах младших, а младшие — товарищеским уважением со стороны старших.

Обратная сторона кастовой организации — ее замкнутость в себе и отчуждение от народа. Традиции Германской армии восходят к ордену Меченосцев, сурово повелевавшему из своих замков поработенным племенам Прибалтики и Пруссии. Кастовая гордость и заносчивость глубоко претят православному русскому мирозерцанию — и не нам, чьи предки затупляли мечи о тевтонские черепа, перенимать обычаи потомков побежденных на Неве, в Ледовом побоище, в Раковорской битве и при Грюнвальде.

При организации военной семьи Российского служилого сословия нам надо взять за образец птенцов гнезда Петрова — петровский гвардейский обычай.

Всех готовящихся к офицерскому служению писать юнкерами в гвардейские полки, где учредить юнкерские батальоны. Будет покончено с милютинской училищной системой и ее разделением на белую и черную кость. Все офицеры получают однородную гвардейскую шлифовку, единый крепкий и добрый гвардейский дух. Для специальных войск и Авиации оставить училища и школы.

Эта система Петра Великого — система гвардейской шлифовки всего офицерства — действовала у нас целое столетие — и действовала на славу.

Таким путем удастся создать монолит, не создавая противоестественной русским условиям и русским понятиям касты.

Главным устоем офицерского корпуса должна быть крепко спаянная и тесно сплоченная офицерская полковая семья. Особенное внимание организатора должно быть устремлено на разработку положения о полковых офицерских обществах и на осознание великого значения должности командира полка.

Следует знать и помнить, что рота — административная единица, батальон — тактическая, а полк — духовная. Следующие за полком инстанции — бригада, дивизия, корпус — опять имеют характер чисто тактический и оперативный.

В полках создается дух Армии, как на кораблях куется дух Флота. Командир полка должен быть полным и единоличным хозяином своей части, подчиняясь командиру бригады, дивизии и корпуса лишь в чисто строевом отношении. Он должен иметь права командира корабля в отдельном плавании. Командир творит полк по своему образцу и подобию, накладывает на него свой, подчас неизгладимый, отпечаток, имеет на войска то влияние, которого обычно будет впоследствии лишен на более высоких должностях. Память о выдающемся командире живет в полку из поколения в поколение и более долговечна, чем память о выдающемся начальнике дивизии и командире корпуса. В этом — все величие командирского звания и вся святость командирского призвания.

Отношения между командиром полка и старшим штаб-офицером, председателем общества офицеров полка, должны быть теми же, что между командиром корабля и старшиной кают-компаний. Строжайший культ воинской этики в рамках железной дисциплины.

Организацию офицерского корпуса можно уподобить зданию с узким входом и широким выходом. Доступ открыт для всех, но со строгим разбором — принимать лишь достойных. А «не могущим вместить» — свободная дорога на все четыре стороны.

* * *

Вооруженная сила — часть народа. Устроителю вооруженной силы надлежит привлечь в ее ряды лучшую часть народа.

Этого не понял Милютин. Его Устав о всеобщей воинской повинности 1874 года под видом «льгот по образованию» фактически освободил всю образованную часть населения от

долга защищать Отечество. Он лишил Армию сотрудничества культурных сил страны и в значительной степени способствовал отчуждению между Армией и Обществом.

«Льготы по образованию» — пагубны и преступны. Настоящая льгота, которую должно дать русскому образованному человеку, — это честь в первую очередь и раньше других служить своей стране и кровью запечатлеть свою ей преданность. Писатели, ученые, инженеры, судьи, промышленники и в первую очередь педагоги — весь интеллектуальный отбор страны должен получить закалку в великой школе воинского служения. Все они должны обладать чином офицера запаса*. Служба в Армии дает им возможность еще в молодости узнать жизнь, какова она есть, узнать по-настоящему людей, узнать и полюбить свой народ, осознать свою кровную к нему принадлежность.

Наравне со «льготами по образованию» следует уничтожить и другие столь же несправедливые «льготы» — в первую очередь «льготы по семейному положению». Все они отнимали половину призываемых и делали невозможным физический отбор остальной половины. На службу шли слабосильные, надрывавшие свое здоровье, в то время как крепкие здоровяки забронировались «льготой».

Призывной возраст в 21 год слишком велик. В этом возрасте в крестьянстве часто женятся и на службу идут с тяжелым сердцем**. Единственным положительным мероприятием советской власти было понижение его до 19 лет. Эта молодежь более беззаботна, ревностнее отдается службе и более податлива.

Само собою разумеется, допризывная подготовка солдатская в начальной школе и после нее, унтер-офицерская в средней, офицерская в высшей — должна быть обязательной. Это — плодотворная совместная работа офицера и учителя.

* * *

Вооруженная сила — один из элементов Политики (наравне со школой, администрацией, дипломатией). Утверждение, что «Армия вне политики», — нелепо. Армия — это как раз вооруженная Политика.

Армию сравнивают с «мечом Государства». Это совершенно неверно. Меч — слепое орудие, неодушевленный предмет, которым может владеть и преступник, тогда как Армия — живой организм.

Армия не меч. Она рука, держащая меч. Живая рука, направляемая волей головы. А голова — Царь.

* На вольноопределяющихся надо смотреть не как на нижних чинов, пользующихся некоторыми преимуществами, а как на будущих офицеров запаса. Их правильнее называть «юнкерами запаса».

** Отметим аморальное влияние солдатских жен («солдаток») в деревне.

Это — единственно возможная в русских условиях формулировка. Всякая другая исключается. Коммунистическое варварство, демократический маразм, тоталитарно-диктаторское богоборчество одинаково растлевают страну, одинаково развращают вооруженную силу. Мы отбрасываем эти порождения бездушия и скудоумия.

Триединый завет «за Веру, Царя и Отечество» — не казенный лубок. Во всей своей краткости он целиком заключает в себе тысячелетнее бытие России, когда, черпая силу в *Православной Вере*, наши *Цари* создали нам величайшую страну — наше *Отечество*.

Это — вся наша Политика. Понять ее — значит стать непобедимыми.

Глава XIX. О военном потенциале

Под «военным потенциалом» мы условимся понимать не показатель суммы всех боевых средств и возможностей Государства, его, так сказать, «боевой коэффициент», а показатель «интенсивности» этих средств — точнее *показатель полезного напряжения сил данной страны*.

Если мы под А разумеем сумму «абсолютных возможностей» страны: массу населения, сырые материалы, географические условия, а под В «относительные возможности»: систему комплектования вооруженной силы — для утилизации этих масс населения, степень развития обрабатывающей промышленности — для утилизации этих сырых материалов, развития средств и начертание сети путей сообщения для преодоления этих географических условий — то боевой коэффициент Государства выразится произведением А.В.

В случае слабого развития «относительных возможностей» — дефективной системы комплектования, недостаточного развития обрабатывающей промышленности и путей сообщения — сомножитель В обращается в «правильную дробь». Тогда все произведение А.В — боевой коэффициент страны — делается меньше одного сомножителя А. Иными словами — то, что дает страна при данных условиях, меньше того, что она могла бы дать при иных условиях.

Уступая России количеством населения соответственно в 4 и 3 раза, Франция и Германия оказались в военном отношении во много раз более сильными, нежели Россия, имевшая огромные «абсолютные» и ничтожные «относительные» возможности. Одна германская дивизия, перевозимая по железной дороге и своевременно прибывавшая на поле сражения, приносила больше пользы, нежели три русских дивизии, шедших походным порядком по польской грязи и запаздывавших. В кампанию 1916 года 100 австро-германских дивизий, располагавших рокадными линиями, были по крайней мере вдвое сильнее 160

русских дивизий, этими линиями не располагавших (тем большее значение приобретает доблесть войск и искусство начальников Ю.-З. фронта, но общей картины это не изменяет). Сомножитель «В» имеет таким образом огромную важность: он определяет интенсивность.

«Боевой коэффициент» А.В, будучи помножен на «моральный коэффициент» М, даст нам «военный потенциал» Р — произведение материи на дух. Формула его: $P = (A \cdot B)M$.

Военизация страны есть приспособление ее к нуждам войны — переключение всей ее жизни на военное положение. Она определяется фактором В «боевого коэффициента» — его интенсивностью — и всецельным фактором М «военного потенциала» — духом страны. Отсюда явствует, что военный потенциал есть производная степень военизации страны.

Глава XX. Фронт и тыл

Проблема организации страны в военное время формулируется просто: извлечь наибольшую пользу при наименьшем напряжении организма страны, добиться наибольших результатов с наименьшими жертвами.

На фронт идет лучшее, что есть в стране. Фронту дается много, и за дух фронта в организованной армии можно быть спокойным.

Тыл поставлен в значительно худшие условия. Он живет как бы изнанкой войны. Моральное напряжение тыла во много раз больше морального напряжения фронта. Средств же для того чтоб выдержать это напряжение — гораздо меньше.

Вместе с тем, «тыл» и есть страна — государственный организм, пораженный болезнью войны. Без тыла нет фронта. Неудачи фронта всегда поправимы при условии хорошо налаженного тыла. Расстройство же тыла неизбежно влечет за собой непоправимую катастрофу фронта. Пример Российской Империи 1917 года и Белых армий 1919–1920 гг. — трагическое тому доказательство.

Внимание политика должно быть всецело обращено на устройство тыла.

Лозунг «все для фронта» доказал свою несостоятельность. Это все равно если бы совершающий тяжелую физическую работу человек заботился исключительно о своих руках, не обращая никакого внимания на свой организм.

Тыл хуже переносит войну. Необходимо поэтому, чтобы он как можно меньше ощущал ее тяготу.

Население не должно ни в чем испытывать недостатка. Говядина по рублю фунт была в 1915 году большим ударом для России, чем падение Новогеоргиевска и Ковны.

Немецкий подчеловек сказал, что «пушки важнее масла». И сказал глупо. И пушки и масло важны в одинаковой степени. Без «пушек» страна не может обороняться, без «масла» она не может вообще жить.

* * *

Первым мероприятием Правительства при приведении страны на военное положение должно быть закрытие на все время военных действий всех общественных организаций (если таковые существуют) и всего местного самоуправления. Опыт Мировой войны 1914–17 гг. показал гибельность этого рода учреждений. Правительство не должно иметь соперников. Оно обязано целиком владеть аппаратом власти и безраздельно контролировать все отрасли жизни страны. Механизм управления должен быть свободен от дилетантского вмешательства. Война — дело государственное, а не комитетское.

При мобилизации вооруженной силы — брать лишь самое необходимое количество населения, твердо помня, что «не множеством побеждают». Отвлекать от народного хозяйства как можно меньше рабочих рук, как можно меньше специалистов своего дела. Твердо помнить какое напряжение нам под силу, а какое — нет. Почва для революции 1917 года была создана надрывом не рассчитавшей своих сил России. Мы оторвали от работы 15 с половиной миллионов мастеров своего дела, не имея ни кадров, ни оружия, ни даже помещений для них и создав этим непоправимые перебои во всех отраслях государственной жизни и народного хозяйства. Другой род мобилизации — это мобилизация промышленности. Мобилизация тяжелой промышленности для обслуживания фронта. Мобилизация легкой промышленности для обслуживания тыла.

Печальный пример «военно-промышленного комитета», наживавшегося на русской крови в 1915—17 гг. и поставлявшего за 32 рубля шрапнель плохого качества, стоившую в безупречной «ювелирной» отделке казенных заводов только 9 рублей, — этот пример должен навеки остаться в умах и сердцах правителей Российской Империи. Все частные заводы должны быть взяты под строжайший контроль военного ведомства.

Само собой разумеется, весь личный состав тяжелой промышленности — инженеры, техники, рабочие — должны считаться «мобилизованными на месте производства», подчиняясь воинской дисциплине. В истории России не должно повторяться роковых событий, вроде выступления петроградских распропагандированных рабочих масс в феврале 1917 года.

Мобилизация обслуживающей тыл легкой промышленности имеет огромное моральное значение. Тыл должен быть так же снабжен предметами повседневного обихода, как фронт — снарядами. Лишенная лучших своих элементов, ушедших на фронт, страна чрезвычайно болезненно ощущает перебои экономической своей жизни. Духовные ресурсы

тыла неизмеримо слабее духовных ресурсов фронта. Их надо щадить, твердо помня, что *успех войны зависит в первую очередь от моральной устойчивости тыла.*

Если ситец стоил до войны 10 копеек, то во время войны он должен стоить 8 копеек. Если булка стоила 5 копеек, то должна стоить 4 копейки. Если поезда в мирное время имели право запаздывать на 10 минут, то в военное время могут запаздывать только на 5 минут.

Надо помнить, что если неприятелю удалось окружить и уничтожить одну из наших армий — то эта крупная неудача всегда поправима: тут поражение несет только Стратегия. Но если в тылу пятикопеечная булка стоит рубль — то это признак развала, непоправимой катастрофы: тут поражение понесла Политика — главный элемент войны и всей государственной жизни.

Все это требует огромного напряжения и тщательной, вдумчивой подготовки еще в мирное время. Ничего не должно импровизироваться в последнюю минуту — импровизация ведет лишь к перебоям и сможет привести к катастрофе.

Основной задачей промышленной мобилизации — помимо переключения тяжелой промышленности на нужды фронта — должен быть учет и подготовка кадров и рабочих рук для легкой промышленности, заменив там призванных в действующую Армию и в тяжелую промышленность категориями лиц, не подлежащих военным мобилизациям.

Мы подошли к чрезвычайно важному вопросу — вопросу о женском труде.

Задача женщины — создание и воспитание семьи. Это — самая важная из всех государственных задач. Женщина — столп государства и государственности, и ее дело достаточно трудно и ответственно для того, чтобы ее обременять другими, явно не входящими в ее обязанности и компетенцию.

Женский труд является лишь суррогатом мужского труда. Он вообще менее продуктивен, за исключением домашних работ, которые под категорию «защиты государства», конечно, подвести нельзя, но на которых в значительной степени самое государство и держится.

Все же некоторую часть обширного 80-миллионного женского населения Империи возможно и необходимо использовать в целях мобилизации легкой промышленности. В порядке трудовой повинности мирного времени некоторые категории (незамужние либо бездетные) должны быть подготовлены к службе в легкой промышленности, почтовом ведомстве, отчасти на транспорте.

* * *

Основным правилом организации страны в военное время должно быть сколь можно большее использование сил и способностей каждого на подходящем месте. Как можно

больше подходящих людей на подходящих местах и как можно меньше дилетантов при полном исключении импровизации.

В первую очередь — заблаговременное создание крепких ведущих кадров во всех отраслях государственной работы. До организации миллионов — отбор десятков тысяч специалистов, более того, мастеров своего дела, беззаветно преданных как своей специальности, так и общему русскому делу.

Эти кадры — офицеры и унтер-офицеры, ученые и учителя, инженеры и техники, врачи и юристы, писатели и журналисты, администраторы всех рангов — проникнутые единой творческой волей, и поведут за собой родную страну в час решительного испытания.

Глава XXI. Общественное мнение и руководство им

Общественное мнение служит выразителем и показателем духа страны. Создание духа страны — дело Церкви и Школы. Создание общественного мнения — дело печати.

С упразднения Патриаршества в 1700 году и до запоздалого его восстановления в 1917 — два с лишним столетия — Церковь, первооснова всей русской жизни, была «в вавилонском пленении» у светской власти. Оскудение Церкви в «синодский период» стало причиной оскудения духа всей страны.

Духовенству надлежит прежде всего развязать руки, чтобы оно могло в полном объеме приступить к выполнению своей великой задачи.

Задача Школы — не только (и не столько) образование, сколько *воспитание*. Министерство Народного Просвещения должно именоваться *Министерством Народного Воспитания*.

Первенство воспитания над обучением в школьном деле столь же ясно и очевидно, как и в собственно военном. Мы должны считать это аксиомой.

Организация Школы — это прежде всего организация преподавательского состава, создание крепкого учительского сословия — пирамиды, основанием которой служат кадры народных учителей, а вершиной — профессора университета.

Народному учителю надо создать в стране положение, которого он до сих пор был лишен. Повысить уровень учительских семинарий, приравняв их к средне-учебным заведениям. Дать учителю чин офицера запаса и все связанные с офицерским званием преимущества на все время его учительской деятельности*.

* Народный учитель должен быть также инспектором допризывной подготовки своего района, а также членом воинского присутствия при призыве новобранцев его села. Отбывая лагерные сборы, он будет иметь под своей командой — как офицер запаса — своих бывших учеников, которые, таким образом, будут подвергаться его

Роковой ошибкой Милютинского устава 1875 г. было «освобождение» педагогов от воинского долга. Интеллектуальный отбор страны — Школа — исключался из рядов Армии. Мы уже имели случай разобрать антигосударственные положения этого Устава.

Сто тысяч тщательно подготовленных и тщательно отобранных народных учителей-офицеров дадут нам могучий кадр — закваску и фундамент российского просвещения.

Столь же тщательно следует отобрать преподавательский состав средней школы, ответственность которого еще более велика. Особенное внимание следует обратить на преподавателей родной Истории и Словесности, как способных оказать решающее влияние на формацию учеников. Философские дисциплины — Психологию, Логику и собственно Философию — надо поручить священнику-законоучителю либо педагогу с богословским образованием. Рационалистическая трактовка этих предметов, не осмысленная и не одухотворенная Православием, выхолащивает их, лишая их глубокого содержания, и готовит интеллектуальных инвалидов.

Что касается высшей школы, создающей отбор страны, то преподавательский состав ее принадлежит уже не к учительскому, а к ученому сословию. Ученики же — студенты — полноправные члены Общества и Государства. Высшая школа должна быть целиком включена в государственную жизнь.

Очертив великое назначение Церкви и Школы, создающих дух страны, перейдем к печатному слову, выражающему общественное мнение.

* * *

«В начале бе Слово, и Слово бе к Богу — и Бог бе Слово» (Иоан.1,1). Слово, таким образом, божественно. В устах человека оно является первым признаком образа и подобия Божия. Это — самое грозное оружие, которым располагает и будет располагать человек.

Но созданный по образу и подобию Божию человек бывает грешником и преступником. Так и слово его бывает тогда отравленным и приобретает великую разрушительную силу.

Если в нашем государстве Церковь и Школа на высоте, то организм страны здоров. А в здоровом теле — и здоровый дух. Отравленного слова тогда нечего бояться: страна прикрыта от ядовитых стрел надежной броней. Да и самой отраве неоткуда взяться.

Наоборот, когда в стране нет здорового духа, отравленное слово бьет наповал. Как бы ни напрягало все свои силы правительство, какие бы меры пресечения оно ни предпринимало в борьбе с растлевающим печатным словом — оно эту борьбу проиграет. Ибо нельзя бороться со внешними проявлениями зла, не устранив его первопричины.

влианию и его офицерской шлифовке все время, уже далеко перешагнув за детский и даже за юношеский возраст.

В этом безнадежном положении находилось Российское правительство времен упадка Империи второй половины XIX и начала XX столетия. Дух России был поражен принижением Церкви и разложением Школы. Только в этой упадочной обстановке и возможен был успех — и самое появление — болезненных наростов, патологической литературы Белинского, Герцена, Чернышевского, Писарева, Михайловского — людей столь же озлобленных, как и бездарных. И лишь патологическим состоянием организма страны можно объяснить себе засилье этих «властителей дум». Убогая философия Льва Толстого — рассуждения средней руки папуаса — кажущаяся такой жалкой и примитивной в половине XX века — в свое время, на рубеже двух столетий, казалась евангелием смертельно больному обществу.

Правительство тратило зря свои последние силы. Оно боролось с дымом, вместо того чтобы бороться с огнем, и своей борьбой с «запрещенными» авторами лишь создавало этим последним совершенно незаслуженный ими ореол «мучеников идеи», а обманутому стаду «малых сих» — прелесть запрещенного плода.

В благоустроенном государстве не должно быть вредной печати за отсутствием уязвимых мест. На здоровый организм этот яд не должен действовать. А если действует, то это значит, что в нем появилась трещина, которую, как можно скорее, надо залечить.

* * *

Само собою разумеется, свобода печати в военное время должна подвергнуться ограничениям. Она несовместима с общей дисциплиной государства во время войны, как несовместимы, например, торговля и вольные профессии с отбыванием воинской повинности.

Задача печати в военное время — осведомлять страну о ходе дел на фронте. Осведомлять как можно более правдиво. Писатель, журналист и цензор — друзья, а не враги.

Неудач не замалчивать — ибо их замолчать невозможно: нельзя отрезать языки раненым, эвакуированным и отпускным. Твердо помнить главного врага — *«стоустную молву»*. Для пресечения этой молвы лучше своевременно — с соблюдением известной меры — твердо и авторитетно сообщить о поражении XIII и XV корпусов в Восточной Пруссии (неприятель все равно узнал их номера), чем допустить панический слух по всей стране, что «полмиллиона наших погибло в Мазурских озерах» — слух, который потом никакими средствами не удастся искоренить.

Страна должна знать лучших своих сынов, должна знать и чтить имена своих доблестных полков — имена, уже известные неприятелю, имеющему о них сведения по убитым и пленным. Такие черствые «алгебраические» выражения, как «один из наших доблестных полков», «один из наших молодых полков», ничего не говорят уму и сердцу

населения, оставляя в то же время чувство горечи в сердцах участников боев. Вообще, сообщения нашей Ставки в Мировую войну 1914–17 гг. следует рассматривать как непревзойденные отрицательные образцы.

Не следует обманывать население нелепыми бравадами, что неприятель умирает с голоду, что неприятельская страна сможет продержаться еще самое большее полтора месяца, что неприятельские войска сдаются дивизиями при одном виде казацкой пики. Этими баснями печать дискредитирует себя в глазах общественного мнения и деморализует страну, зря обнадеживая ее.

* * *

Совершенно нетерпим и недопустим слащавый тон о «солдатиках» и «серых героях». Он раздражает бойцов и деморализует значительные их категории. В основе слащавости и пафоса всегда фальшь. Авторов подобного рода статей и очерков следует, после первого и последнего предупреждения, лишать права писать до окончания военных действий.

Еще опаснее слащавость в обращении с ранеными и выздоравливающими. За ними должно ухаживать, но с ними ни в коем случае не надо нянчиться. Это развращает.

Госпиталия ни в коем случае не должны располагаться в населенных центрах. Не надо подвергать дух тыла добавочному и совершенно излишнему испытанию.

Кульг героев должен соблюдаться свято. В каждом храме, в каждой школе должны иметься доски с именами прихожан или бывших учеников, заслуживших белый крестик либо сподобившихся деревянного креста.

Портреты героев и описания их подвигов должны быть на почетном месте периодических изданий.

В наших русских условиях (при свойственной всем нам музыкальности и любви к театру) большое значение приобретают музыка и сцена. Для широких масс чрезвычайно важен кинематограф. Как в театре, так и в кинематографе следует избегать деланного пафоса и мелодрамы.

Уличные манифестации — очень сильно действующее средство. Но они ценны только в случае своей непосредственности. Манифестации заранее организованные и принудительные, на советский образец, свойственны варварским «тоталитарным государствам». Они обращаются в отбывание номера и совершенно не достигают своей цели.

* * *

В общем, проблема общественного мнения — это проблема духа страны. Церковь и Школа создают этот дух — и при его наличии управление общественным мнением не представляет трудности.

Часть шестая. О доктрине

Глава XXII. О доктрине национальной и доктрине военной

Под «доктриной» мы разумеем совокупность взглядов по данному вопросу и совокупность «методов» при разрешении этого вопроса.

Военная доктрина представляет собою мировоззрение данной нации по военному вопросу и составляет одну из многочисленных граней доктрины национальной. Отсюда явствует основное свойство военной доктрины — ее национальность. Она является производной исторических, бытовых и военных традиций данной нации — ее политических, географических, племенных условий, духа и психологии народа (или народов, ее составляющих). Короче — отражением ее духовного лика.

Пересадка и культивированье чужих доктрин представляет поэтому насилие над духом нации — насилие, к добру никогда не приводящее. Отсекая от монолитной глыбы чужой национальной доктрины маленький осколок этой глыбы — военную доктрину — мы можем этот осколок припать, приклеить или привязать к нашему национальному монолиту. Соединение это прочным никогда не будет — даже если мы до склеиванья обтесали наш монолит для того, чтобы легче подогнать осколок чужой доктрины к нашим условиям. Оно может быть лишь механическим — оно никогда не станет органическим, и вся полученная таким образом, искусственная и ублюдочная доктрина не сможет выдержать серьезного испытания. Говоря о военной доктрине, мы разумеем две: германскую — технически разработанную и сведенную в строгую систему, и русскую, остающуюся в том виде, какой завещал ее нам Суворов.

* * *

Германская национальная доктрина — это обожествление Всегерманства (Deutschtum), покоряющего себе под ноги все другие народы, являющиеся в сущности — особенно славяне — навозом для германской культуры. Германский народ — народ господ (Herrschervolk) — благородная северная раса. Он один должен повелевать в поработанном для него мире.

«Одни лишь немки рождают. Все остальные женщины мечут». Это крылатое изречение немецкого профессора, имя которого не будет бесчестить этих страниц, как нельзя лучше характеризует германскую национальную доктрину — доктрину в первую очередь *человеконенавистническую*.

Отсюда — основные тезисы германской военной доктрины. «Стратегия на уничтожение», «битва на уничтожение» (Vernichtungsschlacht). «Интегральная война» и

сопряженные с ней жестокость и террор должны парализовать мирное население — низшую расу неприятельской страны, убить в нем волю к сопротивлению, способствовать скоротечности, то есть скорейшему окончанию войны.

Германский офицер отрезает пальцы бельгийской девочке. Его всецело покрывают и оправдывают Клаузевиц и Людендорф своей бесчеловечной теорией «интегральной войны». Ему на выручку спешит и Трейчке — теоретик Herrschervolk'a, и Фихте с его «Речью к германской нации». Детская кровь — вполне допустимое средство войны, коль скоро дети эти принадлежат к низшей, не германской расе.

Эти человеконенавистнические тенденции сказываются не только на этической, но и собственно на технической стороне германской военной доктрины. Основная, подсознательная идея германского стратега, германского тактика — это чувство Спартиата, с бичом в руке вышедшего на толпу трепещущих рабов-илотов. Отсюда — самоуверенность их уставов, дерзание и порыв всех их начальников, культ мужественных инстинктов, доведенный до предела, до гипертрофии, сочетается здесь с известного рода садизмом. Психопатологическая сторона учений Шлиффена до сих пор не разработана. В психозе «Канн» помимо экстаза полководца перед красотой и удачей двустороннего охвата проскальзывают и нотки тигрового восторга потомков победителей Вара перед грудой из семидесяти тысяч окровавленных тел римских легионеров — молодых, крепких, смуглых тел ненавистной «южной расы». Чувство, никогда бы не пришедшее в душу русского, французского, английского исследователя.

Пытаясь «пересадить на русскую почву» тактику Франсуа и Моргена, знаменитую «методику» германских уставов и доктрин, рационалисты и позитивисты принимают результаты за причины. Они видят доктрину военную, но не замечают доктрины национальной. Они видят Франсуа и Моргена, но не замечают стоящих за ними Клаузевица, Трейчке, Фихте, Меченосцев, двадцать столетий фаустрехта, короче — видя листья, дерева не замечают, не принимают в расчет корней этого дерева. Обламывая ветку, пересаживают ее на русскую почву в наивном расчете, что она пустит корни.

Германец считает себя «сверхчеловеком» — и этим низвел себя на степень «подчеловека». Русский, по бессмертному определению наиболее яркого выразителя русской национальной доктрины — Достоевского, — считает себя «всечеловеком». Германскую национальную доктрину выковал громовержец Тор, русскую — вдохновил Христос. И те же два начала сказались и на военных доктринах обоих народов. Меч Зигфрида выковывает в преисподней карлик Миме — меч Ильи благословляет калика — угодник Божий.

Вот почему русская военная доктрина — русская национальная военная доктрина — должна носить в себе тот отпечаток высшей гуманности, что сделал из России на протяжении одиннадцати веков «Божией рати лучшего воина».

Глава XXIII. Русская национальная военная доктрина

Сущностью той грани русского национального монолита, что носит название русской национальной военной доктрины, является превосходство духа над материей.

Это превосходство бессмертного над смертным и ощущали русские канониры Цорндорфа, целовавшие свои пушки, прощаясь с ними навсегда, «и не отходя от них ни на шаг» в момент, когда их самих рубили латники Зейдлица — и когда немец на их месте бежал бы или сдался. С этим чувством вышел Румянцов с семнадцатью тысячами на двести тысяч турок в Кагульскую битву. Оно вдохновляло перо Суворова, набрасывавшего бессмертные строки «Науки Побеждать», вдохновило и меч его, светя его чудо-богатырям и в серенькое утро Рымника, и в знойные дни Требий, и в черном мраке альпийских ночей. Мушкетеры Милорадовича, егеря Дохтурова, гренадеры Котляревского, стрелки Юденича, ударники Корнилова — все они были движимы этим превосходством, ярким пламенем горевшим в их душах и в душах их вождей.

Основы русской национальной военной доктрины были, есть и останутся следующие.

Будучи народом православным, мы смотрим на войну как на зло — как на моральную болезнь человечества — моральное наследие греха прародителей, подобно тому, как болезнь тела является физическим его наследием. Никакими напыщенными словесами, никакими бумажными договорами, никаким прятаньем головы в песок мы этого зла предотвратить не можем. Пергамент Парижского договора 1928 года — «пакт Бриана-Келлога» не избавил человечества от войны, как намалеванный на дверях дракон не избавит китайца от чумы.

А раз это так, то нам надо к этому злу готовиться и закалять организм страны, увеличивать его сопротивляемость. Это — дело законодателя и политика.

Военное искусство и военная наука (причем вторая призвана обслуживать первое) имеют строго национальный характер, вытекая из духовных свойств и особенностей данного народа, данной нации. Русского Мольтке не может быть, как не может быть немецкого Суворова. В «суворовском» отношении немцы не пошли и не пойдут — дальше Блюхера. В «мольткенском» мы могли дать самое большее Милютина. Наши учителя — Петр I, Румянцов, Суворов — и те немногие русские полководцы и деятели, что вдохновлялись их примерами, отнюдь не чуждые нам органически иностранцы. *Фош и Мольтке не могут быть нашими учителями — они могут быть, самое большее, лишь репетиторами.*

Насколько «Наука Побеждать» чище и выше софистики Клаузевица, схоластики Шлиффена, блестящей метафизики фон Зеекта!

В основу *организации* вооруженной силы русская национальная военная доктрина всегда кладет принцип качества и принцип отбора («не множеством побеждают»). На идее отбора — привлечении в первую очередь дворянства — Петр и построил всю армию. Русская армия XVIII века — прежде всего армия отборная, этим и объясняются все ее подвиги в тот великий век.

Самая организация Российской вооруженной силы — как Московского Государства, так и Петровской Империи — была следствием *нашей самобытности*. «Мы мало сходствуем с другими европейскими народами», — писал Румянцов в своих «Мыслях по устройству вооруженной силы». Упадок нашей Армии начался с подражания иностранным образцам при Павле.

При *ведении войны* мы должны стараться избегать бесчеловечных ее форм. Отбросив с отвращением «клаузевицко-ленинскую» теорию интегральной войны с ее терроризацией населения неприятельской страны, вспомним слова второго (после Лазарева) нашего главнокомандующего на Кавказе, князя Цицианова:

«Русские воины имеют за правило бить своего неприятеля когда нужно, но не разорять его, ибо Россияне не умеют, победивши неприятеля, не присоединить его землю к своему государству и, следовательно, собственность свою каждый обязан сохранять».

Если мы эти золотые слова прочтем не телесными, а духовными очами, то поймем весь их вечный смысл. Присоединять неприятельские земли нам не надо (коль скоро они не являются похищенным нашим достоянием) — хватит и духовного присоединения иноземцев к нашей культуре. А это возможно лишь при отсутствии взаимного озлобления, незаживших ран.

Не будучи бесчеловечными к чужим странам, можем ли мы быть зверями в отношении нашей родной матери? Мы должны вести войну, стремясь как можно меньше отягчать, истощать организм страны. Это достигается лишь сохранением на своих местах возможно большего количества специалистов своего дела — все равно, хлебопашцев или железнодорожников, ремесленников или торговцев. Не станем повторять ошибки гипноза полчищами, роковой ошибки 1916 года.

Но для того, чтоб наша армия могла дать все, что она способна дать, ее нужно и применять соответственно. И русская национальная военная доктрина дает тому законы. Это, прежде всего «смотрение на дело в целом» — синтез (которому в иностранных доктринах примерно соответствует «*de quoi s'agit il?*» Верди дю Вернуа, приводимое

Фошем). Затем — *«глазомер, быстрота, натиск»*. Венец же всему — победа — и притом *«победа малой кровью одержанная»*.

* * *

В воспитательном отношении наша доктрина всегда выдвигала религиозное начало и национальную гордость. «Мы — русские, с нами Бог!» — учил Суворов. Поэтому-то его наука и сделалась действительно «Наукой Побеждать». Каждое из ее слов дошло до бесхитростного сердца чудо-богатыря, а все суворовское поучение — одно из самых чистых творений русского гения — величайший памятник православной русской культуры. Для преподавания «Науки Побеждать» в военных училищах надлежит учредить особую кафедру. Преподавать, конечно, без изуверского дословного толкования, но и без еретической «поправки на современные условия» — чтоб правильно усвоенная офицерами, она могла бы правильно быть переданной солдатам.

Затем нашу доктрину характеризует требование сознательного отношения к делу: *«каждый воин понимает свой маневр»*. Проявление частной инициативы на низах — петровское требование: *«не держаться устава яко слепой — стены»* и суворовское: *«местный лучше судит... я вправо — ты видишь, надо влево — меня не слушать»*. Способствование этой инициативы на верхах — румянцовское: *«не входить в подробности, ниже предположения на возможные только случаи, против которых разумный предводитель войск сам знает предосторожности и не связывать рук»*.

И в этом отношении — как и во всех других — единственный способ, единственное Спасение — это возврат на тот путь, с которого нас полтора столетия назад своротили гатчинским вахтпарадным эспонтоном, на путь, указанный нам Петром, Румянцовым и Суворовым.

Текст приводится по изданию: Керсновский А.А. Философия войны. Белград: «Царский вестник», 1939.

А.Л. Мариюшкин

ПОМНИ ВОЙНУ!

Вопросы современной и будущей войны

А.Л.МАРИЮШКИН, полковник, военный писатель. Участник Первой мировой войны. Активно публиковался в русской военной печати. Находясь в рядах Белого движения, пытался наладить выход военно-научной и просветительской литературы. С 1920-го — в эмиграции. Жил в Югославии. Печатался в изданиях Русского Зарубежья. По некоторым сведениям, в 1945 году депортирован в СССР, где позже погиб.

Тем, кто неизменно любит свою Родину и в счастье и в беде.

«Помни войну!» — завет русского адмирала Макарова.

Предлагаемый очерк лишь в общих чертах затрагивает те некоторые вопросы, которые являются следствием великой войны и с которыми неизбежно придется столкнуться в будущем.

Наступит ли это будущее завтра, или придет только через десятки лет — положение от этого нисколько не меняется.

В вопросах войны и мира главнейшее — это постоянная готовность, которая измеряется не только готовностью армии, но и готовностью народа, готовностью всей страны.

Может быть, некоторые из моих мыслей покажутся близкими к увлечению, но в жизни, зачастую, случается так, что увлечение вчера — есть уже действительность сегодня.

Эти мысли оправдывает время и недавно пережитый опыт войны, которая превзошла все ожидания и самую горячую фантазию.

Не претендуя на новые откровения и утверждая, что судьба каждого народа покоится только на мощи его вооруженных сил, я своим очерком преследовал прежде всего цель — пробудить любовь и доверчивое уважение к своей национальной армии.

И если тот, кто прочтет мою книгу, хоть на один момент задумается о судьбе своего Отечества и о судьбе своей армии — я буду считать свою задачу выполненной.

Соблюдением возможной простоты изложения я стремился к тому, чтобы проводимые мысли сделались доступными не только одним специалистам, ибо вопросы войны есть вопросы общей жизни.

I

Мировая война, разразившаяся в 1914 году, повлекла за собой подъем и обогащение одних и ослабление и нищету других Государств.

Победители, собравшись в стильных залах Версаля, перекроили карту Европы. Но события, которые не вкладываются в рамки дипломатических решений, неумолимо и властно свершают свой путь.

Версаль не только не устранил поводов и причин к спорам, но еще более углубил политические противоречия и расхождения и создал в Европе напряженнейшую атмосферу, которую в будущем суждено разрядить, может быть, только мечу.

Война не кончена. Война продолжается... Гражданская борьба в России (как наследие великой войны) против небывалой в мире узурпации,— угрожающая всему миру гражданская война в Китае с участием других народностей Запада и Востока,— события в Африке,— повсеместная вражда политических партий и, наконец, скрытое экономическое и политическое соперничество народов Старого и Нового Света — все это, в сущности, есть только продолжение мировой войны, конец которой скрывается в тумане грядущего и устранить который не в силах никакие конференции, ибо побежденные народы еще не забыли светлых дней своего величия и, конечно, никогда не расстанутся с мечтой о возрождении.

* * *

Почти после каждой войны на Европейском материке, особенно начиная с XVIII века, и в обществе, и литературе и даже в правящих кругах неизменно выдвигались два течения, которые резко расходились между собою во взглядах на вопросы войны и мира.

Первое из этих течений усматривало в войне только бессмысленные ужасы разрушения и носило односторонний характер какой-то несерьезной идиллии. Нагромождая и суммируя факты в известном подборе, апостолы этого течения с присущей им страстностью доказывали, что война есть величайшее зло, противное человеческой природе, и что спорные вопросы между государствами должны разрешаться не столкновениями армий и народов, а путем гуманитарным — созданием международных конференций *на началах особого обязательного кодекса*, который лег бы в основу всякого государственного организма на земле.

Последователи этого направления создавали многообещающие трактаты и проекты, которые сдвигали психику многих миллионов людей.

Семена антимилитаризма бросались всегда щедрой, иногда, может быть, даже искренней горстью, но всходы получались всегда самые неожиданные и уродливые.

Из этих посевов вырастали, впоследствии, разлагающие начала, которые увлекали массы людей, обещая им несбыточный сон золотой.

В мечтах о пацифизме преступно забывались жизненные интересы своей страны,— в результате государство, разъедаемое внутренними партийными несогласиями, дряхлело и в нужный момент не могло проявить того упорства, которое от него требовалось обстоятельствами.

Представители другого течения исходили также из тех же опытов войн, но с неумолимой рассудочностью предостерегали человечество от кабинетных заблуждений. Они опыт всякой войны брали за исходную данную для будущего, стремясь таким путем предотвратить вымирание нации, которая неминуемо погибнет, раз станет на путь сонного равнодушия к опыту прошлого.

Возбуждая в человечестве необходимость национального самосохранения, как следствия силы,— эта категория людей рассматривала войну как неизбежное пока явление и доказывала настоятельную необходимость для каждого государства вооруженной силы, чем, в сущности, и было создано то равновесие, которое предотвратило не один кровавый год.

И заслуга последователей этого трезвого течения именно заключалась в том, что они, перенося опыт прошлого в условия современности и даже в условия будущего, намечали, хотя, может быть, и с недостаточным приближением, те возможности, на которые может рассчитывать человечество, пробуждая, таким образом, в нем творчество и энергию, дабы оно не было застигнуто врасплох накануне тех событий, которые именуется войной.

Они и только они приближали человека к миру, к которому можно именно только приблизиться, а не достичь его абсолютно, ибо мир так же несоизмерим с природой всего, живущего на земле, а в особенности с природой человека, как несоизмерима окружность с ее радиусом.

XX век, как известно, начался большими народными столкновениями и потрясениями и в то же время вновь пробудил безрезультатные попытки о достижении вечного мира.

И как благоразумны те народы, которые, посылая своих представителей на мирные конференции, в то же время с особым вниманием относятся к развитию своих национальных вооруженных сил.

II

Еще в отдаленные времена зачатка человеческой культуры человек кремневого *века* только упорной борьбой и силой своих мускулов добывал себе место и право на существование среди тяжких условий жестокой природы.

Борьбой и силой, примененной более искусно, чем его врагами, он становился собственником пещеры, оспаривая ее у зверя,— борьбой и силой он добывал себе подругу жизни и обеспечивал безопасность потомства.

Впоследствии, группируясь и сплачиваясь в массы и оседая на том или ином клочке завоеванной территории, люди стремятся инстинктивно образовать живую силу, которая обеспечивала бы безопасность их развития и право на жизнь.

С течением веков эти образования у наиболее жизнеупорных и сильных народов приняли форму устойчивой и постоянной организации, которой уделялось повышенное внимание и заботы.

Элементарные средства борьбы, постоянно видоизменяясь и совершенствуясь, со временем обращаются в оружие защиты и нападения, причем опытом и инстинктом человек открывает первый принцип войны, *что лучшее средство защиты — это быть всегда готовым.*

Стремясь в этом вопросе к превосходству над противником, — приемы борьбы соединяются с приемами хитрости. Помимо оружия человек в борьбе мало-помалу начинает применять разум и волю. Таким образом был заложен первый камень искусству в борьбе, где доминирующее место занимала неожиданность или внезапность, — как данная, помимо всего действующая еще и на воображение.

Со временем единоборство выливается в массовые столкновения, которые требуют уже планомерности и системы.

Чтобы успешно нападать и защищаться, надо было превосходить противника или числом, или более подавляющими разрушительными средствами, или гибкостью и стройностью отдельных бойцов, сведенных в массы,— а это последнее требовало не только одиночной тренировки, но и слаженных упражнений уже ратного строя.— Отсюда получилось военное ремесло, а усовершенствования в области борьбы в сочетании с испытанными на опыте приемами в действиях — вылились впоследствии в законченную форму определенных принципов.

Так зарождалось и постепенно совершенствовалось военное искусство, так создавались армии народов и государств...

* * *

Достаточно самого беглого взгляда на историю развития человечества, чтобы установить, что между армией и народом существует строго выраженная, почти математическая зависимость.

Действительно, во все времена вооруженная сила являлась показателем не только племенных, но духовных и культурных особенностей народов.

И в зависимости от того, допускалась ли эта вооруженная сила только как неизбежная терпимая необходимость или, наоборот, составляла ли она предмет высшего внимания и забот — народы или владели культурную нищету и, наконец, сходили со сцены, уступая место другим, или — разворачивали во всю мощь свою жизнеспособность и воздвигали Империи.

«Каждый народ достоин своей истории», каждый народ в самом себе носит залог рабства и беславия, или свободы и величия.

До тех пор, пока заботы об армии, о развитии военного искусства не поглощались меркантильными или социальными запросами, сулившими как будто в ближайшем призрачном благополучии,— эти народы и государства шли впереди истории и несли миру свою культуру.

Но стоило только уклониться в сторону, как незаметно намечался путь заката и упадка.

Могущественная Персия, Вавилон, богатое царство Инков, Карфаген, гордый Рим и золотая Греция, все прошли по этому пути и на своей судьбе засвидетельствовали, что пренебрежение военным искусством никому не проходит даром.

Война — жесточайший акт в природе человека, но средством противнее, к сожалению, может быть только *война*, ибо это есть явление неизбежное от начала мира и до конца.

Было бы ошибкой прославлять войну как благодетельное явление в жизни народов, но еще большей ошибкой будет — считать ее устарелым пережитком, который в будущем не повторится.

История развития народов и государств, начиная с незапамятных времен, есть, в сущности, сплошная история борьбы.

Являя собой как бы разрушительные начала,— война, по существу, по непреложному закону для нашей планеты, где жизнь есть только борьба и соревнование достижений,— является в то же время и главнейшим актом созидательного, творческого начала.

Можно с уверенностью сказать, что пройдут еще целые тысячелетия, прежде чем воцарится абсолютный мир на земле.

Осуществление этой теории возможно лишь: или воцарением на всем земном шаре одного народа, который мечом и огнем сотрет все другие народности и тем вытравит племенные и национальные особенности других, или торжеством христианской морали, которая объединит все человечество в «едино стадо с Единым Пастырем».

Но пока, невзирая на бесконечный ряд веков своего существования, человек еще не приблизился к реальному разрешению великих задач мира, а пока еще по данным статистики на 13 лет войны приходится только один год мира.

Последняя мировая война развернула страшную картину, — но она в то же время подтвердила,— что все, чего достиг человек в области прикладных знаний, — большей частью вызвано войной, все добыто только для войны.

Стратегия и тактика кроме политики приобрели теперь страшных союзников в лице — механики и химии.

И трудно представить, в какую форму выльются в будущем вооруженные столкновения народов.

Хотя не следует упускать из виду, что — всякое действие вызывает противодействие,— и что бы ни изобрел пылливый человеческий гений одной страны, другая страна найдет противодействующую. Так было, так есть, так будет. В этом закон равнодействий.

Теории о международном конгрессе для урегулирования спорных вопросов между враждующими сторонами есть или продукт кабинетных измышлений или просто — наивное заблуждение, если, конечно, за ними не скрывается сознательный умысел.

Каждому по опыту истории известно, во что обошлись людям вообще теории и откровения кабинетных апостолов.

Убедительный и свежий пример — Россия, послужившая опытным полем для марксизма.

Разрешая в кабинетах академически вопросы о вечном мире, теоретики упускают из вида одно незначительное обстоятельство. Раз имеется на лицо объект спора, а он будет всегда, то какие бы решения ни принимались международными Конгрессами, абсолютное удовлетворение все же недостижимо.

Чье-нибудь право да пострадает, чьи-нибудь интересы да будут нарушены. Заставить подчиниться этому решению может только сила, которая всегда была и останется единственным регулятором международных взаимоотношений.

Сила — это безусловное и естественное право народов на развитие и существование.

Знаменательно, что пацифисты, сторонники вечного мира, выступали со своей проповедью как раз в периоды, когда их отечество достигало высокого материального благополучия, после которого являлась только забота удержаться в равновесии.

Выброшенная французскими пацифистами при Короле-Солнце (когда Франции принадлежала гегемония в Европе) — идея о вечном мире, однако нигде не нашла отклика, и понятно почему.

Миролюбивые тенденции извлекались из архивов забвенья, где они покоятся многие тысячелетия, почти всегда после больших и кровопролитных войн,— доказательство, что в этих случаях инициатива никогда не исходила от побежденных.

Можно утверждать без ошибки, что современная Англия, а может быть и Франция, ничего бы не возражали против вечного мира теперь, но можно также без ошибки утверждать, что не так на это смотрит Германия.

Притом, если бы вопрос дошел до расчленения колоний или дарования им политической независимости и территориальной неприкосновенности,— то Англия первая бы заговорила языком пушек.

Современная политика большинства Европейских государств есть только стремление удержаться в достигнутом равновесии какой бы ни было ценой и в то же время это есть *политика накапливания волевой энергии и механической силы.*

Здоровые народы никогда не станут на путь мягкотелой проповеди мира, ибо они чувствуют свою силу и знают цену себе, ибо они понимают и учитывают, что еще на долгие века удержатся племенные и религиозные особенности народов, что климатические и земные богатства разбросаны на нашей планете не равномерно, что «только меч может удержать меч в ножнах» и что, наконец, единственная гарантия не быть раздавленным и стертым — это быть самому сильным, чтобы устоять против внешнего давления и внутреннего взрыва.

Опыт России многому научил, и не только Европу. В то время, когда во внутренней политике государств еще удержалась партийность, *политика внешняя* становится все более и более *национальной.*

И в этом есть великое предзнаменование. В этом безотчетно проявляется жажда жизни, *которая обеспечена тому, кто сильнее* и жизнеупорней, ибо интернационализм есть смерть государственности, вне которой и нет ни народных достижений, ни даже самого народа.

Народы, которым суждено в будущем идти впереди, а не влачить жалкое прозябание — учитывая уроки прошлого и предвидя будущее,— всегда будут ставить первой своей заботой — заботу об армии, помня, что величие государства измеряется только мощностью армии.

В 1806 году Наполеон, разбив Пруссию, ставит ей непременным условием — ограничение армии.

Маленькая Пруссия, выросшая, впоследствии, в могущественную Германию, понимая, что только армия может снова возродить и поднять ее, напрягает все усилия, чтобы не только удержать, но и увеличить состав своих вооруженных сил в скрытом виде, путем остроумной комбинации.

Будущее показало, насколько Пруссия была права.

Другим примером может являться Япония, которая не щадила никаких средств на армию и где военное министерство встречало всегда полную поддержку у народа, раз вопрос касался армии.

Все испрашиваемые министерством кредиты — никогда не встречали нападок и истерических воплей, как это было в России, ибо народ знал, чего он хотел.

Народ знал, что только армия выведет страну на путь первоклассных держав и оправдает все издержки.

Великие государства современности, несмотря на пережитые ужасы войны, с особой чуткостью относятся к вопросам армии и ревниво оберегают ее от всего, что может внести разложение.

Современная Германия, прижатая к необходимости сократить свою армию, переживает вторично 1806 год.

Еще задолго до великой Европейской войны эта Германия устами одного из популярнейших своих авторитетов, Бернгарди, говорила следующее: «Мы должны отложить в сторону все другие соображения и с крайним напряжением энергии готовиться к неизбежной войне».

«Следует твердо помнить, что нам не миновать войны за наше положение в мире. Важно не отлагать войну, а начать ее в наиболее *выгодных для нас условиях*».

Это говорила Германия XX века, которая знала действительную цену миролюбивой идеологии.

И весь народ, воспитанный в духе высокого патриотизма, разделял эту точку зрения. Не было ни одного возражения, потому, что это было жизненно и логически неизбежно.

Отсюда понятно, почему Германия выступила на войну 1914 года во всеоружии, вплоть до программы милитаризации промышленности и четыре года боролась против держав всего мира.

И если она недооценила *выгодных условий*, то она сделает все, чтобы в будущем эти условия действительно были бы выгодными.

И она дождется.

Поставленная минувшей войной на колени, она еще не сошла с исторической арены. Остался еще народ, который не так-то легко вычеркнуть из истории.

Подтверждение этому мы находим в речи Штреземана, произнесенной им на конгрессе немцев в августе 1925 года:

«Могущество Германии,— говорит Штреземан,— будет восстановлено. Мы, немцы, поставили себе девизом: “во что бы то ни стало!” Германия будущего вновь обретет и колонии и море!»

И это несомненно будет, ибо Германия этого упорно хочет. А кто умеет упорно хотеть, тот достигает.

Поднимется и Россия со своего операционного стола, на который ее уложили соединенные усилия друзей и врагов,— *ибо славянская народность далеко еще не сказала своего последнего слова*, а господствующее положение среди славянства все же принадлежит России, силы которой еще ждут своего времени.

Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что будущее только за большими государствами, что современная мозаичная карта мира, а особенно Европы, претерпит длинный ряд видоизменений и что современные образования, возникшие после войны 1914–1918 года, есть не более как очередной и притом недолговечный эпизод истории.

Повторяю, будущее принадлежит только сильным государствам,— причем можно утверждать, что государства будущего, эволюционируя, будут складываться только этнографически, по племенам.

Что же касается таких искусственных признаков, как самоопределение мелких народностей, то эти признаки, как всякое модное увлечение, не только не долговечны, но и не мудры.

Заслуживает, между прочим, внимания то обстоятельство, что Вильсоновская затея о самоопределении коснулась только России,— другие государства, как напр. Англия, владеющая многими народами, нашли однако эту теорию для себя неприемлемой...

Политическая карта будущего будет иметь не много красок, именно по числу племен, а может быть даже и рас.

Но чтобы мир дошел до этого естественного образования, земля переживет еще не одну войну, и еще увидит не одно великое потрясение народов. Пробуждающийся Китай, где ненависть к белым возведена в культ, есть, к сожалению, далеко не фантазия, а неотвратимая и притом жуткая действительность будущего, которая может застать близорукую и раздробленную Европу в полной неожиданности.

В то время, когда Европейская дипломатия занимается пережевыванием вопросов о разоружении,— на Востоке ведется отчаянная пропаганда вооруженного похода против Западной культуры вообще и белых народов в частности.

* * *

В общем, если народ и государство хотят жить — они обязаны иметь мощную армию, которая должна составлять предмет всех забот и вожделений, как бы это дорого ни стоило и чего бы это ни стоило.

Только армия сохранит жизненность народа, приблизит человека к миру и предупредит от катастроф.

Армия для государства, это то же, что здоровье для человека.

Отнимите у государства армию, и оно повергнется в беспросветные сумерки и будни, погрузится сначала в сонную инертность, а затем и в неизбежное вырождение...

Но значит, на земле никогда не кончится соперничанье между народами,— иметь свою армию более сильной, более могучей. Значит, никогда не кончатся соревнования государств в создании более усовершенствованных машин и способов разрушения и уничтожения? Значит, никогда не кончится это напряжение и экономическое и моральное?

Да, никогда, или, во всяком случае, очень не скоро, когда и в природе человека и во взаимоотношениях людей, путем эволюции, произойдет потрясающий сдвиг, которому будут предшествовать бесконечные войны за право жизни.

В вопросе ослабления народного экономического напряжения — на развитие и содержание своей армии нельзя смешивать двух разных понятий, а именно: *ограничения* вооружения народов и *полного разоружения всех*.

В то время, когда полное разоружение безусловно только утопично,— ограничение и желательно, а, может быть, со временем и достижимо.

Но пока этого не случилось, народ, который хочет жить и развиваться свободно, а не вырождаться в рабстве, народ, который хочет сделать детей своих сильными и счастливыми, народ, который хочет, наконец, мира и дорожит заветами своей страны — должен железом и огнем начертать в своих сердцах бессмертный девиз: «Помни войну!»

III

Одним из важнейших достижений человека в области международных отношений является создание, так называемого, принципа политического равновесия.

Уже осуществлением этого принципа один из важнейших актов в жизни народов, а именно война, признавался актом жестокости, который если и неизбежен, то во всяком случае еще не знаменует собой права.

Таким образом война как бы перенеслась из области феодального каприза в область международной или же государственной необходимости.

Путем образования коалиций и союзов устранялся элемент средневекового произвола и слабейший получал гарантию неприкосновенности своих прав от покушений наиболее сильного.

Действительно, поводы и причины войн последних столетий не были так внезапны и легковесны.

Вероятный противник того или другого государства мог быть предугадан и определен заранее на основании исторических или экономических выводов, а следовательно, имелась возможность обезопасить или уравновесить себя соответственным союзом.

Но принципы политического равновесия, преследующие, главным образом, цели территориальной неприкосновенности, далеко еще не являются регулятором мира.

Войны, может быть, стали реже, но зато приняли более кровопролитный, истребительный характер. Столкновения двух соперников, за немногими исключениями, претворились в войны народов, с неизбежным последствием гегемонии одного из участников.

Будущая же война — есть бесспорно война коалиций — война большой крови и ужасов, падений и восхождений.

Уже и теперь государства Европы, как бы страхуя себя на будущее время, стремятся обеспечить себя союзами против своих же соседей.

Последняя мировая война во всей полноте показала, что современные большие войны есть, в сущности, столкновения народностей, связанных между собой договорными началами. И действительно, в настоящее время интересы государств настолько тесно переплетены между собою, что невозможно даже представить себе, чтобы в вопросах спора между собой двух держав остальные державы оставались бы равнодушными.

В этой и только в этой области следует искать и причины столкновений.

И эти причины отнюдь не возникают вдруг, они существуют всегда или во всяком случае — задолго. Сараевское действие 1914 года было только поводом к мировой войне, действительные же причины существовали давно.

Столкновения между такими соперниками, как Англия и Германия, рано или поздно, а были неминуемы.

Было бы наивно думать, что Версальский мир устранил эти причины. Скорей наоборот, он создал еще новые, которые ожидают своего времени.

Можно с уверенностью утверждать, что *подготовка к будущей войне планомерно и методически ведется везде*. Везде налицо имеются армии, имеются планы мобилизации, сосредоточения и развертывания. Везде содержатся запасы оружия и припасов. Везде ведется подготовка и развитие своих сил и средств: возникают новые заводы, прокладываются новые пути...

При наличии всех дипломатических комбинаций, при наличии так называемых «добрососедских отношений» каждое государство, тем не менее, наводняет страну своего соседа целой сетью неуловимых агентов.

Под видом купцов, промышленников, туристов и проч. эти агенты получают самые разнообразные задачи и проникают в самые сокровеннейшие детали жизни, не останавливаясь ни перед переменной подданства, ни религии. И это знают все. Напрасно думают, что работа агентуры сводится только к простому наблюдению.

Попутно с изучением сил и средств своего противника, агентура, насколько возможно, старается использовать партийные несогласия страны, путем пропаганды и тайной поддержки антиправительственных партий, а особенно перед войной, в так называемые минуты политического кризиса. Естественно, чем партийная рознь будет обостренной, чем больше будет возможностей для междуусобиц, тем противник будет слабей.

Не надо упускать из вида, что шпионаж и предательство почти неотделимы.

Высшего же напряжения работа шпионажа достигает тогда, когда политика передает судьбу государства в руки стратегии, когда армии введены в дело.

При условии дальнейшего роста техники трудно даже примерно учесть — в какие формы выльется активная работа вражеской агентуры.

Уже с началом мобилизации возможно ожидать, что через головы армии понесутся волны шифрованных депеш, надежно укрытого беспроволочного телеграфа; засверкают незримо световые и электрические сигналы; полетят голуби; произойдет не одно крушение поездов и аэропланов. Участьются несчастные случаи пожаров и взрывов важнейших мостов, станций, заводов, фабрик и складов, подобно тому, как это имело место в Казани в 1917 году. Антиправительственная пропаганда зальет всю страну. Многие фабрики и заводы откажутся работать по «экономическим» и другим причинам. Будут попытки железнодорожных и заводских стачек и забастовок.

Железнодорожные графики будут неожиданно нарушаться; составы будут приходить не с тем грузом, который ожидается и в котором чувствуется острая нужда.

В тылу возможно ожидать самого сдержанного отношения к успехам и преувеличенного к неудачам.

Какая-то неуловимая рука будет создавать мрачную атмосферу, которая будет все дальше и дальше отчуждать тыл от армии. Появятся неведомые болезни. Вспыхнут эпидемии и перебьются на фронт.

Появится злостная беспощадная критика, которая будет с изумительной быстротой и вкрадчивостью переползать из дома в дом, из города в город.

Доверие и уважение к авторитетам будут слабеть, недоверие — увеличиваться. Разовьется спекуляция.

Неизбежные лишения создадут почву для недовольства. Недовольство рождает ропот.

И горе тому народу, той стратегии и политике, которая prospit и заранее не примет мер против этих неизбежных «случайностей».

* * *

В вопросе подготовки сторон к войне громадная роль, как известно, выпадает на долю печати.

Значение и роль печати даже самой лояльной, но не свободной от сенсационной болтливости, прекрасно учитывал Наполеон. Задумав знаменитый марш-маневр в 1809 году против союзных войск, сосредоточенных под Ульмом (на Дунае) под начальством Мака, — Наполеон прежде всего пишет в Париж: «запретите газетам писать».

Только таким путем, не боясь никакой травли и так называемого суда пресловутой общественности, ему удалось скрыть свои намерения в тайне и заставить капитулировать Мака.

Русские газеты и в Русско-Японскую, и в Германскую и особенно в гражданскую войну являли собой сплошную дислокацию, перечисляя списки павших на полях сражений и давая «военные обзоры» дешевых стратегов тыла, зачастую не только никому не нужных, но и заведомо вредных.

В период войны государство имеет право потребовать от тыла доверия и дисциплины.

Слова «молчите о фронте» в период войны должны быть приведены в жизнь с неумолимой жестокостью и настойчивостью.

Наряду с прессой следует поставить и кинематограф — это страшное орудие вкрадчивой пропаганды, которое за сравнительно короткий срок успело незаметно создать буквально разгром морального авторитета семьи и школы.

Стоит только удивляться, что это величайшее из изобретений до сих пор нигде не сделалось достоянием государственности, а отдано в руки далеко не всегда безупречной частной эксплуатации.

Замечательно, что на защиту детской нравственности против разлагающей кинопропаганды первой выступила Турция, воспретив законом 1927 года посещение кинематографа молодежью до 18-тилетнего возраста.

* * *

В период, предшествующий войне, большую роль, как известно, играет биржа, ибо война требует денег и веры в кредитоспособность.

Являясь мощной анонимной организацией и держа крепко в своих руках финансовую судьбу государств, биржа, прикрываясь флагом нейтральности, повергает в прах не одну страну и нарушает стройность многих политических комбинаций.

Многие предприятия часто вынуждены бывают остановиться. Происходит неожиданное банкротство самых солидных фирм. И даже самые коалиции в решительный момент терпят неожиданные видоизменения. Союзные договоры нарушаются; политические и стратегические расчеты теряют ценность, и война, зачастую, начинается с полным нарушением всех планов, составленных в мирное время.

Подорвать в народе уважение к финансам своего государства, подорвать веру в платежеспособность за границей — это такие большие козыри, с которыми можно играть почти наверняка.

Внутренний заем, дававший ранее выход правительствам,— в будущем долго не будет иметь успеха, из боязни возможных экспериментов, имевших место в России и разоривших не одну патриотическую семью...

* * *

В то время, когда агентура, печать, пропаганда и проч., идя рука об руку, с неослабным напряжением планомерно и неуловимо развивают свою деятельность,— в тиши кабинетов и лабораторий каждого государства совершается незримая никому работа по истреблению человечества.

Химия обогащается открытиями новых смертоносных газов и сильно взрывчатых веществ, причем громадная доля внимания уделяется сжато воздуху, над чем работают упорно лучшие лаборатории мира.

Оптика работает над применением для целей войны еще неисследованных лучей.

Бактериология занята культурой «бесконечно малых», которые, возможно, будут переноситься в неприятельский стан орудийными снарядами и аэропланными бомбами и, заражая воздух, явятся источником массовых заболеваний. Опыты применения бактериологии для целей войны уже не раз были установлены печатью.

Механика и баллистика изобретают способы переброски на большие расстояния снарядов страшной разрушительной силы.

Сотни ученых заняты разрешением вопроса о маскировке и защитном цвете для людей и предметов. И когда-нибудь сказки о невидимке и фантастические невозможности в духе Жюль Верна и Уэльса приблизятся к действительности.

В последнюю войну делались опыты с глушителями, чтобы ослабить звук выстрела.

Опыты дали скромные результаты, но в будущем в этой области можно ожидать больших успехов, ибо создать орудие беззвучным стоит того, чтобы над этим вопросом поработать.

Принимая во внимание современные оптические приборы для стрельбы, позволяющие стрелять с закрытых позиций,— беззвучность выстрела, хотя бы и относительная, откроет новую эру в тактике артиллерии, которой в будущем принадлежит бесспорно решающая роль на полях сражений.

Но попутно с разработкой идеи беззвучности орудийных выстрелов, будущее несомненно обогатится еще и приборами, которые позволят почти с математической точностью определять места неприятельских батарей.

Применяемая в минувшей войне аэрофотография уже положила начало в этом направлении.

Учитывая все сказанное о подготовительной работе, целесообразней согласиться, что войны будущего будут отличаться вообще большой жестокостью и сопровождаться большими потерями.

К сожалению, это так. Ибо войны уже последнего столетия по своим потерям были ужасающи по сравнению с войнами прежних веков; а минувшая война союзников против Германской коалиции превзошла по цифре потерь всю наполеоновскую эпоху.

Одно только может служить утешением, что будущие столкновения будут редки и скоротечны, они не могут быть физически продолжительны; хотя последствиями их могут явиться неизбежные всякого рода экономические и социальные опыты и перевороты, которые отсрочат время умиротворения и строительства многих государств.

Следует, однако, оговориться, что на продолжительность войны, влияет еще волевая упругость нации, а процент потерь зависит еще и от упорства сторон в бою.

* * *

В вопросе борьбы и уничтожения народов, казалось бы, существенное значение будет принадлежать сдерживающему гуманитарному началу вроде международных конференций, как наприм.: Гаагская, Женевская, Лига Наций, Вашингтонская, Локарнская и проч., которые целым рядом ограничений могли бы сделать войну по допустимости средств более гуманной, ибо устранить поводы и причины самой войны не в силах никакие ограничения.

Можно с уверенностью сказать, что такие конференции будут собираться еще не раз, будет опубликован не один сантиментальный кодекс войны, но в решительный момент, когда будет решаться вопрос жизни и смерти народов, все это в оценке соперников будет иметь значение «идеологии» в пренебрежительном Наполеоновском смысле.

Кто явится контролирующим регулятором между воюющими, когда, может быть, все страны будут объаты пламенем войны или по крайней мере в ней заинтересованы?

Всем памятно,— во что обратились платонические протесты международных гуманитарных организаций против разрывных пуль, удушливых газов и проч.

Все международные конференции, особенно современные, проникнуты, может быть, самыми лучшими намерениями; они безупречны со стороны внешней корректности, отсюда исходят красивые слова о всеобщем милосердии, о доверии, о праве и свободе всех народов и проч. и проч., но им недостает самого малого, а именно — искренности.

Замечательно характерно, что в то время, когда на Вашингтонской конференции (1922 г.) обсуждались вопросы об ограничении вооруженных сил, все страны мира одновременно работали именно в обратном направлении, стремясь во что бы то ни стало достичь и технического и тактического перевеса своих вооруженных сил. Франция в это время выпустила новое наставление для боя. Англия вооружала воздухоплавательный аппарат типа истребителя — артиллерией.

Америка увеличивала число пулеметов на аэроплане и создала новую пушку.

Но в то время, когда изобретаются и разрабатываются орудия и средства для уничтожения,— в каждой стране почти одновременно и притом с одинаковым напряжением несомненно ведется работа и по ослаблению губительного начала каждого из опытов, каждого из открытий. Уже брошена мысль о т.н. массовой маске против удушливых газов путем химического или механического обезвреживания целых районов. В Германии на фабрике химических продуктов в Галле открыт, напр., — новый газ, нейтрализующий все до сих пор известные газы.

* * *

Учитывая ту роль, которая принадлежит людям науки в современной и особенно в будущей войне, необходимо еще в мирное время, при разработке мобилизационных планов,

предусмотреть мобилизацию ученых сил различных специальностей (химиков, инженеров, техников, врачей, фармацевтов и проч.).

Мобилизация и учет этих сил, как равно и мобилизация государственной промышленности — это настолько серьезные вопросы, что пренебрегать ими не только легкомысленно, но и преступно. Помимо этого правительства должны время от времени объявлять конкурсы на новые открытия и изобретения в области различных знаний, дабы возможно полнее обеспечить свою армию всем, что может быть полезным на войне. Нет необходимости, конечно, каждым новым средством обременять армию, но иметь это, уже испытанное средство в виду, чтобы выбросить его в крайнюю минуту — существенно необходимо.

IV

Как показал опыт последней великой войны (1914–1918 гг.) главнейшим из средств, которым будут пользоваться стороны в войне будущего, это сюрпризы техники в самом обширном ее толковании.

Будущую войну можно рассматривать как соревнование технических богатств, накопленных в период мира. Техника — это бесспорная королева будущих сражений.

Первые и важнейшие усовершенствования безусловно падут на долю артиллерии, как одну из важнейших отраслей техники.

Наряду с мощностью и разрушительностью, артиллерия, благодаря видоизменениям в области взрывчатых веществ, может быть, приобретет еще большую дальность, а с ней и большую разрушительность.

Причем наиболее вероятным типом орудия, по-видимому, будет автоматическая пушка, позволяющая выбрасывать снаряды со скоростью, во много раз превосходящую теперешнюю скорость. Во Франции уже имеется переносная пушка, предназначенная для пехоты, весом в 36 кг, калибр 60 см, стреляющая со скоростью до 40 выстрелов в минуту.

Если еще теперь все армии стремятся иметь разнокалиберную полевую артиллерию соответственно разным задачам, выпадающим на ее долю, то возможно допустить, что мечта будущего — это однотипная универсальная пушка, позволяющая с одинаковым успехом выполнять все задачи и поражать все цели.

С.-Американские С. Ш. в настоящее время остановили свое внимание на новом типе полевого орудия — калибр. 7,5 см с дальностью на 14 км, с круговым обстрелом и с лафетом, приспособленным и для пушки и для гаубицы. Орудие может быть использовано в любую минуту как и противозащитное.

Разрушительность и сила какого-нибудь нового взрывчатого вещества вроде экстрактированного «иприта», может быть, вытеснит тяжелый тип дорогостоящих орудий и

снарядов, по крайней мере в полевой артиллерии. Эта же сила позволит регулировать дальность и известным соотношением состава чередовать ее от предельных больших до предельных малых расстояний, но эти вопросы пока еще не так скорого будущего.

Стремление увеличить подвижность и маневренную способность уже приводит к необходимости освободиться от лошади и снабдить орудия и зарядные ящики механическими двигателями.

Повторяю,— решающим родом войск, по крайней мере в позиционной войне, бесспорно, будет артиллерия.

Уже минувшая война дала много примеров, когда исход боя решался одной артиллерией.

Во время июльского наступления германцев в 1915 году немцы, наметив участок для прорыва на фронте 1 Русской армии в районе Цеханова, сосредоточили массу артиллерии против 1 Туркестанского корпуса. Обстрел был настолько внезапен и интенсивен, что в течение нескольких часов наши позиции, которые создавались месяцами, были буквально сровнены с землей, а защитники или уничтожены или были деморализованы и загнаны в убежища. Ни вывести людей, ни подвести резервов возможности не представлялось, и неприятельская пехота заняла наши окопы почти без выстрела.

Это был год, когда русская артиллерия переживала снарядный кризис.

Второй пример.

Зимой 1916 и 1917 года наш III Армейский корпус в составе 5 стрелковой и 73 дивизий занимал, так называемый, Червищенский плацдарм, на левом берегу Стохода, на Ковельском направлении.

На укрепление позиции потребовалось громадное напряжение средств и усилий.

Из маленьких штабов в штаб 3 армии посылались донесения, запросы и проекты. Штабом 100 пех. дивизии, например, указывалось на нецелесообразность занятия этого уединенного оазиса, с которым сообщение происходило по 11 мостам. Надо было или переходить в наступление пока стояла зима и были тверды дороги или заблаговременно отойти на правый берег Стохода, ибо с началом весны и разлитием Стохода связь с плацдармом почти прекращалась.

Ответ из штаба армии получался всегда стереотипный и не чуждый раздражения — держаться во что бы то ни стало и укреплять.

В результате было нарыто столько укреплений, что части, занимавшие позицию месяцами, путались в собственных окопах и проволоке.

К весне на плацдарме образовали интендантский и артиллерийский склады и перетащили даже баллоны с удушливыми газами.

В конце марта, когда лед стоял и Стоход тронулся, немцы вдруг обрушились артиллерией и одновременно с ужасающим обстрелом плацдарма завесным огнем перебили все мосты. К полудню две русских дивизии перестали существовать.

Ни один человек не спасся, кроме правофланговых частей, отведенных под огнем, заранее, по инициативе частных начальников. Участь Червищенского плацдарма решила артиллерия. Третий пример из гражданской войны Крымского периода. Когда части II арм. корпуса на Тюпджанкойской позиции — 28-го октября 1920 г. почти при полном отсутствии пехоты только одной артиллерией (12 полев. орудий) отбили наступление красных, не допустив их ближе 1½ — 2 верст. Красная дивизия в короткий промежуток времени буквально была сметена.

Это был убой, который так же был величествен, как и жуток. Подобных примеров можно привести бесчисленное множество... Особенно ими богат Западный фронт, где союзники своим успехом в 1918 году обязаны именно превосходству в артиллерии.

Но какие бы видоизменения и усовершенствования ни претерпевала техника, какие бы орудия и средства борьбы ни изобрел человеческий разум — важнейшим элементом все же был, есть и останется человек с его плотью и психикой.

Сам по себе уже объект войны будет все-таки человек.

Он будет руководить действиями машины, будет определять момент, когда надо пустить в ход то или иное средство, он будет заменять машину, когда она откажет, — он, а не машина, будет решать участь столкновений.

Этого ни на один момент не должно забывать ни одно государство. Вот почему культура человека, культура его воли, духа и ума должны составлять важнейшую заботу, превыше всех культур.

Будущий человек должен быть существом крепких нервов, сильной воли и самоотверженного патриотизма. Вне этого не может быть армии.

Инстинкт самосохранения свойствен всему живущему. Страх смерти и боязнь болезненных ранений могут быть ослаблены лишь соответственной и упорной культурой человеческого духа...

* * *

В настоящий век, век торжества техники и переоценки всех ценностей, все чаще и чаще останавливает на себе внимание вопрос о тех началах или принципах, на которых создается надежная армия, а в частности вопрос о всеобщей воинской повинности.

Действительно ли всеобщая воинская повинность является совершеннейшей и непреложной системой комплектования армии?

Печальный пример России в 1917 и 1918 году (да и не только России), когда народная армия, комплектуемая на началах всеобщей воинской повинности, отказалась продолжать войну и повиноваться своим вождям, — есть беспримерный случай в истории народов, и этот случай наводит на большие размышления.

Действительно, ни армии Аннибала и Цезаря, ни армия Фридриха Великого, ни армии Наполеона и Суворова, комплектуемые по иной системе, никогда не давали таких ужасных примеров.

Правда, в 1918 году и Россия и Русская армия переживали дни тяжелых политических испытаний, но это не может служить оправданием.

И у Суворова, и у Наполеона, а особенно у Фридриха Великого были еще более тяжелые дни, когда, казалось, все было потеряно, а между тем ни одна из этих армий не заклемила себя позором, а ведь инстинкт самосохранения был одинаково свойствен человеку во все времена.

Оставляя в стороне все другие причины крушения могущества Российского, надо все же иметь мужество признаться, что в несчастиях России виновата отчасти и ее народная армия.

Отсюда понятно, что, значит, в системе всеобщей воинской повинности есть какой-то существенный непредусмотренный минус. И многие специалисты, учитывая опыт мировой войны, в настоящее время очень заняты этим существенным вопросом.

Здесь мы сталкиваемся с двумя крупными противоречиями: с одной стороны — отказаться от всеобщей воинской повинности — значит, как будто бы не доверять своему народу, а с другой — роковой 1917 год из истории все же не вычеркнешь.

Примирить эти противоречия и подробно останавливаться на этом вопросе — не входит в нашу задачу.

Полагаю, что равнодействующей в данном случае является — образование долгосрочных, хорошо обставленных и безукоризненно надежных кадров, особенно же командного состава, для которых казарма должна явиться второй семьей, как это и было в XVIII и XIX веке, когда военная история не знала примеров неповиновения своим вождям и продажи своему противнику вооружения, снаряжения и чести.

Может быть, будущая техника, которая всегда стремилась машиной заменить людей, приведет к тому, что в миллионных армиях не будет больше надобности?

Может быть, само воспитание Русского народа, давшего к концу войны неустойчивую армию, было уродливо?

Повторяю — эти вопросы, невзирая на их жгучесть, — составляют предмет более детальных изысканий.

Опыты всех минувших войн в одинаковой мере подтверждают то громадное значение, которое в жизни армий принадлежит командному составу.

Если дисциплина есть — душа армии, то командный состав, по справедливости, может быть назван ее сердцем.

Вот почему все антигосударственные партии при всех попытках внутреннего переворота старались прежде всего внести раскол между солдатом и офицером и подорвать его авторитет. Вот почему и Французская и Русская революции первой своей целью ставили неистовое истребление старого командного состава, выросшего на традициях государственности, усматривая в нем опасную силу.

Боевая упругость армий, помимо ее подготовки и материальной обеспеченности — целиком зависит от командного состава.

Учитывая это, все государства должны с особой чуткостью и бережливостью относиться к командному составу своих армий, ставя его еще в мирное время в привилегированные условия, дабы иметь право предъявить к нему повышенные требования во время войны.

Русский офицер в войну 1914–1918 года явил собой светлый образ мученика за Родину и дал беспримерный героизм, но будет вполне справедливым оговориться, что в мирное время он далеко не пользовался тем вниманием — на которое имел бесспорное право.

Жизнь массового армейского офицерства была всегда полуголодным переползанием из года в год.

И как неосмотрительно и легкомысленно было эту самую надежнейшую из ценностей растратить так непроизводительно в первые месяцы войны, когда легло более 75 процентов лучшего офицерского состава.

Его уже не мог заменить тот суррогат, зачастую, буквально безграмотного прапорщика, который наскоро фабриковался во время войны.

Будущая армия не повторит этих непоправимых ошибок; она будет иметь резерв офицеров и унтер-офицеров, который будет расходоваться осторожно, ибо офицер создается годами, традициями веков и стоит государству дорого.

Будущая армия должна до конца войны также иметь нетронутый резерв отборных частей, который не должен расходоваться ни при каких обстоятельствах и являть собой до конца гарантию против внутренних и внешних событий, которые влекут за собой страшные последствия.

Имей такие резервы Россия и Германия в последнюю войну, — они бы уцелели от тех потрясений, которые разрушили их троны.

Наполеон не позволил растаять своей гвардии под Бородино, невзирая на неумолимые требования обстановки, и если бы под Ватерлоо он проявил ту же твердость и не погубил бы свою старую гвардию, — как знать, — может быть, его красивые сто дней обратились бы в династию, которая дожила бы до наших дней.

* * *

Развитие техники и усовершенствование средств борьбы во многом, конечно, изменят способы и приемы действий на войне.

Но как в доисторические времена, как и теперь, так и в будущем все столкновения будут сводиться к защите и нападению, т.е. к *обороне и наступлению*.

Защита своих границ и обеспечение своей территории от вторжения неприятеля в будущем станет предметом еще более острой необходимости, а благодаря высокой технике, которая, главным образом, найдет применение на позициях, позиционный период войн станет наиболее упорным.

Помимо огня, ядовитых газов, усовершенствованных танков, бронепоездов, бронемобилей, жидкости и потрясающих воображение минометов — здесь получит самое широкое применение электричество и пока еще неведомые приборы оптики.

Как защитник, так и нападающий, чтобы уменьшить потери, может быть, уйдет глубоко в землю.

Железо и бетон станут не только неотъемлемой принадлежностью полевой войны, но и найдут широкое применение в условиях еще мирной обстановки, как обеспечение важнейших пунктов.

Прорыв фронта нередко будет находиться, может быть, в зависимости от успеха подземной войны, которая в будущем составит предмет большого внимания.

Но невзирая на новые приемы борьбы, которые обогатят тактику и стратегию, — все же принципы военного искусства останутся неизменными. Всегда сильный качественно и наиболее умелый будет бить слабейшего в этом отношении; всегда и на театре войны и на полях сражений будут решительные пункты, удар по которым в решительную минуту будет определять участь сражений; внезапность никогда не потеряет своего значения.

Может быть, будут открыты новые принципы, новые законы войны, но то, что положено в основу военного дела великими мастерами мира — навсегда останется непреложным.

Этого также никогда не следует забывать ни на одну минуту.

Отправной данной для каждого полководца и для каждого реформатора должна быть аксиома, *что пренебрежение принципами военного искусства никому и никогда не проходило даром*. За это расплачиваются не только большой кровью, но и большими потрясениями.

Минувшая война богата примерами, когда принципы ратного дела не только нарушались, но ими явно пренебрегали, но это достояние истории...

В период же гражданской войны в России бесценные заветы великих полководцев нарушались сплошь и рядом с обеих сторон, ибо судьба сражений, зачастую, находилась в руках случайных выскочек, а не людей опыта и знаний.

* * *

Как и теперь, наступление будет преобладать над обороной при известном, конечно, соотношении сил и средств. И маневру, как средству боя, будет принадлежать решающая роль.

Верх искусства заключается в том, чтобы закончить кампанию в кратчайший срок только маневренными боями, не допуская до затяжной позиционной войны.

Но если позиционная война требует машины и затем уже людей, то маневр прежде всего требует человека, обученного и втянутого.

Успех маневра зиждется на быстроте, почему необходимо подвижность живой силы довести до предела, освободив эту живую силу от всего, что идет в ущерб быстроте. Армия прежде всего должна быть подвижна, почему солдат будущих армий для успеха действий должен быть освобожден от обременительного ранца. В бою ему нужен минимум: патроны, лопата, вода с вином, маска, бинт и галеты на суточную потребность или питательный экстракт.

Для ослабления ранений, особенно тяжелых в живот, солдату надо дать непроницаемый панцирь, легкий и не стесняющий движений.

Идея панциря или щита уже давно на очереди, и разрешение ее поднимет моральную сторону бойца. Америка уже выработала новый тип панциря, т. наз. куртка Бовита весом от 7 до 9,5 фунт., непробиваемый из Кольта на расстоянии 6 дюймов.

Но первое, что нуждается в видоизменении, это ручное оружие. Винтовка должна быть облегчена известным сочетанием частей и применением более легкого металла. Она несомненно должна быть автоматической с оптическим прицельным приспособлением. Принимая во внимание все возрастающую роль артиллерии и пулеметов в бою, позволяющих с большей вероятностью поражать цели от предельно больших до предельно малых дистанций, — едва ли возможно рассчитывать на увеличение дальности существующих винтовок. Необходимость в этом уже миновала.

Требованию автоматичности до известной степени отвечает ружье-пулемет системы Бирдмор-Фаркуара, сконструированное в Англии, с приставным барабанным магазином, как у пулемета Льюиса. Достоинства этого ружья-пулемета понижаются опять-таки его весом — 18 фунтов без патронов и штыка.

* * *

Как уже было сказано, развитие техники нисколько не исключает необходимости живой силы, но несомненно что — техника же — повлияет на численность войск и их организацию, к чему уже и перешла Франция. Французский пехотный полк по опыту мировой войны принят только в 400 штыков при 108 легких и 30 тяжелых пулеметах, 6 бомбометах и 3 легк. орудий.

Части войск должны приобрести большую самостоятельность.

Так называемая тактическая единица, за которую теперь принимают дивизию, — должна иметь свою артиллерию, свои аэропланы и броневые автомобили, свои химические, технические и инженерные части, свою подвижную радиостанцию и другие средства.

Ввиду большого экономического напряжения состав армии мирного времени неминуемо сократится. Главной основой частей каждого рода войск явятся устойчивые кадры, через которые будет пропускаться известный процент отборного населения, а не только способного носить оружие.

Путем воспитания ряда поколений надо добиться того, чтобы служба в армии не только бы считалась, но и фактически была как бы почетной привилегией, а не только «повинностью».

Так как элементарную подготовку к ратному строю будет давать школа, как это принято в Японии, Турции, Финляндии, то сроки действительной службы сократятся и будут определяться минимумом времени, потребного на приобретение специальных знаний по каждому роду войск и на применение этих знаний на практике.

Такая система, не ложась обременительно на государственный бюджет, позволяет в то же время в период войны довести боевые силы страны не только до желаемой численности, но и повысить их качество.

Громадную услугу государству в этом вопросе могут оказать всевозможные добровольные спортивные и военные организации молодежи по городам и селам вроде союзов, орденов и проч., основанные на здоровых началах и на любви ко всему своему родному.

Ознакомление таких организаций с родами войск и военной техникой, хотя бы поверхностное, в летние прогулки, скажется в свое время.

Будущий солдат при этих условиях уже не будет видеть в военной службе тяжелой повинности, и для вредной пропаганды станет неуязвим.

* * *

Основой армии еще на долгое время останется пехота, как род войск, наиболее универсальный и дешевый и притом способный к работе во всякое время и при всякой обстановке.

Что касается конницы, то таковая получит широкое развитие лишь у народов с равнинным характером территории. У других — особенно второстепенных государств, она будет допущена в самом минимальном соотношении для выполнения простейших ближайших задач разведывательного характера и, конечно, значения иметь не будет.

Страшным врагом для конницы явятся газы. Если всадника еще можно уберечь противогазовой маской, то лошадь — никогда... Вопрос слишком важный, чтобы им пренебречь.

Могучим средством против конницы являются также бронированные автомобили, особенно сведенные в группы. Помимо морального воздействия неуязвимой машины на всадника и лошадь, такие группы (эскадры) грозят громадным опустошением в рядах конницы.

В гражданскую войну Крымского периода в 1920 г., на стороне белых, за отсутствием броневиков, применялись обыкновенные автомобили, снабженные щитом и вооруженные пулеметами. Боевые действия этих машин против конницы превзошли всякие ожидания.

Существенной отрицательной стороной таких эскадр является привязанность их к дорогам и невозможность маневрировать вне путей.

Недостаток хотя и важный, но отнюдь не понижающий боевого значения броневых групп против конницы.

В целях достижения большей свободы в действиях конницы, особенно так называемой — стратегической, будущая война потребует придачи таких броневых групп и своим конным массам. Может быть, это несколько свяжет подвижность конницы, но зато усилит ее огневые средства в борьбе с неприятельской пехотой и броневиками.

Кавалерийские рейды и столкновения больших конных масс вообще будут встречаться все реже и реже. Ими, как известно, не была богата и минувшая война. Однако это несколько не понижает достоинств конницы, получившей соответственное воспитание и руководимой дельными и решительными начальниками.

В будущих войнах такая конница всегда найдет себе место.

Принимая во внимание современные приемы и условия боя, а также преобладающий в бою фактор — огонь, необходимо согласиться, что конница все более и более приближается к типу ездящей пехоты, тем более, что и обучение современной конницы скорее сводится к умению быстро использовать свои огневые средства, нежели к шоку (удару).

Тем не менее, ошибочность такого обучения ясна сама по себе: или от конницы надо совсем отказаться, или она должна быть действительно конницей, способной к быстрым и сокрушительным ударам, как огневым, так и массовым, а не только — обозом, передвигающим людей и орудия стрельбы.

Дабы дать широкий простор коннице в первые дни войны — вторжением ее в глубь неприятельской страны (что обещает неисчислимые выгоды),— необходимо освободить главную ее массу от прикрытия своих границ.

Этому поможет развитие в каждом государстве железных дорог и других путей сообщения, а также широкое применение автомобильных средств, что, в связи с соответственной дислокацией частей мирного времени,— позволит в первые же дни войны сосредоточить к границам потребное количество войск, необходимых для прикрытия сосредоточения и развертывания.

Для достижения этих целей казармы войсковых соединений лучше группировать ближе к границам, обязательно в узле железных дорог, с эшелонированием в глубину складов и магазинов.

В вопросах прикрытия границы и обеспечения сосредоточения большую пользу с первых же дней мобилизации могут оказать умело направленные бронепоезда и броневые автомобили.

* * *

Ввиду того, что авиация в соединении с радиотелеграфом уже теперь является могучим средством борьбы,— склады и магазины должны иметь надежную защиту, дабы не подвергаться разрушению с высоты...

Будущей авиации, конечно, предстоит разрешить еще много вопросов, чтобы стать родом войск, а не средством, но разрешение этих вопросов не так уж далеко.

Та работа авиации, которая наблюдалась в минувшую войну,— есть не более как период младенчества.

Борьба в воздухе и борьба за воздух превзойдет всю современную человеческую фантазию. Ни одна область не привлекает на себя такого серьезного внимания народов, как авиация. Вот почему и Европа, и Америка, и Азия не жалеют никаких затрат, чтобы поставить свою авиацию выше соседей.

Современный аэроплан пока только прототип будущей воздушной машины, которая приобретет устойчивость, станет менее зависимой от базы и получит в массе типичное подобие флота со своей стройной системой управления и своей гибкой тактикой.

Авиация облепит и осуществит возможность небольших десантов в глубоком тылу противника, и таким образом война с фронта частично будет перенесена в тыл.

Она будет выполнять самые сложные и разнообразные задачи по разведке, которые не по плечу коннице; она составит надежнейшее обеспечение связи и вместе с тем, в соединении с громадным моральным значением, явится страшным и боевым фактором.

Авиация изменит самую природу войны и боя, и такие операции, как знаменитый марш-маневр Наполеона в 1809 г. к Ульму, обходное движение армией Куроки русского левого фланга под Ляояном в 1904 г., переброска немцами корпусов против Русской 2 Армии в Мазурских озерах в 1914 году, — станут невыполнимы, ибо они потеряют важнейший свой козырь — неожиданность, и будут обнаружены заранее.

Однако, в заботах о развитии авиации не следует упускать из виду принципа соразмерности с другими родами войск, дабы и в этой области не получилось засилия.

Кто знает — может быть, авиация уже имеет своего врага, который горько разочарует авиационный оптимизм.

Техника должна помогать человеку, но отнюдь не обращать его в прислугу.

На основании опыта следует признать соразмерным 4 аппарата на пехотную дивизию (кроме корпусной и армейской авиации).

* * *

Наряду с развитием техники теперь все большее и большее развитие получают технические и полевые инженерные войска.

Обозы частей — боевой и материальный — дабы не связывать подвижности войск, должны сократиться, зато — увеличиться склады запасов, что должно составить предмет особых забот еще мирного времени.

Большое развитие должны получить полевые железные дороги.

Армия, воюя в известной полосе, не только не должна рассчитывать на местные средства (кроме земли, воды и леса), но государство, может быть, будет поставлено в необходимость само кормить часть населения, т. к. всякое производство здесь станет немислимо. Лозунг — «война должна кормить войну» — в настоящее время требует к себе осторожного отношения.

Наряду с этим должно подняться значение такой высокой по своим целям организации, как Красный Крест, который широко раздвинет рамки своей полезной

деятельности, и возможно, что в будущем станет единственным международным органом, которому суждено сдерживать страсти борющихся сторон.

* * *

Серьезным вопросом, вызывающим в настоящее время большие споры, является вопрос о крепостях.

История крепостей и укрепленных лагерей имеет за собою почти такую же давность, как и история войн вообще.

Как только на земле возникли вооруженные столкновения, одновременно возникла и мысль соответственным использованием местных условий получить приращение своим силам, возможно дольше сэкономить свою собственную энергию и ослабить энергию противника, заставив его расходовать усилия на преодоление всякого рода препятствий.

Действия в крепостях и под крепостями впоследствии вылились в целую науку.

Были целые эпохи с явным засилием крепостей, причем несмотря на то, что каждый раз, как только появлялось новое оружие, крепости переживали стадию перерождения, — все же идея о них докатилась до наших дней.

Исторический Тир, задержавший на 11 месяцев Александра Македонского. Иерусалим времен крестовых походов, артистически использованная Наполеоном Мантуа, Севастополь с его героической обороной, Плевна, Порт-Артур, Льеж и, наконец, Кенигсберг, приковавший 1 Армию (Русскую) в 1914 г., а также беспримерный в последнюю войну Верден — все это, казалось бы, слишком крупные и убедительные доказательства целесообразности крепостей во все времена и при всякой стратегии.

А между тем, еще до войны 1914 года в военной литературе уже поднимался горячий спор по вопросу о крепостях, и были далеко не легковесные доводы, которые, не отрицая за ними значения в истории, с неумолимой очевидностью доказывали переоценку значения крепостей и предрекали их крушение.

Действительно, в сущности, история почти не знает примеров, чтобы какая бы то ни было крепость не пала, если противник этого настоятельно хочет.

Как ни одна водная преграда не могла остановить решительного противника.

Вопрос лишь во времени и потерях.

Защитники крепостей не отрицали этого, но хватались за слова «время» и «потери».

Пусть так,— говорили они, — пусть каждая крепость падала и падет, но она падет тогда, когда выполнит свое назначение и обойдется дорого врагу, а это все, что от крепости требуется.

Но если повнимательней всмотреться в судьбу этих всякого рода неприступных и первоклассных твердынь, то окажется, что одни из них прямо-таки вероломно не оправдали никакого назначения, кроме миллионных затрат и лишних трофеев своему противнику; другие, на осаду коих потребовалось, может быть, время, несколько не изменили и даже не оттянули участи кампании, а третьи были, попросту, игнорированы и даже обидно не замечены противником.

Судьба же таких крепостей, как знаменитый Мец 1871 года, Перемышль, Эрзерум, Ковно, Гродно, Новогеоргиевск, Брест-Литовск и проч. по войне 1914–1917 гг. — попросту скандальна.

Что же касается крепостей, которые выставляются как положительные примеры, то при внимательном наблюдении почти всегда окажется, что причина скрыта не в самих крепостях, а в осаждавших ее войсках и руководителях.

Можно, не погрешая, сказать, что по мере усовершенствования огнестрельного оружия значение крепостей ослабляется, и если на протяжении сотни лет встретятся одна-две крепости, которые сыграют известную роль, то их нельзя возводить в пример, который, как всякое исключение, может вылиться в непоправимое заблуждение.

Главнейшие назначения крепостей заключаются якобы в том, что они притягивают на себя войска противника из боязни угрозы тылу маневрирующим армиям и затем — надежно обеспечивают фланги своих армий.

Но опыт войны и современная техника рассеяли эти надежды. Во-первых, ни одна крепость не сыграла роли ожидаемого магнита для противника и только вывела из игры многие тысячи своих войск (исключение составляет Верден); а во-вторых, в настоящее время фланги армии на известный срок может обеспечить любая железная дорога с оперирующими на ней бронепоездами, этими малыми подвижными крепостями.

В вопросе обеспечения флангов в будущем большая роль будет принадлежать особенно газам...

Защитники крепостей могут возразить, что по мере усовершенствования орудий нападения крепостное дело не стояло на точке замерзания, но также совершенствовалось и технически и тактически, что нигде техника не получала такого широкого применения, как в крепостях, и что будущей разрушительной силе артиллерии будет противопоставлено новое сопротивление материалов крепостных верков, — все же это будет, в большей части, не более как профессиональная защита.

Крепости отживают свое время. Нам, современникам, пока трудно с этим согласиться, но, полагаю, что так же трудно было согласиться и современникам катапульты и тарана или

непреложной в свое время пятипереходной системы снабжения, места которых теперь только в истории.

Судя по опыту войны, теперь крепость — каждый укрепленный шаг тысячеверстного позиционного фронта, прорыв и защита которого требуют применения всех действий, аналогичных с крепостной войной.

И если где уцелеют подобия крепостей, то исключительно в виде тыловых складов, мастерских или предмостных опорных пунктов, ушедших в землю, с небольшим бдительным и строгим караульным гарнизоном для обеспечения от тех случайностей, которые входят в задачу вражеской агентуры; или же пока удержатся на островах и далеких окраинах, как место сосредоточения или временного отсиживания колониального гарнизона.

Как бы ни были всесторонне изучены современниками те или иные пункты, где, казалось бы, необходимо создать крепость,— значение этих пунктов резко изменится уже через 5–10 лет, и за это время многие из таких пунктов по тем или иным соображениям потеряют свою цену, выявится значение других, и так до бесконечности, ни предусмотреть, ни угнаться за которой невозможно. Современные государства очень следят за развитием военного дела вообще и в то же время воздерживаются не только от создания новых крепостей, но даже и от ремонта старых. И только Германия усиливает свои восточные крепости — Кенигсберг, Летцен и Глогау — сетью бетонных сооружений.

Решаясь на затраты, связанные с постройкой этих сооружений, Германия, конечно, далека от мысли рассматривать свои крепости как строго оборонительные сооружения.

Судя по данным, попавшим в печать, большинство всех новых построек предназначено именно для различных складов. Таким образом и в этом шаге естественней видеть прежде всего планомерную и предусмотрительную подготовку обеспеченной базы против наиболее вероятного из своих противников. Не исключается, конечно, возможность, что эти крепости сыграют, может быть, и маневренное значение в войне с Польшей.

Но если бы даже это и случилось, все же и этот факт не будет знаменовать нового воскресения идеи крепостей, которая осуждена ходом событий.

Такой страшный враг, как всюду проникающие ядовитые газы, которыми может пропитать крепостной район современный противник, пользуясь своей дальнобойной артиллерией и особенно авиацией, обрекает гарнизон всякой крепости на мучительную и бесполезную смерть.

Если Наполеон в 1812 году переправлялся через Неман у Ковно, а Русская армия в 1877 году — через Дунай у Систово,— то это еще не знаменует необходимости создания здесь крепостей, стоящих государству многие миллионы.

А если бы те русские дивизии, которые были скоротечно съедены немцами в 1915 году в Ковно и Новогеоргиевске, находились бы в поле, а не в мышеловке, может быть, весь 1915 год кончился бы иначе.

* * *

Наряду с напряженной работой по развитию своих сухопутных и воздушных вооруженных сил — все страны мира с одинаковым напряжением работают и над созданием морского флота. Соперничанье на море никогда не прекращается.

Если действия в воздухе привлекают все внимание современной техники, то в одинаковой мере и война на воде и под водой также отражает в себе все опыты и всю изобретательность человеческого гения, где удивившие мир субмарины — подводные лодки — являются прототипом того сказочного подводного флота, которым только, может быть, и будет измеряться сила морских держав.

Область эта нуждается в особом специальном исследовании. Несомненно лишь одно, что она будет причиной большого торжества для одних и безнадёжного разочарования для других.

V

Своевременно было отмечено, что война после окончания сосредоточения и развертывания разделяется, в сущности, на два главнейших периода, которые до бесконечности чередуются и сменяют друг друга как на театрах войн, так и в особенности на полях сражений.

Это период маневренный и период позиционный.

Первые столкновения, естественно, всегда будут носить маневренный характер, который неминуемо сменяется более значительным периодом позиционным, где опять-таки каждая из сторон стремится путем накопления своей и ослаблением неприятельской энергии и упругости — перейти к маневру.

Ибо маневру и только маневру принадлежала, принадлежит и будет принадлежать решающая роль на войне, несмотря на всю возможную эволюцию средств и приемов борьбы. Так называемый «встречный бой» есть не что иное, как только разновидность маневра.

Объектом всякой операции навсегда останется, конечно, живая сила противника, но попутно с этим уже в настоящее время выяснилось все значение таких центров, которые являются сосредоточением производства и промышленности.

Если в войнах прошлого захват таких центров, как Вена в 1805 г., Москва в 1812 году, Белград в 1916 году и проч., и имел временное политическое и моральное значение, то он все

же еще далеко не решал операции и не знаменовал собой конца борьбы. В войнах будущего захват какого-либо пункта, где годами будет налажена известная производительность, требующая сложной установки машин и орудий производства, — будет сразу лишать армию этого производства и сразу же ослабит ее сопротивляемость.

Ибо перенести административный центр, находящийся под угрозой, всегда легче, нежели вновь создать или перенести центр производства.

Административный центр скорее данная психическая и переменная, не то центр и сосредоточие государственной промышленности.

Вот почему такие пункты должны быть удалены от возможного театра еще в мирное время, по возможности дальше, в глубину.

* * *

Но если позиционная война требует напряженного упорства живой силы и искусного применения техники, то маневр требует прежде всего внезапности.

Каждому маневру должна предшествовать подготовка. Оставляя в стороне вопросы элементарной тактики о подготовке маневра, необходимо несколько задержаться на одной из данных, важность которой особенно выявилась в последнюю войну и от успеха которой зависит участь всякого маневра.

Данная эта есть перегруппировка.

Ни один противник не в силах (ни теперь, ни в будущем) располагать запасом живой силы настолько, чтобы везде и во всякое время (особенно уже после года войны) получить качественный, количественный и технический перевес над врагом.

Между тем, решаясь на такую деликатную операцию, как маневр, — этот перевес должен быть достигнут во что бы то ни стало, дабы маневр действительно стал маневром, а не покушением с негодными средствами, которое даст дешевые лавры противнику и будет ему на пользу.

Даже самая ничтожная по замыслу и по цели операция должна быть обеспечена наибольшей суммой шансов на успех, чтобы не вылиться в дорогостоящий провал или, Боже сохрани, в смешную авантюру, как напр. попытка русской 53 дивизии в 1914 году овладеть крепостью Кенигсберг.

Чтобы получить перевес в силах и средствах, необходимо усилить маневренную группу свежими частями, притянув сюда все свободные силы, хотя бы путем ослабления других участков и даже фронтов, не имеющих в данную минуту решающего значения.

Этого можно достичь лишь путем *перегруппировки*.

Вопрос о перегруппировке является настолько важным актом на войне, что он должен составить предмет особого внимания и разработки как важнейший отдел тактики и особенно стратегии, еще задолго до войны, с самой широкой практикой на маневрах мирного времени.

К сожалению, в минувшую кампанию мы выполняли перегруппировки с полной российской откровенностью, наивно удивляясь — почему немцы всегда были заблаговременно осведомлены об усилении или ослаблении нашего фронта и пользовались этим артистически: они или сами били по ослабленным участкам или стягивали к угрожаемому пункту превосходные силы, обращая наш замысел в эффектное и дорогостоящее ничто.

Судя по скорости и тайне неприятельских перегруппировок, — немцы в этом отношении безусловно превосходили нас искусством.

В военной литературе еще до сих пор удержался пережиток, что первоначальные ошибки стратегического развертывания неисправимы в течение всей кампании.

Когда армии для своих передвижений пользовались лишь грунтовыми путями, по которым шли длинные колонны и тянулись еще более длинные обозы, это, может быть, и было так, но теперь, когда корпус, при наличии подвижного состава, может быть переброшен вдоль фронта на 500 верст в одни сутки (при условии, конечно, рассредоточения станций погрузки и разгрузки), когда перемена операционной линии при налаженной коммуникации есть вопрос только времени и расчета — такие ошибки могут не только исправляться, но и самое сосредоточение варьироваться почти безболезненно.

Выполнение операции по усилению маневренной группы и составляет область перегруппировки.

Для успеха перегруппировки требуется: 1) широко развитая сеть параллельных железных дорог вдоль фронта, часто связанных между собой, чтобы не тормозить непрерывного снабжения фронта; 2) наличие достаточного подвижного состава и других перевозочных средств, особенно автомобилей для перевозки к начальным и конечным станциям грузов, частей и особенно снаряжения; если к станциям ведут лишь грунтовые пути; 3) налаженность частей к посадке; 4) налаженность железнодорожной и прочей администрации; 5) быстрота; 6) скрытность (тайна для противника — в период смены, в период передвижений и в период появления на новом участке или фронте, — тайна для своих); 7) обязательная быстрота ввода в дело, чтобы достичь внезапности (иначе нет смысла срывать и мотать части); 8) все лишнее должно быть направлено вдогонку, вплоть до снарядов, которыми, может быть, удобнее снабдить переброшенные части с новой базы. Аэропланы должны непременно перелетать, а не отнимать составы и времени и 9) возможное сохранение сил людей.

Каждое из приведенных условий настолько важно, что должно составить предмет особого изучения, расчета и разработки, чтобы не быть захваченным врасплох.

Но перегруппировка на фронте не всегда обязательно предшествует маневру, она может быть вызвана необходимостью отдыха, пополнением частей, пострадавших в бою и проч. и проч. и может совершаться в границах от полупереходов до перебросок на сотни и тысячи верст.

* * *

В деле подготовки армий серьезного внимания заслуживает вопрос о тех боевых порядках и строях, которые применяются на войне в период маневрирования.

Маневр помимо особенностей морального значения требует прежде всего компактности для того, чтобы задуманный удар был решающим.

Это требование отнюдь не ограничивается только накапливанием живой силы; существенно важно обеспечить эту силу всем необходимым, чтобы бороться с техникой противника. На одной внезапности строить свои расчеты нецелесообразно, не следует забывать элемента случайности, которая присуща всем временам.

Маневренные порядки при подходе к полю боя должны быть рассредоточены в целях гибкости и во избежание потерь, особенно от воздушного флота. Но эта рассредоточенность в то же время не должна идти в ущерб быстрой накопиванию масс в назревшую минуту и не должна усложнять управления.

Сочетание этих требований на войне составляет искусство и расчет полководца, чему может прийти на помощь мирное время соответственной подготовкой частей и отвечающими духу времени уставами.

В минувшую войну немецкий боевой порядок наступающих частей в период, предшествующий атаке, слагался из нескольких рядов густых цепей, следовавших одна за другой.

Этим достигалась ощутительность удара, но зато выдержанный противник, не потрясенный артиллерией, расстреливал эти движущиеся густые массы на выбор.

Наоборот, русские уставные редкие цепи, с которыми мы вышли на войну, страдали меньше от потерь, но не давали той силы удара, которая, как в механике, измеряется массой и скоростью.

С 1916 года были попытки и на русском фронте применять волны, но жизненности они не получили.

В период атаки строй сам по себе не составляет решающего фактора. Важно возможно больше бойцов подвести к намеченному пункту и притом бойцов, не потерявших сердца и сохранивших организованную стройность.

Никакие трафареты порядков здесь не помогут.

Этому должна помочь артиллерия и техника. Они должны подвести свою пехоту. Артиллерия должна загнать противника в землю и дать между ним и наступающими частями такую завесу стали и дыма, чтобы образовать сплошную стену, не допускающую ни контратак, ни наблюдения.

Специальные орудия в этот период должны быть готовы вести борьбу с реющими в воздухе неприятельскими машинами, чтобы поддерживать свои машины, которые в свою очередь будут атаковать и маневрировать.

Но при составлении плана маневра все же следует помнить всегда и везде, что хорошо обеспеченная внезапность — лучшее средство для успеха.

* * *

Значение всех видов огня в современном бою и его решающая роль в исходе боя опять выдвигает на сцену вопрос о значении холодного оружия.

Последняя война, где участь боевых столкновений большей частью решалась огнем, однако имеет достаточно примеров, когда стороны сходились и врукопашную.

Суворовский «штык молодец» конечно теперь далеко не является тем фактором, как при мушкете, который для производства выстрела требовал сложной и затяжной операции.

Под «ударом» в современном бою надо разуметь не буквальное столкновение грудь с грудью, а вернее, последний, наиболее напряженный акт огня.

И тот, кто доведет его дисциплину, сосредоточенность и превосходство до конца, до последнего сближения, — тот и будет иметь успех.

Однако это ничуть не исключает холодного оружия вообще.

Бывают и будут моменты, когда, может быть, обстановка потребует применения именно одного только холодного оружия, например, — ночью, при внезапных налетах или засадах и проч.

Штык есть большой моральный фактор. И не только потому, что он влияет на нервную сторону противника, который, зачастую, сдает и не принимает штыкового удара, если видит перед собою часть, решившуюся дойти до штыка, — но и потому, что он повышает психику бойца, в руках которого находится.

В этом случае штык и вообще холодное оружие надо рассматривать как резерв самого бойца, как лишний, его собственный козырь, когда огонь вплоть до ручных гранат уже использован.

И, конечно, хуже будет тому, кто этого козыря не имеет.

Не переоценивая значения и не умаляя достоинств холодного оружия — лучше учить действию им, чтобы, когда потребуется, не расписаться в безграмотности.

Что же касается споров о том, какую систему или форму штыка следует принять на вооружение современного бойца, то принимая во внимание универсальную хозяйственную практичность штыка-ножа, предпочтение следует отдать последней.

Но и здесь необходимо внести некоторые изменения, требуемые жизнью, а именно: одну из сторон лезвия лучше делать острой, а другую — пилообразной.

Здесь придется, может быть, поступиться с традиционностью в интересах пользы.

Такой штык позволит резать проволоку и подпиливать колья искусственных заграждений, а солдата к тому же освободит от лишнего груза — топора. Дурное влияние такого штыка на отклонение пули и меткость ружья — ослабляется мирной выучкой.

* * *

Почти непосредственно после Русско-Японской войны в военной литературе, особенно в русской, была поднята горячая полемика о так называемой единой военной доктрине.

В этом вопросе столкнулись два течения.

Одно из них требовало проявления в военном деле самой широкой самостоятельности и личного простора не только в решении боевых задач, но и простоту в деле обучения и воспитания.

Сторонники такого направления исходили из того положения, что установление единства взглядов в военном деле препятствует развитию личного творчества и исключает возможность проявления инициативы.

Все военное искусство, таким образом, сводится, якобы, к шаблону, где совершенно отсутствует свобода действий начальника, и при таких условиях военное дело и судьба армии передаются в лучшем случае в руки посредственности...

Наоборот, сторонники системы единого понимания проводили ту мысль, что таланты в искусстве, а тем более в военном, есть явление вообще исключительное.

Вообразить себя именно этим исключением далеко еще не значит быть им в действительности.

Всякие эксперименты в военном деле не только вредны, но и опасны, а между тем отсутствие единства взглядов давало простор всякой отсебятине, от которой военное дело только страдало.

Нередки случаи, когда в требованиях начальствующих лиц в вопросах обучения, воспитания и управления войсками проявлялась специальность: один генерал требовал Суворовского шага и штыка, другой — видел спасение только в огне, третий доказывал, что «успех войны в ногах» и технике и т.д. и т.д.

Наблюдались такие явления, когда после смотра начальника дивизии командир части собирал офицеров и внушал им готовиться к смотру командира корпуса.

Надо было приспособляться к новым требованиям, новым приемам...

Смена начальников отражалась на обучении и воспитании части. Последовательности, преемственности в военном деле не было. В работе наблюдалась нервность, боязнь «разноса», ибо новый начальник не продолжал дело своего предшественника, а вводил новизну.

Исходя из мысли, что военное дело находится в руках не гениев, а людей со средними способностями человека, — сторонники такой доктрины видели в установлении единства взглядов жизненную необходимость, отнюдь не посягающую на творчество, опыт и знания личности, — ибо всякая система только способствует укреплению стройности и продуктивности и борется против произвола.

Гений же всегда и везде найдет свое место. Такие различные течения и взгляды на вопрос о военной доктрине — застала и великая война.

Можно ли было ожидать положительных результатов, когда люди говорили на разных языках, когда один критиковал и осуждал действия другого?

Только этим и можно было объяснить ту частую и не всегда полезную смену старших начальников, которая наблюдалась в большую войну в Русской армии и которая далеко не приносила того, что от этой смены ожидалось.

Только дисциплина и авторитет власти могли примирять эти два враждебные течения...

А между тем в военном деле, где существует непреложность принципов, казалось бы должна быть установлена строгая определенность и взглядов.

Каждую боевую и маневренную задачу можно решать различными способами в зависимости от дарований, но решение может быть только *одно*, а именно *правильное*, отвечающее данной обстановке и обеспечивающее возможно больше шансов на успех.

Одинаково понимать — еще не значит посягать на уменье и характер...

Высший командный состав итальянской армии до войны был воспитан в духе широкого толкования каждым по-своему военного дела.

Такая система особенно ярко сказалась в бою на р. Сочи под Копаретом в октябре месяце 1917 года (с 24 по 29), когда 14 германская армия г. Белова прорвала итальянский фронт и продвижением вперед, в Фрилунскую равнину, угрожала итальянскому тылу. Главнокомандующий итальянской армией, видя, что спасение от разгрома может дать лишь спешное отступление за реку Талмента, приказывает 26 октября немедленно начать отход на всем фронте.

Командующий 4 армией генерал ди-Робиланти, потерявши перед этим в созерцательном бездействии три дня, относится критически к директиве своего главнокомандующего, не исполняет его приказа и вместо отвода частей решает даже перейти к активности против 20 австрийского корпуса именно тогда, когда это уже ничем не оправдывалось (27 октября).

В результате 4 итальянская армия целиком попадает в плен немцам.

Разгром под Копаретом, где итальянцы потеряли всю артиллерию, обоз и более 400 тысяч пленными, напоминает классический разгром Аннибалом римлян под Каннами.

Италия была близка к катастрофе... Ее спасли союзники присылкой подкреплений...

Каково бы ни было отношение к германской армии, тем не менее надо отдать справедливость, что она в последнюю войну, благодаря системе единства понимания принципов в военном деле, дала наибольший процент отличных старших начальников и лучшие образцы военного искусства.

Немецкую систему отнюдь нельзя упрекнуть в том, что она явилась причиной проигрыша немцами войны.

* * *

Заслуживает быть отмеченным еще вопрос о применении к местности и о времени.

Значение местности учитывалось всегда как на полях сражений, так и в единоборстве,— и пока существует человек, пока не прекратится борьба на земле — местность будет составлять тот элемент обстановки, который следует по важности непосредственно за человеком.

Почему искусству эксплуатации местности должно быть всегда уделяемо достаточно внимания как при подготовке частей, так и в особенности при подготовке отдельного бойца?

Учитывая влияние времени на войне, техника будущего, конечно, сделает все, чтобы, по возможности, сравнять контрасты дня и ночи и тем отнимет у человека еще один шанс, который способствует внезапности, а именно темноту.

VI

Вообще, если уже минувшая война была полна сюрпризами, поражавшими человеческую психику, то будущее обещает так много неожиданностей, — которые явятся следствием упорнейшего из всех инстинктов, присущих человечеству, а именно инстинкта жизни,— что мы со всей нашей культурой духовной и физической являем, может быть, лишь пока фундамент, на котором вырастет совершеннейшее здание, где будет господствовать только сильный.

Как прошлое народов колебалось от готовностей их к самым неожиданным испытаниям и привело к настоящему, так и будущее находится в прямой зависимости от этого настоящего, по которому почти с математической точностью можно предопределить судьбу каждого народа.

Будущее народов в руках настоящего, и счастлив тот, кто в гордом сознании своей силы и своего превосходства все дальше и дальше идет вперед по пути своего исторического призвания, без остановок и раздумья, ибо за каждый замедленный в истории шаг дорого оплатит потомство.

Минувшая мировая война не является заключительным актом человеческой эпопеи. Она не только не разрешила мировых проблем, но создала повсюду напряженную атмосферу, которую может разрядить только меч. И, может быть, еще никогда человек не был так близок к войне, *как теперь*, и только готовность к ней, готовность каждую минуту выступить на защиту своих добытых или погранных прав — может отдалить время войны и направить ход событий по мирному руслу.

В этом вопросе надо самым решительным образом восстать против всякой вредной и заразной идеологии, пока она не приняла характера эпидемии. Надо привлечь к работе все умственные силы страны, чтобы в согласованном и неустанном напряжении творчества и упорного труда, из опыта последней великой войны взять самое ценное, дабы в военном деле заполнить те пробелы, которых никогда не простит будущее.

Это должен делать всякий, кто действительно любит свою Родину и кому дорого будущее своих детей.

Одинаково необходимо иметь также мужество, чтобы расстаться или видоизменить и то, что безусловно уже устарело и для жизни и для войны.

Военное искусство есть деликатнейшее из искусств, и оно не стоит на одном месте, а движется вперед. Оно чуждо рутине.

Что было непреложным вчера,— может стать ненужным сегодня. Вечны только принципы.

Вот почему важна постоянная работа и по развитию и по усовершенствованию военного дела; вот почему важно использование всякого опыта, а тем более свежего опыта войны, дабы его не покупать, когда случится, ценой крови.

Если государству нужна здоровая семья и здоровая школа, то еще более необходима здоровая армия, надежно обеспеченная, национально воспитанная и прекрасно обученная.

Армия должна составлять предмет народной гордости и быть действительно армией по существу, а не только видимостью, которая не только бесполезна, но и опасна.

Надо воспитать народ в сознании, что его благоденствие, его отдых, его труд и величие его страны целиком покоятся на его армии, как главном фундаменте государственного здания, и притом фундаменте, готовом во всякое время обеспечить все народные достижения от чьих бы то ни было посягательств.

Как бы ни были заманчивы идеи о всемирном братстве, но оно еще бесконечно далеко. Если люди еще до сих пор не научились как следует любить свое отечество,— то вряд ли можно поверить, что они научились любить весь мир.

Судьбы и счастье народа в его собственных руках.

Война явление страшное, но еще более страшное явление — это *поражение*, и пока человеком не найдено решения для предотвращения войны, надо напрячь все усилия, чтобы это поражение не случилось.

Только наличность грозной армии и техники может отсрочить и даже предотвратить войну, не прибегая для этого к унижительным для достоинства нации уступкам.

Горе побежденным! — говорили древние.

А чтобы этого не случилось, надо заставить себя быть сильным, не допуская никаких шатаний.

Этого возможно достичь лишь соответственным отношением и даже жертвенностью нации к вопросам ее судеб и слаженной работой всех от верху до низу во всех областях, а наипаче в области ратной.

И какие бы этапы своей истории ни переживал народ,— будет ли он в славе или в беде, хочет ли он мира или восстановления своего права, достиг ли он верхних ступеней своих возможностей или только приближается к ним — он неослабно должен постичь всю глубину и тайну двух слов:

«ПОМНИ ВОЙНУ!»

Текст приводится по изданию: Мариюшкин А.Л. Помни войну. — Новый Сад: Русск. типогр. С.Филонова, 1927.

Н.Н. Головин

НАУКА О ВОЙНЕ

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ГОЛОВИН (1875 — 1944), генерал-лейтенант. Окончил Пажеский Корпус и Академию Генштаба. Служил в штабах. Преподавал в военном училище. В 1905–1907 гг. редактировал «Вестник Общества ревнителей военных знаний». С 1908 года — профессор, преподаватель Академии Генштаба. Первую мировую войну начал в должности командира полка. Неоднократно награжден. Войну закончил генерал-лейтенантом, начальником штаба Румынского фронта.

Революцию в октябрьском воплощении не принял. В лагерь контрреволюции пришел не сразу, оказался в нем, не желая сотрудничать с советской властью. В 1919 г. по просьбе А.Колчака временно руководил обороной Омска. Основной же его деятельностью в годы Гражданской войны была военно-дипломатическая миссия в Европе (во Франции и Англии).

Последние 23 года жизни — период эмиграции. В течение этого времени Головин занимался напряженной научной, преподавательской и организаторской деятельностью. Ему принадлежит главная заслуга в создании русской зарубежной военной школы. Им написано более ста трудов и работ, около двадцати из которых являются крупными исследованиями. Часть из них переведена на все основные европейские языки. Он преподавал на высших военных курсах, читал лекции в военных академиях Франции, США, Югославии, Чехословакии, состоял профессором Русского историко-филологического факультета в Парижском университете, редактировал несколько печатных органов, сотрудничал со многими эмигрантскими и заграничными изданиями. Умер в Париже.

* * *

Представляемый материал — один из докладов Головина, объединенных впоследствии ученым в книгу «Наука о войне. О социологическом изучении войны» (Париж, 1938).

Величайший военный мыслитель начала XIX в. Клаузевиц пишет: «Положительное учение о войне невозможно. По самой природе войны невозможно возвести для нее научное здание, опору деятелю во всевозможных случаях. Деятель оказался бы вне научной опоры и в противоречии с ней во всех тех случаях, когда он должен опереться на собственный талант. Одним словом, с какой стороны ни подступаться к делу, выйдет, как уже сказано, что талант и гений действуют вне закона, а теория идет вразрез с действительностью»^{*}.

В самом деле, военная наука, ограничивающая сферу своего исследования одним изучением способов ведения войны, могла только констатировать факт, что универсальных путей к победе нет. Единственный положительный вывод, который она могла сделать, это

^{*} Клаузевиц. О войне. (Перевод ген. Бонде). — Т. 1. — С. 83.

тот, который так ярко формулировал Наполеон в своих словах: «На войне обстановка повелевает».

Однако развитие в XIX в. положительной науки во всех областях человеческого знания понудило продолжать попытки построить такую и в области явлений войны.

Во второй половине XIX века наш крупнейший авторитет по стратегии генерал Г.А. Леер создает стройную систему принципов. Эти принципы, независимые от условий оружия, времени и места, должны были служить безусловными отправными точками для творчества...

Базируясь на идее Л.С. Милля, положительная военная наука возможна, но только в той своей части, которая поставила бы себе задачей исследование войны как процесса в социальной жизни человечества, предоставив другой части военной науки изучение способов ведения войны. Это различие в самом существе задания требует разделения современной военной науки на две отрасли: на «науку о ведении войны», представляющую собой теорию военного искусства, и на «науку о войне», представляющую собой одну из положительных наук об обществе...

На путь изучения объективных процессов войны фактически и вступил Клаузевиц. Отрицая, как мы видели выше, возможность существования положительной военной науки, тем не менее, он поставил главной задачей своего труда «исследование, объяснение, сущности элементов и явлений войны». При подобном задании его замечательный труд представил собой первую попытку создания «науки о войне». Чрезвычайно характерно, что сам Клаузевиц не нашел своему труду иного заглавия, как слова «о войне». В этом заглавии недостает только слова «наука». Клаузевиц, отрицавший возможность положительной науки о войне, скромно полагал, что его труд лишь «обзор». Тот факт, что книга Клаузевица «О войне» до сей поры является единственным систематическим трудом по «науке о войне», дал ей совершенно исключительное для военно-научного труда долголетие. В то время как даже замечательные работы, посвящавшие себя изучению способов ведения войны, быстро становились устарелыми, труд Клаузевица «О войне» неизменно приковывал к себе внимание все больших и больших кругов. Война 1914–18 гг., так же как и война 1870–71 гг., дала в военной науке толчки к более полному изучению Клаузевица. Не лишен интереса и следующий факт. Ленин, поставивший свою ставку на использование перерождения внешней войны в гражданскую, счел нужным самым тщательным образом изучить Клаузевица. В выпущенной большевиками в 1930 г. трехтомной официальной «Истории гражданской войны» помещено несколько фотографий со страниц «О войне» Клаузевица, испещренных ленинскими примечаниями.

Отрицание Клаузевица, фактически являющегося отцом положительной военной науки, возможности существования таковой объясняется тем, что Клаузевиц в своем представлении о том, что должна представлять собою «положительная наука», исходил из иных взглядов, чем те, которые установились после появления в середине XIX века «Логики» Милля.

Не служит ли это ярким примером, насколько все отрасли науки зависят от основных методологических предпосылок?

Генерал Г.А. Леер, живший на полвека позже Клаузевица, исходил в своих научных работах из более новых точек зрения на положительную военную науку.

«Стратегия, в точном смысле слова,— пишет он,— это трактат об операциях на театре военных действий... Стратегия в широком смысле есть синтез, интеграция всего военного дела, его обобщение, его философия. Она является сведением в одно общее русло всех отдельных учений о войне, наукой всех военных наук. Как философия вообще стремится к объяснению мировых явлений, так и стратегия, понимаемая в самом широком смысле, как философия военного дела, имеет задачей объяснение военных явлений, не только каждого поодиночке, но, и в особенности, общей связи между ними».

В постановке высшей стратегии, задачи науки, обобщавшей все остальные военные науки, нельзя не видеть стремления глубокого ума Г.А.Леера в создании военной науки, которая могла бы встать в ряды наук положительных. Но даже при столь широкой трактовке задания стратегии она является скорее философией теории военного искусства, чем наукой о войне. Таковым и является замечательный курс стратегии Леера. В своих последних работах генерал Г.А.Леер пошел дальше. В своих книгах «Метод военных наук» и «Коренные вопросы» он вступил на путь чистой «Науки о войне».

Таким образом, мы видим, что, хотя и не выделенная в особую отрасль знания, Наука о Войне фактически существовала, вкрапленная в науку о ведении войны.

Накопление богатейшего материала для «Науки о Войне» шло во всех отдельных отраслях военной науки. Ограниченные рамки нашего доклада не позволяют нам перечислить все те труды, авторы которых выходили на путь положительного знания. Мы укажем лишь на замечательные в этом отношении работы трех наших профессоров: графа Милютин, генерала Драгомирова и А.Ф. Редигера. Первый дал классические работы в области военной статистики и военной истории, второй — в области воспитания войск, третий — в области устройства вооруженной силы государства.

Материал для Науки о Войне собран большой, и даже наименование ее произнесено в стенах нашей Академии преемником Леера по кафедре стратегии генералом Михневичем. Он говорил о необходимости создания социологии войны...

Действительно, создание такой высшей науки о войне, которая занялась бы изучением войны как особого социального процесса, казалось совершенно своевременным. И все-таки, такая наука не рождалась.

Как это объяснить?

В области научной работы, так же как и в прочих сферах человеческой деятельности, большую роль играет среда, в которой протекает эта работа. Потребности этой среды обуславливают производство промышленности.

До 1914 года не только у нас в России, но и во всем мире не было связи между общей наукой и наукой военной. Социологи, например, считали возможным создавать теорию жизни общества без подробного исследования явлений войны. Одним из результатов подобного отношения к войне явилось засилие в исторических и общественных науках экономического материализма, т.к. изучая только эпохи мира, когда экономический фактор имеет в жизни народов громадное значение, многие социологи и историки совершенно упускали из виду те периоды жизни человечества, когда на первый план резко выдвигаются психические процессы...

Оказавшись не в силах пробиться через окружающую стену отчуждения, военные ученые продолжали сосредоточивать все свое внимание на изучении способов ведения войны, контрабандой лишь провозя в теории военного искусства свои научные изыскания, выходящие из рамок «непосредственно полезного опыта».

Война 1914–18 гг., вовлекшая в свою орбиту весь мир, произвела радикальный переворот в понимании общественных явлений.

Даже наиболее пацифистски настроенные ученые учреждения начали понимать, что для того, чтобы человечество излечилось от войны, нужно, чтобы сама эта социальная болезнь была хорошо изучена. Во всех разветвлениях науки об обществе идет сейчас детальное изучение процессов, вызванных мировой войной и ей сопутствующих. Особенное внимание уделяется подобному изучению в современных экономических науках, которым еще сейчас приходится считаться с неизжитыми последствиями мировой войны. Однако до «Социологии войны» как цельной научной дисциплины еще далеко. А между тем потребность в таковой теперь все возрастает. В моем докладе, прочитанном на праздновании столетнего юбилея нашей военной Академии, я указал, что современная наука о ведении войны нуждается для своего дальнейшего развития в создании науки о войне, исследующей последнюю как социальное явление, взятое во всем его целом. Требуется этого успешность и тех исследований войны, которые, как я говорил выше, производятся ныне в различных отраслях общественных наук. Общая наука о войне внесет тот необходимый корректив, без

которого различные изыскания, произведенные каждое с особой точки зрения, осуждены остаться односторонними.

Правда, на такое примиряющее обобщение претендует общая социология; во многих читаемых ныне курсах можно встретить главы, посвященные войне. В некоторых из них они даже названы «Социологией войны». Однако всем этим почтенным попыткам недостает еще многого, прежде чем стать действительно научными. Они почти совершенно не используют ту сокровищницу опыта и знаний, которая собрана в старой военной науке. Как мы видели выше, хотя эта наука и не решалась официально выйти из рамок теории военного искусства, тем не менее, многое уже сделано для широкого научного изучения войны. В этом отношении достоин подражания пример американского гения Тейлора, отца «научной организации» промышленного производства. Свои основные идеи, по его собственному признанию, он почерпнул в германской военной науке.

Не нужно быть пророком для того, чтобы безошибочно предсказать появление в ближайшем будущем особой научной дисциплины, которая предметом своего исследования будет иметь изучение войны как социологического процесса, взятого во всем его целом.

Эта наука о войне, не преследующая непосредственно утилитарных результатов, сосредоточит всю свою работу на изучении существования, последовательности и сходства явлений войны.

Ввиду того, что эти явления подчиняются какой-то закономерности, она будет стремиться к открытию законов.

Между тем, наука о ведении войны, рассматриваемая даже с широкой Лееровской точки зрения, могла позволить себе сведение обобщений только в принципы.

Различие это имеет большое значение.

Закон представляет постоянное, определенное и неизменное соотношение между явлениями природы и человеческой как индивидуальной, так и общественной жизнью, существующее благодаря постоянному и неизменному соотношению сил и факторов, производящих эти явления. Закон только утверждает какой-либо факт существования, сосуществования, последовательности или сходства явлений и никаких целей деятельности не ставит. Находясь вне всякой зависимости от нашей воли (воля является для закона лишь частью явления), закон безусловен.

Принцип же не утверждает, подобно закону, какого-либо факта, а хотя и условно, но рекомендует, чтобы нечто было. Предложение, говорит Милль, сказуемое которого выражается словами «должен быть», хотя бы даже подразумеваемое в самом широком смысле слова, отлично по сущности своей от предложения, выражаемого при помощи слов «есть и будет».

Принцип, согласно определению генерала Леера, представляет собою лишь некоторое научное обобщение. Он является основной идеей, которой следует держаться при решении известных вопросов военного дела. Он является регулятором для творчества, хотя и отнюдь не сковывающим последнее; в нем заключается, говорит Г.А. Леер, «только цель, которая должна быть достигнута».

Если нельзя возражать против того, что принцип представляет собою некоторое обобщение, установленное военной наукой, то опорной является его роль как «цели, которая должна быть достигнута». Целью действий может быть только совершенно конкретная задача, которую мы должны выполнить в данном бою или в данной операции. Задача эта должна быть достигнута во что бы то ни стало, и хотя бы вопреки того или другого принципа. Если же считать, что принцип имеет непосредственное отношение к постановке цели, то это — будет равносильно формулировке своей задачи так: разбить врага, выполняя тот или иной принцип военного искусства. В этом случае, вопреки предупреждениям генерала Леера, принцип окажет сковывающее влияние на творчество полководца.

Очень интересным в этом отношении примером является переписка между генералом Алексеевым и генералом Брусиловым при обсуждении плана нашего прорыва в Галиции весной 1916 г. Генерал Алексеев рекомендовал, во имя принципа сосредоточения сил, производить прорыв лишь в одном месте, к коему и собирать все предназначенные для атаки силы. Генерал Брусилов отстаивал прорыв в четырех различных и достаточно удаленных друг от друга районах. Жизнь показала, что в сложившейся тогда обстановке прав был генерал Брусилов, а не генерал Алексеев.

Принцип не будет оказывать сковывающего влияния на творчество только в том случае, если за ним будет признано лишь условное значение приема или метода действий, а не закона, как хотел это генерал Леер.

Именно так и смотрел на роль принципа в военном искусстве современник генерала Леера германский военный ученый генерал Богуславский. Он так же, как и генерал Леер, попытался обосновать военную науку на вечных принципах. Но возможны ли неизменные для всех времен методы действий — вот тот вопрос, который возникает в том случае, если смотреть на принцип с точки зрения генерала Богуславского. Ответ на вопрос может дать только высшая Наука о Войне. Несомненно, что те приемы военного искусства, которые в своей высшей абстракции основываются на эмоциональных свойствах человека,— устойчивы. Чувству страха подвержены и современный цивилизованный человек и дикарь. Но несомненно также, что некоторая эволюция имеет место и здесь, как только мы возьмем не отдельных индивидуумов, а коллективы людей. Если же мы обратимся к приемам военного искусства, обусловливаемым материальными факторами войны, то увидим, что тут

эволюция происходит чрезвычайно быстрым темпом. Уже фельдмаршал граф Мольтке сказал, что тактика меняется каждые десять лет.

Эволюционная точка зрения начала разрабатываться уже с середины XIX столетия в трудах по истории военного искусства. Но претендовать на господствующее положение в военной науке она стала лишь в конце того же века.

В русской военной науке честь наиболее яркого выражения этой точки зрения принадлежит полковнику Е.И. Мартынову в его книге «Стратегия Наполеона и наших дней». Эта книга, появившаяся в печати в 1893 г., вызвала горячую отповедь со стороны одного из бывших профессоров нашей Академии генерала А.К. Пузыревского.

Статья, в которой А.К. Пузыревский критиковал Е.И. Мартынова, была озаглавлена так: «Претенциозное краснобайство». Само это название, так же как и резкий тон статьи, показывает, насколько нова была идея об эволюции даже для видных представителей старой военно-научной школы. Несмотря на эту и другие замечательные работы, сделанные полковником Е.И. Мартыновым, он не был признан конференцией Академии достойным занять профессорскую кафедру и был отчислен от Академии, после блестяще прочитанного им курса по истории военного искусства греков и римлян.

Теперь, после мировой войны, признание эволюционного характера военного искусства не встречает уже никаких серьезных возражений. Поэтому мы можем без дальнейших доказательств установить, что Наука о Войне, изучающая объективные социальные процессы, составляющие сущность войны, должна будет изучать их не только «статически», но также и «динамически». Такое изучение позволит на основании пройденного уже эволюцией пути предугадывать хотя бы в общих чертах пути, по которым пойдет эволюция войны в будущем. Для подобного изучения накопился уже богатый материал в работах по истории военного искусства. Среди них я должен упомянуть работы профессора Берлинского университета Дельбрюка.

Таким образом, вместо того, чтобы отыскивать «вечные» и «безусловные» принципы военного искусства, высшая Наука о Войне, или, применяя наименование, подсказанное генералом Михневичем, — «Социология войны», будет изучать законы статики, динамики и эволюции войны. Подобное изучение даст не только нужные для науки о ведении войны отправные точки, но также будет содействовать разрешению другого, столь же существенного вопроса — вопроса методологии военных наук.

Как известно, всякая наука слагается из двух факторов:

- 1) из ряда сведений, систематически расположенных;
- 2) из совокупности методов, при помощи которых приобретаются и обрабатываются эти сведения (методология или логика данной науки).

Вполне понятно, что характер научных приемов (метод) во многом зависит от тех особенностей, которыми отличаются объекты, изучаемые в той или другой науке. А отсюда следует, что всестороннее изучение всех методов (методологии) науки, то есть изучение их со всеми особенностями, возникшими в них под влиянием особенностей объектов, изучаемых этой наукой, невозможно без знакомства с объектом исследования. Развитие методологии в любой отрасли требует развития исследования свойств изучаемого явления. Таким образом, сам прогресс прикладной военной науки, то есть теории военного искусства, в отношении своей методологии зависит от развития чистой военной науки, то есть социологии войны. Поясним эту мысль примером.

Как часто можно встретить противопоставления, подобные следующему: дух или техника? Исходя из верной отправной точки зрения — главенствующей роли духовной стороны в явлениях войны, рассуждающие часто приходят к отрицанию техники. Подобная ошибка особенно распространена в русских военно-научных работах, но встречается она и в иностранных. Протестуя против подобных рассуждений, довольно известный французский военный писатель генерал Гаскуэнь в только что вышедшей своей книге «Торжество идеи — 1914 г.» пишет: «О, дух армии, сколько ошибок, сколько преступлений было совершено, злоупотребляя твоим именем». Для иллюстрации подобного злоупотребления можно привести следующий пример: в 1905 г., когда посылалась на восток эскадра адмирала Рожественского, был сделан подсчет боевой силы флотов, которым суждено было встретиться у берегов Японии. Выяснилось, что материальные коэффициенты для русских и японцев относились как 1:1,8. Морской министр адмирал Бирилев написал в ответ на этот подсчет, что подобные коэффициенты хороши для иностранцев; у нас-де, русских, есть свой собственный коэффициент, которым является решимость и отвага.

Цусима доказала, насколько адмирал Бирилев был прав в своих методах стратегического подсчета...

Ошибка в рассуждениях, подобных Бирилевскому, если можно так выразиться, двухъярусная. Она лежит и в плоскости общей научной методологии и в плоскости специальной военно-научной методологии.

Первого рода ошибка заключается в том, что нельзя при сравнении влияния одного и того же фактора подменять в то же время другой. Бирилев не имел никакого основания предполагать японцев менее решительными и менее отважными, чем нас. Находившаяся в это время в полном разгаре русско-японская война более чем ярко это подчеркивала. В рассказанном примере мы имеем дело со своего рода «военно-обывательской» военной психикой. Однако с подобного же рода ошибкой можно было встретиться и в трудах высоких военно-научных авторитетов. Многим осталась в памяти статья генерала

Драгомирова под заглавием «Медведь», напечатанная в «Разведчике». В этой статье генерал М.И. Драгомиров выступал против перевооружения армии скорострельной винтовкой. В доказательство своего мнения он со свойственной ему красочностью слога рассказывал свой сон. Ему приснилось, что на него, вооруженного скорострельной винтовкой, идет медведь. Вид этого чудовища настолько устрашающе действует на стрелка, что все свои пули он сыпет мимо... Допущенная здесь методологическая ошибка заключается в том, что паника, объявляющая стрелка при виде медведя, вовсе не обуславливалась наличием в руках первого скорострельной винтовки. Поэтому нельзя основывать свое сравнение на предположении, что трус — хорошо вооружен, а выступающий храбрец — плохо. Рассуждение будет научным лишь в том случае, если для сравнения все факторы взяты равными, за исключением лишь одного, а именно того, воздействия коего мы изучаем. Таково общее методологическое основание. При изучении же явления войны оно сильно осложняется.

Дело в том, что дух армии не есть какая-то постоянная величина. Дух армии, вооруженной хуже противника, быстро понижается после первого же серьезного столкновения, а дух армии, лучше вооруженной, соответственно повышается. Поэтому обе армии, обладавшие в начале войны одной и той же силой духа, вскоре после начальных боевых столкновений разравниваются, причем это разравнивание духа идет двойным темпом.

По существу дела, мы имеем здесь дело с проявлением одного из общих социологических законов, установленных еще Контом, и названного им словом «consensus». Согласно этому закону, все стороны социальной жизни настолько тесно взаимосвязаны, что нельзя изменить одну из них, чтобы не изменить другой. Поэтому правильное разрешение вопроса, вроде только что нами выдвинутого, может лежать только в изыскании наиболее выгодной для данного конкретного случая комбинации рассматриваемых факторов.

Покойный маршал Фош в бытность его начальником Парижской Высшей Военной школы на вопрос одного из слушателей-офицеров, что важнее: «количество или качество», ответил: «И то, и другое».

Дабы избежать рассматриваемой здесь методологической ошибки, Клаузевиц дал широкое развитие в своем классическом труде дидактическому методу. В каждом из изучаемых им вопросов войны он видит два противоположных полюса и отыскивает решение в примирении для данного случая этих полюсов. Иначе говоря, он применяет один из видов синтетического метода.

Необходимое преобладание в военной науке синтетического метода над аналитическим является главным выводом, который может быть сделан из многократно нами упоминавшегося классического труда Клаузевица «О войне». Этот вывод имеет тем

большее значение, что в военной науке упорно господствовало стремление исследовать различные стороны явления войны порознь. Такое стремление ярко отразилось на способе пользования военной историей. При преподавании тактики и стратегии явления военной истории не изучались во всех их конкретных подробностях, а приводились лишь как специально «препарированные» примеры для подтверждения той или иной высказанной ранее мысли. При этом степень убедительности усматривалась в многочисленности приведенных примеров и в большом числе войн, из которых эти примеры брались. Подобное пользование опытом военной истории вызвало в свое время протест Клаузевица. «Много изучать историю (военную),— пишет он,— необходимости нет; полное и подробное знание нескольких сражений полезнее, нежели поверхностное понятие о многих кампаниях. Поучительнее, поэтому, читать частные описания или дневники, встречающиеся в периодических изданиях, нежели собственно исторические книги».

С большим трудом перестраивалась в XIX веке военная наука на изучение каждого из явлений войны, взятого во всем его конкретном целом.

Несомненно, что в засилье анализа в старой военной науке нужно также видеть причины сопротивления, которое встретило проведение прикладного метода в обучении теории военного искусства. Основная идея этого метода заключается в том, что обучать военному искусству можно лишь практикуясь в отыскании наиболее выгодной комбинации факторов боя или войны для достижения поставленной цели. Изучение же подобных комбинаций возможно лишь при подробном изучении во всей их конкретной обстановке частных случаев, взятых из военной истории или созданных в виде задач или военной игры.

Основные идеи прикладного метода непосредственно вытекают из сущности труда Клаузевица «О войне», в особенности из его синтетического подхода к изучению явлений войны.

Первой на путь прикладного метода в науке о ведении войны вступила Германская военная школа, так как в ней раньше и полнее, чем где бы то ни было, сказалось влияние учения Клаузевица.

И несмотря на это, один из ближайших сотрудников фельдмаршала графа Мольтке генерал Верди-дю-Вернуа, который может почитаться отцом прикладного метода, встретил большие затруднения в проведении этого метода в жизнь.

Во Франции потребовались сплошные поражения в войну 1870–1871 гг., чтобы прикладной метод получил должное господствующее положение.

У нас же даже поражение в войну 1904–1905 гг. оказалось недостаточным для того, чтобы прикладной метод был окончательно признан.

Тщательные поиски основной идеологической причины, вызывавшей такую сильную оппозицию проведению прикладного метода в жизнь, показывает, что такой являлось представление, что главной задачей теории военного искусства является отыскание вечных и безусловных принципов военного искусства. Противники прикладного метода боялись, что военная наука, сосредоточив свое внимание на изучении «частного случая», станет от этого настолько близорукой, что не в состоянии будет увидеть общих идей. Они не заметили при этом одного существеннейшего обстоятельства: появление труда Клаузевица «О Войне» явилось началом расчленения военной науки на две отрасли военного знания.

Одна из этих отраслей, благодаря отказу от преследования непосредственно утилитарных задач, получила возможность сосредоточить все свое внимание на исследовании объективных процессов, вызывавших войну и сопутствующих ей.

Другая же из этих отраслей военного знания путем отказа от отвлеченностей получала возможность сосредоточить все свои усилия в изучении умения воздействовать на явления войны.

Это расчленение представляло собою лишь одно из проявлений разделения труда, являющегося основным условием прогресса во всех сложных областях человеческого знания. Поэтому, в заключение моего сегодняшнего доклада, я позволю себе высказать следующее убеждение:

Дальнейшее развитие науки о войне, которое выразится в рождении Социологии Войны, неминуемо будет содействовать приобретению науками о ведении войны все более и более практического характера.

Текст приводится по изданию: Головин Н.Н. Наука о войне // Часовой. — 1933. — № 100–103.

П.И.Залесский

ГРЕХИ СТАРОЙ РОССИИ И ЕЕ АРМИИ

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ ЗАЛЕССКИЙ (1868–1928/?/), генерал-лейтенант. Окончил военное училище и Академию Генштаба. Служил на командных и штабных должностях. Активный участник Первой мировой войны, в Гражданской войне участия не принимал. С начала двадцатых годов — в эмиграции. Публицистикой занимался с конца 90-х годов прошлого века. Отличался критичностью материалов и остротой тем.

Революционное движение в России вспыхивало после каждой большой войны, не только неудачной, но и удачной; ибо каждая большая война раскрывала серьезные

недостатки русского государственного организма. Так, после победоносной войны 1812—1814 г. в России сорганизовался ряд офицерских обществ, имевших задачу — существенно реформировать ее государственный организм, а в 1825 г. это течение выявилось даже восстанием «декабристов».

Лучшая часть русского общества давно относилась критически к русским порядкам*.

И не одни только картины крепостничества заставляли русских людей желать иных порядков. Были, очевидно, и другие соображения, вытекавшие из оценки событий и явлений русской жизни.

Представьте себе, вам говорят: «Все обстоит благополучно. Молчать, не разговаривать, вас не спрашивают! Да, впрочем, и спрашивать не о чем: мы сами хорошо знаем — что нужно России. А в нужную минуту мы... всех шапками закидаем»!...

А в то же время вы видите:

Аустерлиц, Фридланд... Весьма сомнительная война 1811 года... Тяжкая военная эпопея, вернее народное бедствие 1812 г., которое сильно смягчено (вернее — извращено) казенными историками и жалкими школьными учебниками**... Война 1813–14 годов также не дает никаких военных образцов русского «искусства» и не демонстрирует талантов русских генералов. Кампания 1854–56 годов дает образцы доблести различных чинов армии (как и все войны), но очень мало искусства и правильной подготовки... О войне 1904–05 годов и говорить нечего: тут и доблесть заметно понизилась...

Очевидно, государственный организм работал неправильно: в нем что-то перерождалось, много не хватало, многое работало несогласно...

В общем — большой организм России оказывался слабым при каждом серьезном испытании.

А как же разрослась Россия? Откуда ее завоевания?

Россия, как это вполне понятно, законно и естественно побеждала или низшие культуры: чукчей, вотяков, остяков, юкагиров, самоедов, мордву, чувашей, туркмен, сартов, финнов, персов, курдов и т. п. или разлагавшиеся государства, как например, Польша и Турция, или маленькие страны — как Финляндия (вернее Швеция). Успехи русского оружия над оружием культурных стран (в Семилетнюю войну, в 1799 г. в Италии, в 1813–14 г.) только эпизоды войн, веденных Россией в составе больших Европейских коалиций, и они вовсе не меняют основного закона, который гласит: *побеждает культура страны, организация ее армии и воспитание ее народа.*

* Записка Радищева, в царствование Екатерины II.

** Записка Баркляя де Толли, поданная Государю императору Александру I-му, дает более правильное освещение событиям 1812 года.

Вот почему лучшие русские люди были недовольны дурными, некультурными порядками России, дурной подготовкой ее армии и полным отсутствием воспитания народа.

Но всякая критика русских порядков считалась вредной, а на лучший конец — «самооплевыванием».

Чтобы заткнуть рот своему собеседнику, обыкновенно говорили ему:

Мы, русские люди, любим критиковать все свое... Своим мы вечно недовольны... А вот все *чужое* — очень хорошо. Такова уже наша натура: мы любим «поплевать в самих себя»...

Такие тирады часто приходилось слышать вместо доводов в защиту того, что подвергалось критике.

А то и проще бывало — мать говорила сыну:

— Чего ты споришь, волнуешься, доказываешь всем их неправоту, их ошибки? Куда ты лезешь? Чего тебе надо? Ты на хорошем счету у начальства, у тебя, слава Богу, все есть — ты не нищий... А своей критикой ты испортишь себе не только служебную карьеру, но и всю жизнь! Молчи и делай на службе — что тебе приказывают!

Вот мышление большинства матерей, отцов и всех тех скромных людей, которые оберегали покой свой и своих детей, не заглядывая однако далеко, не видя и не предвидя, что общее «благополучие» приведет всех и очень скоро к небывалому несчастью — не только физическому, но и моральному,— к оплеванию души человеческой!.. о если этого не предвидели скромные отцы и матери — люди с малым кругозором, то — как могли этого не видеть власти и все «правлящие»?

А между тем власти настойчиво преследовали всякую критику, самую справедливую и спокойную.

Цензура добиралась даже до молитв, находя в них выражения, непочтительные для властей*.

О гонениях на людей, решавшихся критиковать существовавшие порядки, и говорить не стоит: пришлось бы исписать фолианты.

Все, что стояло у трона и на кого он опирался, тщательно закрывало перед Царем истинные картины жизни, да и само не знало действительной жизни. В своем неведении они рубили ветку, на которой сидели, подтачивали корни дерева, плодами которого питались...

А когда им указывали на это, когда их предупреждали о грядущей опасности, они злобно рычали и преследовали всякую критику.

* «Радуйся, Укротительница владык жестоких и звероподобных». См. Акафист Покрову Божией Матери.

Все обстоит благополучно — рапортовали они Царю до 1905 года, и — «Происшествий не случилось» — после Японской войны.

Самоуверенные властители и их подголоски и рептилии важно и громко заявляли:

«Ничего, все образуется. Успокойтесь, не волнуйтесь: вы не знаете России и ее народа, который — верит в Бога, любит Царя, чтит и повинуется властям!»

А между тем такие слова были: или грубая ложь, или явное доказательство незнания своей страны и своего народа!..

* * *

Церковь была прислужницей властей, а пастыри — чиновниками духовного ведомства, вполне зависящими от произвола высших духовных и светских властей.

Редкий пастырь владел сердцами и умами пасомых.

В церкви редко раздавался призыв к самоусовершенствованию и христианским *качествам*: догма и соблюдение внешних форм были Церковной пищей русского народа. Не этика, а формы были на первом месте у церкви. А при вечных житейских заботах необеспеченного духовенства и догма и внешность обращались просто в повинность, в отбывание номера. Не удивительно, что духовенство не владело паствой, а иногда даже вооружало ее против себя, давая повод к нареканиям и обвинениям в алчности и других житейских пороках!

* * *

Школа была не лучше.

Я не знаю — какой идеал гражданина или человека представляло себе наше Министерство Просвещения. Думаю, что — никакого. Оно просто не задавалось серьезно этим вопросом.

Дела шли сами по себе: шар катился по протоптанной дорожке. А дорожка была протоптана узкая, но гладкая, полированная — тупым молчанием, усердным послушанием и адским терпением!..

Терпели и полуграмотную школу, не говорившую о правде жизни и не звавшую к сознательной и правильной работе по усовершенствованию этой жизни.

Прошное преподносилось в фантастическом виде, рассчитанном на незыблемость русского «величия» и «всеблагополучия». Выйдя из школы, русский интеллигент должен думать и верить, что в России все хорошо, что в ней «все обстоит благополучно» и все невзгоды благополучно заканчиваются. Особенно хороша «победоносная» армия и исключительный в мире солдат, вышедший из «богоносного» народа!

О труде, о добросовестности на службе, о недостатках русской жизни и *правильных* (не революционных) путях для ее совершенствования никто в школе не говорил. Вообще в школе не было ни правдивого изображения жизни, ни делового и практического обучения.

Еще хуже стояло дело *воспитания*, ни стойкости, ни мужества, ни самоотверженности нигде не прививали молодым людям; а откровенность мысли и твердость характера вызывали опасные подозрения в вольнодумстве и своеволии.

Таким образом, из средней школы выходили люди с легковесным и непригодным к жизни багажом. Из низшей — малограмотные люди. А из высшей — теоретики-энциклопедисты, но весьма невысокой марки.

* * *

Особенно слаба была подготовка военной школы.

Учебная часть военных школ не была в почете, за исключением некоторых специальных школ. А воспитание базировалось на формуле: «гром победы раздавайся, веселися храбрый Росс!»

Ну, храбрый Росс и «веселился»! В чем другом, а в недостатке веселия его упрекнуть нельзя!.. Но в то же время «храбрый» Росс весьма боялся начальства и ради этой боязни был способен и на ложь, и на другую пакость. Храбрый Росс, впрочем, не боялся надуть начальство. Он очень быстро выучился «втирать очки» в глаза этому начальству и усвоил себе твердое убеждение, что начальство больше всего не любит беспокойства, неприятностей, скандалов, вообще «неблагополучия», а потому: все дурное надо от него скрывать и преподносить ему жизнь, как нервной женщине, лишь в розовом свете и аромате цветов.

Все обстоит благополучно! — кричал храбрый Росс в угоду начальству.

Так точно! Не могу знать! — лепетал он бессмысленно, чтобы окончательно расположить к себе «требовательное» начальство, и... надувал это начальство вдоль и поперек, с утра и до утра!

А начальство — все власти до Монарха включительно — верило в преданность и усердие подчиненных. И чем выше был начальник, тем тщательнее очищался путь его от терний, а следовательно, и от Правды. Таким образом, Правда менее всего была доступна тому лицу, которого господа лжецы и льстецы называли своим земным богом, т. е. Царю.

Помню — как трудно было протолкнуть наверх, а тем более к Царю какую-нибудь мысль о серьезной перемене в Государственном аппарате; например — мысль о необходимости упразднения привилегий гвардии, тормозящих службу армейского офицерства и закрывающих дорогу для массы честных и деловых работников.

Мысль эта казалась дерзновенной: гвардия была опорой трона, школой начальников (громадное большинство их было из гвардии) не только в войсках, но и в гражданском мире (сколько губернаторов и всяких сановников прошли только эту школу!); родством с нею были связаны все русские власти!

Однажды Канкрин, тогда министр финансов, представил в кандидаты на пост товарища министра финансов некоего Х.— гвардейского офицера.

А разве Х. знаком с финансовыми делами, служил в министерстве?— спросил Император Николай I-й.

Нет, — ответил Канкрин, — но он из Конной гвардии.

А! — одобрительно протянул Государь, и принял кандидатуру.

И вот, ту самую Гвардию хотели низвести на степень... Армии!

Все доводы о вреде гвардейских привилегий разбивались о боязнь встревожить правящий муравейник и погубить свою личную репутацию и карьеру, ибо такой дерзновенный «докладчик» немедленно был бы взят под подозрение, как вредный либерал, «левый»... И лучшие намерения разлетались, как прах. Храбрый Росс не раз отступал перед собственной дерзкой мыслью — творить Правду во имя общего блага!

Так воспитывались не только военные, но и вся Россия. Правда не доходила до верхов, а в особенности до Царя. А потому никто наверху не знал русской действительности во всей ее ужасной наготе.

* * *

Зачем России реформы? — думали даже серьезные сановники, — России незачем подражать «гнилой» Европе: она пойдет своей дорогой!..

У нас, слава Богу, нет парламента!— говорил премьер-министр Столыпин с трибуны Государственной Думы...

И то говорилось после войны 1904–05 года; говорил человек, коего считали «исключительным государственным умом»!

Всмотритесь в такого Столыпина, и вы увидите — как мало понимали русскую действительность люди, стоявшие далеко от народной жизни!

Жилось им самим хорошо, а остальное — вредная фантазия, либерализм и проч.

На такой основе жили и «благоденствовали» русские верхи.

У нас, слава Богу, нет парламента! — говорил министр-председатель.

Шапками закидаем! — подпевали ему господа «патриоты».

Все обстоит благополучно! — успокаивало военное министерство.

Гром победы раздавайся! Веселися храбрый Росс! — вторили ему военные верхи и середина.

Но когда вместо грома победы раздавались громовые раскаты поражений (1855–56 г., 1904–5 гг.), тогда во всем обвиняли... евреев, масонов, социалистов и всех — кого вздумается, только не самих себя, не свои порядки и свое поведение!

Организованной общественной жизни не было в России; следовательно, не было и того, что принято называть «общественным мнением». Откуда оно могло явиться, когда от «обывателя» требовалось только послушание властям, а всякие рассуждения об общих — государственных делах, и тем более их обсуждение, почиталось вредным либерализмом... «Обыватель» должен был верить, что рачительное начальство обо всем печется, обо всем думает...

Про то начальство знает!— говорил обыватель из низов.

Там, наверху сидят люди не глупее нас,— успокаивал себя и других средний обыватель, поигрывая в картишки или закусывая добрую рюмку «столового» вина.

Мы первая Держава в мире!— говорил сановник.

Надо быть «патриотом», а патриот не должен позволять вольнодумства и колебания государственных основ — ни себе, ни другим.

* * *

Россию сравнивают с колоссом на глиняных ногах. Но это сравнение не верно. Россия была организмом, в коем только небольшая часть органов имела применение; все остальное бездействовало и мало-помалу атрофировалось. Это было тело со связанными руками и ногами, со сдавленным желудком и ущемленным черепом.

Ни естественные богатства страны, ни ее живые силы не были использованы должным образом.

Верхи не хотели общего участия в общем деле.

Они хотели управлять всем *сами!*

Это то самое, что потом случилось в Деникинской и во Врангелевской организациях. Это то самое, что принято называть «лавочкой». «Лавочка» была у Царя. «Лавочка» была и в других организациях после февраля 1917 года; «лавочка» и теперь у большевиков. Всюду — «свои». Дело общее, а управляют только «свои»! И в этом еще нет беды в теории: не всем же быть наверху, у руля; *пусть будут на верхах «свои»; но пусть делают хорошо общее дело*, именем которого они добрались к власти! *Пусть эти «свои» поступают так, как умный или дальновидный хозяин*. Он тоже не советуется со своими работниками, не жмет им рук, не говорит льстивых речей, не составляет из них ни «советов», ни парламентов. Но он, прежде всего: знает свое дело и свое хозяйство; он действительно обо всем заботится, обо всем

думает; *все любит, все бережет*, все направляет, *всем дорожит* — будь то человек, лошадь или вещь. *Ко всему он подходит с любовью и умением...*

И хозяйство его преуспевает, и все им довольны, все любят его, и даже скот доказывает это, как может.

Почему же наши «лавочки» не уподоблялись такому умному хозяину, почему их психология тянула их прежде всего к актам грубого эгоизма, при полном отсутствии предвидения?

* * *

Потому, что ни в семье, ни в школе, ни на службе — не было надлежащего воспитания.

Все в России исходило сверху — и требования, и указания, и поощрение, и наказание. Царь был земным бгом, по крайней мере по словесной идеологии. Он был «батюшка», и законодатель, и судья, и вождь. Все шло от него и через него. Недаром один из великих князей говорил: «Россия, это — вотчина Романовых». Ему, владельцу вотчины — всякий почет и уважение. *Но — на него же падает и ответ за непорядки в вотчине, особенно если он владеет ею давно и самодержавно.*

Права и ответственность *старшего* — есть закон всякой правильной организации.

Старший должен все знать, что к его организации относится, все направлять, всех учить и всех воспитывать... К тому же, я полагаю, что при искреннем желании Самодержца — никто не может преградить ему путь к знанию действительности и к Правде. И тогда не нужно было бы защищать Самодержца жалкими словами: «он не знал», а самому ему не пришлось бы записывать в свой дневник запоздалого открытия, что — «все кругом ложь, обман и измена!»

Но в России, по примеру Царя, «не знал» и министр, и всякие другие власти!.. Не знали того, что нужно было знать, и не делали того, что следовало делать.

Великий Император французов Наполеон Первый, вникавший во все государственные дела, находил время — и для бесед с солдатом, и для экзамена офицеру, и для проверки строевой подготовки юнкера, и для знакомства с настроениями парижских обывателей, и для чтения записки о «пароходе», и для личных рекогносцировок на войне, и для проверки там сторожевой службы, и для наблюдения за выходом и размещением войск на позиции, и для ознакомления с настроением войск перед боем, и для воодушевления их в бою!

Нельзя, конечно, требовать от всех энергии, выносливости, памяти и знаний Наполеона, т. е. всего того, чем характеризуется гений. Но — кому много дано, с того и много взыскивается. А если шапка Мономаха тяжела, то надо снять ее *вовремя!*..

Но, увы, власть так гипнотизирует людей, что они не в силах оторваться сами от нее. Самодержавие, как и парламентаризм, имеет свои плюсы и свои минусы, и первые могут доминировать только при соответствующей *личности* Самодержца!

После Екатерины II-й самодержавие было очевидно не по плечу его носителям. Эта очевидность вытекает из состояния всего государственного аппарата и всего народного хозяйства.

* * *

Но что особенно говорит не в пользу русской власти, это — состояние, подготовка Армии, той самой Армии, которая была всегда любимым детищем русских Самодержцев во все времена!

Армия непрерывно поглощает колоссальные средства и все же постоянная, хроническая «неготовность» тяготеет над нею!

Еще в 18-м веке она кое-как преуспевает, выдвигая и таких военных людей, как Суворов, Румянцев, Багратион, Кутузов (дней Суворова, а не 1812 г.).

Но 19-й век в общем является *почти* сплошным поражением русского оружия!

И в этом нет ничего удивительного, если вникнуть в состояние всего русского хозяйства. Если оно не лопнуло раньше, то только благодаря колоссальным природным богатствам страны и невероятному терпению народа, выносившему и своеволие верхов, и их бесхозяйственность.

Но всякой расточительности, невежеству и безумию бывает один конец — крах.

* * *

Главные особенности русского народного хозяйства (государственного устройства) вытекали из всего прошлого России. В России были две расы людей: «барин» и «мужик». Барин — это не только тот, кто был у власти, не только помещик и богатый человек, а всякий прилично одетый человек и притом, конечно, грамотный. В противоположность ему мужик — крестьянин, рабочий, прислуга, все это — темнота, среди которой читающий и пишущий человек — редкость. Барин жил преимущественно в городе, а мужик в деревне, на фабрике, на заводе.

Мужик жил бедно. Земли у него было мало. Но еще хуже были условия землевладения (общинное владение, ежегодные переделы, черезполосица, удаленность земли от жилища). К тому же народная темнота сказывалась и на приемах обработки и пользования землею. Впрочем, в последнем вопросе главную роль играла бедность и малоземельность, а не темнота. Мужик знал, что под озимый хлеб землю надо пахать в июле или августе, а не в сентябре и октябре. Но у него к нужному времени не было свободной земли и свободного

инвентаря. Мужик знал, что «стойловое» содержание скота выгоднее «пастбищного» на лугах и жнивьях; но травосеяние требует земли и обработки, а пастбища — или нанимаются по дешевой цене, или... скот пасется где придется, иногда на чужих угодьях.

Земледелие — главное занятие русского народа — находилось в плохом состоянии. На юге России, например, в Харьковской губернии — 50 пудов зерна с десятины считается хорошим урожаем, особенно в крестьянском хозяйстве. А между тем при хорошей обработке и при правильном хозяйстве средняя по качествам земля в этой местности может дать 100 пудов зерна, а хорошая земля — до 300 пудов с десятины!

Бедность крестьянская сквозила и во всем их обиходе — жилище, одежда, пища, уход за детьми, содержание самих себя... Всюду грязь, ветхость, невежество, суеверие, беспомощность в случаях болезни или иного несчастья. Вообще жизнь крестьянина была тяжела физически. Конечно, были и богатые крестьяне, и даже очень богатые, но это — единицы среди нуждающейся и грязной массы.

* * *

Еще хуже обстояло дело с духовной стороны. Здесь «поле» крестьянина было еще уже и еще более худосочно. Школ мало: на 20–30 верст одна да и та плохо обставленная. Не удивительно, что грамотность в деревне была редкостью и притом преимущественно в форме «малограмотности». Еще недавно русский мужик ставил на бумаге вместо подписи три креста. Сельские учителя были под подозрением. На них смотрели, как на агитаторов. Школы были крайне бедны всем, даже отоплением; библиотеки были самые жалкие. В довершение всего школа посещалась только осенью и зимою: в остальное время дети помогают родителям в хозяйстве.

О влиянии духовенства я уже говорил.

Духовенство скорее плелось по протоптанной стезе серой деревенской жизни — с ее заботами о хлебе насущном и о всяких «достатках», и вообще о всем совершенно земном! Не только духовного экстаза и божественного огня не было у деревенского духовенства, но оно не светилось даже в виде дымных лучинок! «Поп» в устах народа был синоним алчности и олицетворением земных забот.

Исправная бричка, сытые лошадки, румяная и многочадная попадья, обильное хозяйство на церковных землях и чистенький домик при церкви — вот идеалы русского сельского священника.

Если жизнь была скудна, за отсутствием церковных угодий или тороватых помещиков и купцов, то приходилось «нажимать» на требы. А на Украине был даже обычай

«линования», т. е. объезда подряд (в линию) всех прихожан; причем священник угощал вином, а крестьяне дарили ему всякий — кто что может: кур, яиц, муку, зерно, лен и т. д.

В области священнослужения царила догма и обрядность. Деревенская паства не слышала сильного, вдохновенного слова — проповеди любви и помощи ближнему, проповеди истинной христианской морали. Народные массы были во власти суеверия, предрассудков и грубого невежества. В деревне царил примитивный жизненный уклад и жестокая грубость нравов. Мужик находился на весьма низкой степени развития человеческой культуры.

Интеллигентных сил в деревне было очень мало, да и какие это были силы!

Школьный учитель, фельдшер, писарь, «поп» — все это думало только о себе, о своем «достатке».

Если школьный учитель и отходил иногда в область «умствования» и критики, то — только от досады на свое жалкое существование. Будь этот учитель хорошо обставлен и хорошо оплачен — никакая «пропаганда» не полезла бы ему в голову.

Фельдшер и писарь слишком были заняты алкоголем и собиранием «дани» от крестьян: им некогда было разговаривать о «высших» предметах. В некоторых больших деревнях были и другие интеллигенты, например: судья, следователи, доктора, купцы, полицейские и иные чиновники, земские начальники, помещики. Но все это влачило жалкую жизнь русского «обывателя», для которого воля начальства — единственный закон жизни, а карты и выпивка — лучшее препровождение времени и даже — главное занятие.

Земские деятели сидели в городах на положении чиновников или в своих усадьбах — при своих хозяйствах. Мало кто из них вносил живительную струю в деревенский уклад, мало кто улучшал условия существования вверенных им масс. Большею частью это были разорившиеся помещики или недавние корнеты и поручики. Что могли они «творить», кроме того, что творила вся обывательская Россия, т. е. жила для себя, праздно, непродуманно и даже вредно, так что вызывала справедливые нарекания бедноты, которая вообще таила глухую ненависть к «барам» и ко всему тому, что носило следы «панования». Даже в тех случаях, когда в деревне появлялся деятельный и всем полезный помещик или другой интеллигент, то и тогда крестьяне относились к нему с недоверием.

Известно, барин, — говорили они. — Балуется, тешит себя!

И такое отношение сложилось, конечно, не со вчерашнего дня, а со времен татарского ига, *от вековой неправды, которую видело низшее сословие от высшего; немущие — от имущих*. И надо сознаться, что в общем мужик терпеливо выносил свое положение, повинуюсь начальству и почитая (с внешней стороны) барина.

Помню, в 1915 году, когда наши армии отступали по всему фронту, оставляя немцам русские области, крестьяне покидаемых местностей были в отчаянном положении, не зная — что делать: бежать или оставаться с немцами, жечь ли свои гнезда или прятаться в них, отдаваясь на волю победителя? С этими вопросами они бросались к властям в каждом населенном пункте. Но властей — и след простыл! Не только губернаторы, начальники уездов и вся полиция бежали в первую голову, но не отставали и священнослужители.

Командуя конным отрядом, я прошел много деревень, сел и городов, *покинутых властями*. Крестьяне обращались ко мне с мольбой: что делать? Но что мог я сказать им, которым до сих пор упорно говорили, что «немец у них не будет», — когда этот самый немец шел в 1–2-х верстах за мною (а иногда и ближе)?

Вы наши отцы, наши начальники! — молили крестьяне.

А эти «отцы-начальники» давно «драпнули», спасаясь от германцев.

* * *

Теперь бросим беглый взгляд на жизнь этого «начальства» в мирное время.

Все «правлящие» принадлежали к культурной и христианской среде. Однако, *редко можно было встретить на практике применение принципов морали и указаний христианского учения*. Всюду превозносились дворянские достоинства; дворянством кичились, его привилегии считались нормальными.

Мужик и даже небогатый купец считались «черной костью», и соответственно этому с ними обращались. С детства я привык видеть мужика в роли «просителя»; при этом просьбы его сопровождались низкими поклонами, целованием рук и даже коленопреклонением. С годами это изменилось. Но материальная зависимость от «правлящего» сословия была все же велика. Власть, даже провинциальная, могла скрутить мужика, как угодно. А властью для него были все чиновники и все должностные лица, начиная от старосты и урядника и далее до бесконечности... Уже урядник, писарь и староста брали приношения, а о других и говорить нечего. Без приношений нельзя было добиться не только правды, но даже приема.

Я говорю о провинции, ибо в столице там надо было иметь еще и «протекцию», без которой и приношения не помогут.

Конечно, приношения давались в зависимости от ранга и обстановки; иногда они выражались во взаимных услугах.

Вообще власть была далека от просителя, если этот проситель не мог со своей стороны быть полезным для власти. Приношения и серая, но сытая и праздная жизнь составляли особенность «правлящих» кругов, особенно русского чиновничьего люда. Типы Гоголя и Чехова не переводились на Руси, и «правлящая» Россия по-прежнему веселилась:

охотилась, играла в карты, танцевала, болтала в гостиных и на службе, пила, закусывала, интриговала, сплетничала... К делу относились формально: лишь бы отписаться, лишь бы на бумаге все было хорошо. А относительно дела вообще было такое мнение, что оно «не медведь — в лес не убежит». Везде, конечно, говорились хорошие слова и красивые речи — при случае. Но также везде на первом месте были *эгоистические* побуждения. Прописные истины и заповеди морали сообщались в школе и не отвергались открыто обществом; но в то же время всюду процветали: взяточничество и хищения, праздность, кутежи, легкомыслие, невежество и недобросовестность. И над всем этим стоял общий социальный порок: *имущие жили для себя, не заботясь о бедной, немущей массе*, вызывая этим и справедливую критику, и зависть, и злобу, и ожесточение...

Если бы при всех своих недостатках «правлящие» знали бы хорошо государственную машину и держали бы ее в порядке, то это было бы еще терпимо: «пей, да дело разумей», говорит русская пословица. Но беда именно в том и есть, что при всех своих недостатках и пороках «правлящие» не знали своего дела. Незнание своего дела, незнание обстановки данного момента — характерная черта всей русской бюрократии (всех ведомств), особенно — высшей.

«Они не знали» («ils ne savaient pas») — крылатое слово Людвига Надо, может служить девизом русских правящих классов, определяющих их главную особенность.

Они не знали своего народа, его бедности, его недоверия и ненависти к ним; его темноты и звериных наклонностей... Они не знали своего государственного аппарата и своих собственных работников и слуг... Они не знали своей Армии... Они не знали своего действительного положения — на вулкане!

* * *

К особенностям русских порядков до мировой войны надо причислить и отношение русской власти к инородцам, а в частности к евреям.

В отношении окраин русского государства (Польша, Финляндия, Кавказ) существовали ограничительные законы, которые применялись с большей или меньшей строгостью в зависимости от взглядов местного сатрапа: сегодня — так, а завтра — иначе.

Только немецкая национальность пользовалась издавна совершенно исключительным благоволением русских властей. Недаром одному из русских генералов* приписывают просьбу к Императору Николаю I-му: «Произведите меня в немцы».

* Ермолову.

Что касается евреев, то в отношении к ним ограничительные законы были весьма разнообразны.

Особенно стеснителен был закон, ограничивавший их в праве жительства «чертою еврейской оседлости».

Конечно, все ограничительные меры приносили большой доход полиции и администрации и ложились главной тяжестью на еврейскую бедноту: богачи жили где хотели и как хотели.

Что касается русского общества, то оно, в общем, было всегда благодушно настроено и к инородцам и к иноверцам. Однако к евреям отношения носили всегда оттенок недоверия и отчужденности.

Объясняется это, конечно, прежде всего историей Нового Завета, бросающей семя нерасположения к евреям, мучившим и убившим Христа. Некоторое значение имеют и специфические качества этой национальности. Однако отношение русского общества к евреям носило скорее характер насмешек и пренебрежения, чем злобы и ненависти. Народ русский почти не знал евреев. Только в пределах черты оседлости, где целые села были почти сплошь заселены евреями, — народная масса хорошо знала их, да в Малороссии оставались еще следы воспоминаний участия евреев в «шляхетских» порядках 16-го и 17-го столетий.

В черте оседлости еврейство было могущественным фактором жизни, и думаю, что без евреев не только чиновничество, но и население было бы, как без рук. Отношения здесь носили деловой характер. Озлобления или ненависти к евреям в населении не было.

Совсем иначе относились к евреям носители власти. Там всегда была эксплуатация, в том или ином виде; а иногда и легкомысленное своеволие. Последнее особенно проявлялось в офицерской среде, которая позволяла себе не только насмешки, но иногда и очень злые выходки по адресу евреев.

Во всяком случае общее положение евреев в России было таково, что вряд ли кто-нибудь из русских обывателей хотел бы хоть на время побывать в шкуре русского еврея.

Но до 1905 года отношения эти не имели политического характера.

После позорной войны 1904–5 годов русским властям, не пожелавшим признать своей вины и честно пойти по пути назревших реформ, понадобился «козел отпущения». Таковым сделали социалистов.

А так как социалисты укомплектовывались в значительной мере еврейской молодежью, то виновными во всех невзгодах России и в волнениях среди населения оказались... евреи.

Власть явно поощряла все нападки на евреев, как в печати, так и словесной агитацией.

При благосклонном содействии власти расцвел так называемый «союз русского народа», а потом начался и «погромный» поход против евреев.

Власть не стеснялась ничем: где деньгами, где служебным влиянием, где невежеством темного народа или наивностью общества — власть разливала и развивала ненависть к евреям...

Положение евреев сделалось весьма тяжким.

Но так как на этой «погромной», антисемитской политике многие делали себе служебную карьеру или просто обогащались (Дубровин и К°), то не предвиделось конца этому походу.

Поход против евреев вскоре слился с походом против Государственной Думы, так как и евреев и Думу обвиняли в пропаганде «революционных» идей, хотя в действительности Дума требовала только: прекращения произвола, бесконтрольности и бесхозяйственности русской власти.

Власть в лице многих ее представителей (Плеве, Дурново и др.) захлебывалась в обвинениях русской общественности и еврейства и допускала такую неправду, которая в некоторых случаях не уступит и большевикам...

Значит, и тут можно сказать: «что посеешь — то и пожнешь».

ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИИ ДО МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Окончив Михайловское артиллерийское училище в 1888 году и едучи на службу в одну из конных батарей Варшавского военного Округа, я рисовал себе тесную и дружную офицерскую семью, всецело поглощенную интересами военной службы, а сию последнюю полагал, как вполне законченную военную систему — воспитания и обучения.

Все обдуманно «там», — думал я, — все на своем месте и все имеет одну цель — войну.

Каково же было мое удивление, когда я очень скоро убедился, что о «войне» нет и помысла. Все мысли, все силы и заботы были направлены на «хозяйственные» интересы, и притом — не казенные, не общие, а — личные интересы командира батареи! Вспоминали иногда про начальство: приедет ли и когда; если приедет, то — как его «принять», ублажить, как «втереть ему очки в глаза»? Мой командир батареи полковник Ос....ий смотрел на вверенную ему часть, как на свою собственность. Достаточно сказать, что все казенные суммы хранились не в денежном ящике, у которого стоял часовой (непонятно — зачем), а в спальном комнате командира, в чулке его жены, которая исполняла обязанности денежного ящика и часового по отношению всех денег — и казенных, и личных полковника О....го; и

что часть батарейных лошадей и людей находилась в имении командира батареи, где-то на юге России.

Понятно, что при таком взгляде на казенное имущество все в батарее велось так, чтобы любопытный, хотя бы и неопытный, глаз офицера не проникал бы в тайны батарейных дел. Вот почему офицеры были почти свободны от занятий; таковые производились вахмистром, унтер-офицерами и старым берейтором. Занятия велись больше всего как-то по «преданию», передавая знания от поколения к поколению...

Помню, как старый поручик К-й радовался всякому празднику и воскресному дню, говоря: «Слава Богу — завтра праздник».

— Чему Вы радуетесь?— удивленно спросил я,— ведь и в будни Вы также ничего не делаете?

Видите ли, в праздник я не работаю для службы на *законном* основании, а в будни чувствую какую-то неловкость, — ответил он мне.

Пытался и я внести свою лепту военных познаний — занимаясь с солдатами; но скоро мне дали понять, что в моих услугах не нуждаются и что я должен являться только в строй батареи, когда то будет указано приказом батарее. Осекшись в своем служебном рвении, я принялся обучать солдат... малороссийским песням и бальным танцам! Это не анекдот. Танцам обучать разрешалось, и вся батарея танцевала отлично... мазурку, вальс a trois temps, кадрили, польку и камаринскую!.. Я мог бы рассказать много забавного, пахнущего анекдотом, о первых годах службы, но сейчас — не до анекдотов, не до смеха...

В первый же год службы я натолкнулся на две основные черты русского военного быта: эксплуатацию служебного положения и казенных средств в интересах частной личности и — профессиональное невежество.

В дальнейшем я убедился, что *оба эти свойства, в большей или меньшей степени, составляют принадлежность всего русского чиновничества — и военного, и невоенного.* Министры пользовались целыми домами с обстановкой, причем комнаты отделялись по их вкусу и заказу, а чиновники «для поручений» и «личные» и неличные адъютанты служили им, как лакеи и «посыльные»; поездки совершали с крупными «прогонными» деньгами, пользуясь, в сущности, дармовым проездом и роскошными «приемами»... То же делалось, конечно, и всеми чиновниками по нисходящей лестнице, включительно до вахмистров и каптенармусов, кои тянули лишнюю и лучшую «порцию» из общего котла, имели неположенного им «денщика», содержали свиней и домашнюю птицу на артельные «остатки», получали лишнее обмундирование и т. п. Все — что могло и хотело — пользовалось казною в своих интересах. А «могли» все те, кто распорядился хоть

небольшим имуществом или деньгами («кормил хоть казенного воробья») или влиял на судьбу таких «распорядителей», а «хотел»... хотели очень и очень многое.

Доказывать эти печальные выводы фактами — значит ломиться в открытую дверь.

За 35 лет службы я встречал очень мало людей, которые не пользовались своим положением и казенным имуществом, хотя бы только для увеличения своего комфорта и представительности (автомобили, экипажи, лошади и проч. и проч. — не назначенное для частных надобностей или несоответственно высоким качеств). Конечно, такие люди были — и по приверженности к принципу и по богатству не имевшие привычки пользоваться казенным имуществом выше законной нормы; но они не были в большинстве. Несомненно также, что и уродливый тип моего первого командира батареи не был весьма распространен; но он имел довольно много единомышленников и подражателей, особенно среди людей «доброе старое времени» — когда кавалерийские части давались самим Императором Николаем Павловичем «для поправки» дел разорившегося воина.

Явление, мною подчеркнутое, т.е. *эксплуатация служебного положения и казенного имущества в личных интересах* служащих, было и, вероятно, есть везде (а в России сейчас оно приобрело особенно выпуклый вид). Но, чем культурнее общество и чем деятельнее и честнее власть, тем менее простора для таких ядовитых и расслабляющих явлений. В России подобные явления не находили — ни соответствующего воздействия власти, ни ее надлежащего примера, ни должного осуждения в обществе.

От легкой эксплуатации казенного имущества некоторые переходили и к более крупным злоупотреблениям: взяточничеству и воровству (растратам), которые не всегда кончались судом, а иногда — только удалением виновного со службы...

Однако, материальная недобросовестность есть качество, с коим многие честные люди мирятся: «пей, да дело разумей», вспоминают они по этому случаю, и я готов бы с ними согласиться (хотя и добавил бы: «кради, но не до бесчувствия»).

Великий Император французов прощал своим талантливым и деятельным генералам, когда обнаруживал их грехи в области стяжания и жадности. И все мы часто прощаем людям их слабости, если видим их таланты, даровитость и приносимую общему делу пользу.

Но ужас русской жизни состоял именно в том, что незнание своего дела было качеством еще более распространенным, чем материальная недобросовестность.

Мой первый командир батареи — типичный скаред и стяжатель, всецело был погружен в хозяйственные соображения; для него «военное дело» было излишней ношей, и надо отдать ему справедливость — в этом деле он был невинен, как младенец. Но так же невежествен в сущности был и другой мой начальник — блестящий полковник О...в — знаток лошади, отчасти — манежа, и только. Так же малосведущ даже в артиллерийском

деле был и третий командир батареи — скромный и честнейший полковник Д. Но что печальнее всего и что является объяснением (причиной) невежества низов военной иерархии, это то — что первые два командира были *на очень хорошем счету* у начальства, коему они артистически «втирали очки в глаза». И добро бы, если бы это делал только полковник О-в — отличный ездок, представительный мужчина; но ведь это делал и кикимора О-ий.

Да еще кому втирал он очки? Самому фельдмаршалу И.Вл. Гурко — боевому генералу, грозе Варшавского округа!

Как делалась эта операция — для нас, вкусивших плоды от всех русских «операций», — не важно.

Важно то, что сверху предъявлялись требования, не имевшие ничего общего с будущими военными действиями (по тому времени — с русско-японской войной), и что поэтому люди, совершенно незнакомые с военным делом или мало знакомые с ним, могли удовлетворить и даже радовать грозное начальство.

Требования эти базировались на старых, давно отживших тенденциях и формулах, и выражались почти исключительно в декоративных действиях, а зачастую в простом обмане или самообмане. На военном поприще не требовалось глубоких знаний военного дела, проникновения во все его изгибы и тайники. В низах иерархии требовалась покорность и услужливость, а на верхах — изворотливость и умение приспособляться.

Так делались карьеры.

В эти области текла мысль и энергия русских людей.

Не удивительно, что даже в 1908 году собрание офицеров Генерального Штаба Н-го округа, руководимое самим Начальником Генерального Штаба ген. П-м представляло жалкую картину бедности знаний во всех областях военного дела, не исключая даже области своего полевого устава, а о новых тенденциях и приемах в деле применения средств войны и говорить нечего, (На этом занятии я впервые увидел генерала Алексеева — правую руку генерала П. Его считали почему-то «выдающимся» генералом. Но генерал этот не внес ни одной мысли в занятие; он попросту не произнес ни одного слова и на меня произвел *удручающее* впечатление).

Неудивительно также, что в том же году на занятиях кавалерийских начальников всего округа и командиров армейских корпусов генерал Брусилов одобрительно слушал доклад полковника Б. о том, что в будущей войне конная артиллерия будет *«выскакивать из-за флангов кавалерии»* или *«в интервалы между ее частями»* и т. д. И весь этот вздор и другой ему подобный говорился в течение 10-ти дней в присутствии громадной аудитории, после опыта русско-японской войны! И возражал только *один* человек, хотя сочувствовали

ему многие: но никто не желал подвергать себя неприятностям столкновения с влиятельным командиром корпуса (Брусилов командовал тогда 14 арм. корпусом). Как характерно это для обрисовки русской военной жизни и навыков! Карьера прежде всего. А карьера делалась не знанием дела, не защитой своих убеждений, не очищением истории от лжи и преувеличений реляций, не осуждением старых приемов и выдвижением им на смену выводов отвлеченных из группы *правдивых* фактов... Карьера делалась — угодливостью, покорностью, непотворением и даже просто молчанием... А поэтому и военное дело не изучалось серьезно, никто не углублялся в него; никто не разбирался в прошлом так, чтобы отделить вымыслы от правды и сделать эту правду поучительной для будущего.

Возьму для примера несколько военных операций из прошлого и для краткости отмечу лишь наиболее характерные черты.

* * *

Историки и военные учебники говорят, что в 391 году до Р. Х. Александр Македонский разбил персидского царя Дария на Гавгамельской равнине, у Арбел. Это несомненно правда, так как только победа над армией могла отдать в руки Александра царство Дария. Но на этом и кончается вся правда. Когда историк рассказывает — как совершалась эта победа — он безобразно искажает картину действительности, в чем нетрудно убедиться, приложив к прошлому масштаб реальной жизни. Историк говорит, что у Дария было сосредоточено под Арбелами 400 тыс. войск, из коих 50 тыс. конницы. Величайший военный гений мира, защищая свое существование под Лейпцигом в 1813 году, не имел более 150 тысяч войск, да и то не на 10-тиверстном фронте Гавгамельской равнины, а на 30–40-верстном фронте вокруг Лейпцига! Возьмите величайшие сражения последней эпохи — Кенигрец 1866 г., Гравелот 1870 г., Мукден 1904 г. и даже последнюю гигантскую войну — вы не найдете на 10-верстном фронте 200 тысяч! Но ведь средства сосредоточения, размещения, а главное, продовольствия ныне стоят несравненно выше, чем было прежде.

Всякому военному известно, что малейшая приостановка *подвоза продовольствия* для корпуса в 40–60 тысяч, размещенного на фронте в 40–50 в., вызывает голодовку *даже в наше время* в населенной, культурной стране. Как же могли жить 400 т. людей с 100–150 тыс. лошадей, сосредоточенные на 10–20 верстном фронте???

Но еще острее стоит вопрос с их движениями, маневрами. Правда, историк не стесняется: он двигает армию Александра как угодно — и в этом да простит ему Бог, ибо численность греков он указал только в 40 тысяч; но как Дарий двигал свои войска — это трудно себе представить!

Между тем историк говорит, что Александр *повернул* свою армию направо и двинулся вдоль фронта персов, чтобы выиграть их фланг, но Дарий заметил этот маневр и... «*повернул*» свою армию налево.

Попробуйте в несколько часов изменить фронт 100-тысячной армии, не говорю 400-тысячной!

И в наше время, время телефонов, аэропланов, автомобилей, для одной только *передачи* распоряжения по всем частям потребуется немало часов.

Правда, там было только 10 верст по фронту: но вспомните наши царские смотры после больших маневров. На участках в 10–16 верст были сосредоточены 100–80 тысяч войск, и каких забот и затруднений стоило такое сосредоточение, как трудно было выполнить даже то, что было намечено и предписано заранее. Вымысел о 400-тысячной армии на тесном фронте, да еще в некультурной стране, становится грубым.

Также неправдоподобно упоминание о 50 тысячах конницы. 50 тысяч кавалерии, это — 17 кавалерийских дивизий *полного* состава по нашему времени, т. е. почти вся русская кавалерия до мировой войны! Но ведь Персия времен Дария не может сравниться с Россией 20 века.

А кто может представить себе 50 тысяч конницы, т. е. 11 кавалерийских дивизий, на 10-верстном фронте, да еще совместно с 350 тыс. пехоты?!

Я не в состоянии представить себе такого сосредоточения кавалерии... Я видел под Скерневицами на царском смотре 5 кавалерийских дивизий, но они никаких движений, кроме церемониального марша, не производили; когда же Великий Князь Николай Николаевич (тогда — Генерал-Инспектор русской кавалерии) попытался прорепетировать простой заезд плечом развернутым фронтом (вернее — боевым порядком) этих дивизий, и только с помощью офицерской линии (без войск), то из этого ничего не вышло: не хватило места и потребовалось много времени.

Но ведь 5 дивизий — не 17!

* * *

С таким масштабом здравого смысла и честного, правдивого анализа военных событий можно пройти через все эпохи и очистить военные явления от облепившей их коры из лжи и преувеличений, т. е. сделать их такими, какими они были в действительности, проникнуть в их сущность, установить связь причин и следствий, — словом: сделать их поучительными для будущего.

Что поучительного даст, например, рассказ историка о Рымникской победе Суворова?

У Суворова 7 тыс. войск, у Кобурга 14 тыс. (австрийцев), и с этой 23 тысячьо Суворов разбивает наголову 100-тысячную турецкую армию, в том числе 50 тыс. конницы

(опять 50 тысяч)! Все это пахнет татаринном, при помощи которого русский богатырь разбил всю татарскую рать, приговаривая при этом: «а и крепок же татарин — не изломится, а и жиловат собака — не изорвется». Нам не это нужно; нам нужно поучение, показательный опыт, пример. А какое поучение можно извлечь из сказки о 100 тысячах людей и 50 тыс. лошадей, собранных на 4-хверстном фронте Рымникского поля сражения? Я не стану разбирать нелепой сказки об этом бое: достаточно сказать, что рассказ о действиях турецкой конницы просто карикатурен: 12 тысяч кавалерии «выскакивают» из-за леса, 20 тысяч конницы «выскакивают» из деревни и тому подобный вздор!... Но я подчеркиваю, что эти сказки не ограничиваются древними временами или русскими войнами. Они проникли в той или иной форме во всю военную историю, например, в Фридриховскую эпоху, откуда мы всегда черпали идеалы, особенно для кавалерии.

Происхождение этого сора истории, наращение лживой коры на исторической действительности вполне объяснимо: греческий историк, желая придать больше блеска победе Александра Македонского, прибавил ноль к цифре войск Дария; Суворовский адъютант, составлявший реляцию о сражении под Рымником, спросил Суворова: сколько показать турок убитыми и, получив ответ, — «пиши больше, что их жалеть!» — написал, что турок похоронено 10 000; ясно, что было их не менее 100 тысяч; а о коннице он, конечно, имел слабое представление. Фридриховские победы ослепили весь тогдашний мир, который вообразил, что формы и *картинки**, показываемые Фридрихом на плац-парадах, составляют секрет всех его побед!

Сор надо выместь, кору снять. Только тогда опыт прошлого может быть полезен для будущего.

Русская военная наука этого не делала и не пыталась сделать. Еще в 1912 году в книжке Ф.К. Гершельмана, довольно известного русского кавалерийского генерала, «Современная конница» — мы находим сказку о 500 тысячах конницы *с каждой стороны* в бою Аттилы с Аэцием на Каталаунской равнине!

Если летописцу Нестору можно простить сказание о том, будто «от скрипа татарских телег вокруг Киева не слышно было человеческого голоса в городе», то 1 миллиона конницы, собранной на Каталаунской равнине или 50 тыс. конницы на Рымникском поле, 40 тысяч конницы на Бородинском поле (по 20 тыс. с каждой стороны) — нельзя простить русской военной науке 20-го века. И не потому лишь, что все это — вздор, ложь: а главным образом потому, что наличие этой лжи, перенесение ее в выводы военной науки знаменует

* Против них восставал Зейдлиц.

поверхностное отношение к своему делу и бесполезность для будущего кровавого прошлого всего мира и нашей Родины в особенности.

* * *

О, это прошлое! Если бы мы знали его? Если бы знали его не по Иловайскому и другим «казенным» книжкам, а по-настоящему — осязая причины и следствия — мы не получили бы нынешнего позора и страданий! Если бы вместо изучения хронологии о вступлении на престол того-то или того-то, о победах и мирных договорах мы изучили бы историю борьбы в России *неимущих с имущими, голодных с сытыми*; если бы мы знали *по-настоящему* — что такое бунт Стеньки Разина, Емельяна Пугачева, восстание казаков против Польши в 1648 году, гайдамацкие набеги, — мы не вели бы себя так легкомысленно в течение целого века! Мы знали бы хорошо — почему и Разин, и Пугачев, и казацкие вожди находили себе сочувствие в народной массе — темной, бесправной, озлобленной и жестокой. Мы уменьшили бы темноту, бесправие, озлобленность и жестокость народную и сделали бы из народных масс своего друга или преданного сожителя, а не врага и завистника... И тогда не страшны были бы ни призывы Разина, Булавина, Пугачева, ни зажигательные речи мечтателей 20-го века. Если бы мы изучали *добросовестно* тяжкие победы Петра Великого (под Полтавой Петр с 63 тысячами едва не был разбит 13-ю тысячами шведов); блестящие успехи Суворова (конечно, без ненужных преувеличений); посредственные действия русских армий в 1812–14 годах и совершенно неудачные действия ее в 1854–56, в 1877–78, и в 1904–5 годах, — то мы *прониклись бы* энергией и организационным упорством Петра; подвижностью, глазомером и решительностью Суворова: глубоким и твердым сознанием вреда, приносимого всем от интриг, карьеризма, профессионального невежества, отсутствия народного воспитания и преданности общему делу, т. е. всего того, что создало нам Аустерлицы, Фридланды, Плевны, Мукдену...

Прошлый опыт нужно изучать добросовестно, не для того только, чтобы знать, как применить орудия войны, но и для того, чтобы знать: как их *готовить*, как *воспитать* и *учить* людей, чем и как их снабжать, как пополнять снабжение, как эвакуировать все пришедшее в негодность, а главное — как *влиять на людские массы*.

* * *

На все эти вопросы в России не было точного и продуманного ответа. Русская Армия не знала в сущности — что такое она сама и для чего она существует. Формула — «для защиты Царя и Отечества от врагов внешних и внутренних» — слишком неопределенна и растяжима, а состав армии и ее *порядки* совершенно не соответствовали ее задачам даже в

узком смысле вышесказанной формулы: *такая* армия *не способна* была защищать ни Царя, ни Отечество от каких бы то ни было врагов, что доказала блестяще и под Аустерлицем, и под Фридрихсдорфом, и под Плевной, и в Крыму (1855–56) и в Маньчжурии и наконец в мировую войну 1914–16 г. и в дни «бескровной» революции! Короче говоря: в России не было не только правильной, но и вообще никакой *военной доктрины*.

* * *

Под «военной доктриной» я разумею: принципы для работы на войне, принципы (главные положения) для подготовки в мирное время *всех* средств и деятелей войны (всех ее факторов); ясное сознание, что армия существует для войны, как часть народного хозяйства, обеспечивающая Государству самостоятельное существование.

Военная доктрина должна явиться результатом глубокого знания военного дела вообще, а своего отечественного в особенности, но без скрывания недостатков прошлого, а наоборот — с твердым намерением отделаться, освободиться от этих недостатков. Прошлое должно быть изучено честно, с полным очищением его от лжи, реляций и прикрас казенных историков: чтобы совершенствоваться и побеждать — надо знать свои слабые стороны и стараться уменьшить их число и силу влияния на наш организм.

Выработанная таким образом «военная доктрина» данной армии должна быть *катехизисом*, обязательным для всех. На нем должны базироваться все уставы, наставления, учебники и пособия для подготовки войск. Отделу *моральному* должно быть предоставлено главное место, ибо *воспитание* войск и народа важнее для войны, чем обучение и материальная подготовка: можно *знать* все и быть хорошо снаряженным и — *не хотеть* жертвовать собою и даже не хотеть подвергать себя лишениям и тягостям, *всегда* сопряженным с *добросовестным* исполнением обязанностей на войне.

А потому — обучая и живя, надо пользоваться каждой минутой для воспитания войск в духе добросовестности, смелости и преданности интересам общего дела.

Современные национальные (не наемные) войска должны состоять из работников *общего* дела, должны защищать — *общие* интересы. Это сознание должно быть цементом армии и в то же время — руководящим фактором для направления действий и отношений всех чинов, всех рангов армии. Все должны быть работниками одного дела. Разница лишь в ролях: один стоит у руля корабля, другой — на вахте, третий — у машины, четвертый — у топки и т. д. Но у всех должна быть *общая* цель, *общие* интересы, *общий* кодекс законов, *общие* взгляды на дело и *общие* одинаково усвоенные приемы при исполнении работ. Я не говорю, конечно, о деталях: они должны быть разнообразны до бесконечности, так как зависят от бесконечно разнообразной обстановки. Каждый работник, стремясь к

выполнению поставленной ему *частной* задачи *наилучшим* образом, будет приспособлять свои знания и силы к условиям обстановки: ясно сознавая цель — всегда можно найти средства для ее осуществления...

Воспитывать надо не только словом, но и делом — каждым требованием, предъявленным подчиненному лицу, и каждым шагом самого начальника (примером).

Всего этого в России не было.

* * *

Не было ясного сознания задач и назначения армии (о ходячей формуле я уже говорил); не было и общих интересов у ее работников; не было и должных отношений между ними, как между *сотрудниками*, связанными общими целями и общими законами. Был виден отчетливо офицер — барин и солдат — мужик, со всеми оттенками классового различия; но и среди офицеров ясно различались люди разной «кости». Не было мастеров и подмастерьев — работников одного дела, а искусственно соединенные привилегированные и непривилегированные люди.

Это — моральная сторона дела.

А с материальной стороны, со стороны обучения были многочисленные, безыдейные и часто несогласованные *уставы*, инструкции, наставления, правила и другая объемистая литература, в которой трудно было разбираться и которую, впрочем, никто и не старался поглотить и усвоить, направляя свою энергию и силу на начальственные «коньки». Один любил помпезную «встречу» и красоту парадов, другой — чистоту в кухне, разновесы, мерные ведра, машинки для чистки картофеля, доски с «раскладкою», ящики для «порций» и т. п., третий увлекался «подготовкой учителей для молодых солдат», четвертый просто любил «посидеть в доброй компании»... И подчиненные знали все эти «коньки» и в соответствующем направлении «натаскивали» вверенные им войска.

Возьмите приказы о смотрах за старое время, и вы увидите все ничтожество предъявляемых войскам требований. Все вертится вокруг формы и внешности и больше того — вокруг мелочей строя, а иногда (очень часто) — только парада, для коего существовал целый кодекс правил, на незнании коего «проваливались» многие почтенные и боевые офицеры! Интервалы, дистанции, равнение, салютовки, рапорты, форма одежды — занимают главное внимание начальства. Оно не старается научить подчиненных *делу*, передать им свои знания и опыт, изучить подчиненных, направить их на работу... Смотры в большинстве случаев были — «отбыванием номера» или «наезжанием протонов» для одной стороны и «очко-втиранием» для другой. Внешность доминировала во всем и везде. Главное забывалось в заботах о мелочах, форме и всякой «видимости».

Дело уходило далеко на задний план в погоне за карьерой, которая делалась связями, протекцией, знакомствами, угодливостью, формой и внешностью.

Если вы возьмете список старших начальников (от начальника дивизии и выше) в какой-нибудь период*, то вы увидите все людей с большими связями или средствами (хотя бы растраченными уже) и преимущественно из привилегированных войсковых частей. Если же встретится вам исключение из этого общего правила, то проследите их службу, и вы увидите, что вся карьера этих «счастливицев» есть сплошное непротивление злу, угождение начальству или жестокая преданность мелочам и внешности.

При таких условиях, в такой атмосфере не было никакой возможности работать продуктивно: всякая энергия, всякое понимание грядущего возмездия разбивалась о существующие порядки и тенденции.

А критиковать их открыто дерзали очень и очень немногие, да и те, конечно, не были услышаны, вернее — голосу их не вняли.... Результаты ныне налицо.

Да, военного дела, понимаемого широко, с приложением к народному хозяйству и воспитанию всей нации, — в России не было.

Не удивительно, что его не знал — ни стяжатель Ос...ий, занятый хозяйственными соображениями по увеличению своего состояния; ни «блестящий» О...в, ездок и коннозаводчик, опытный «парадер» и весьма слабый воспитатель и учитель подчиненных; ни скромный, честный, но мало способный Д.; ни все их «верхи», допускавшие явное втирание очков себе в глаза.

Не знали его и все те многочисленные представители военного мира, с которыми я встречался на службе и вне ее за долгу мою жизнь!

* * *

Чтобы ближе обрисовать эту фатальную область всеобщего *незнания* своего дела — я брошу беглый взгляд на прошлое, начиная с впечатлений, оставленных мне Академией Генерального Штаба.

Начну с персонала Академии.

Начальником Академии Генерального Штаба в мое время был генерал Г.А. Леер — военный мыслитель, аналитик, систематизатор и обобщитель. Ему многие обязаны серьезными знаниями и толчком к анализу военных явлений, преимущественно в области применения войск на театре войны, т. е. в стратегии. Но, к сожалению, генерал Леер был *только* теоретик, никогда не имевший случая применить проповедуемые им принципы на

* Такую статистику дважды я помещал в журнале «Разведчик».

практике, а потому не чувствовавший, что все стратегические принципы — ничто без надлежащего морального состояния войск (без воли к победе), достигаемого воспитанием, общностью интересов или иными возбуждательными причинами; а потому он и не сумел вызвать в слушателях *ясного понимания и твердого убеждения*, что всякие знания хороши, когда они прилагаются на практике для совершенствования своего дела (вообще — жизни) и что приложение стратегических и тактических принципов на войне требует соответствующей подготовки войск и прежде всего их воспитания в духе добросовестности, мужества и готовности жертвовать собою ради достижения *общих* целей! Прежде всего воспитание (или другой возбуждатель духа, двигатель воли), а потом уже стратегия, тактика и проч... Так должны начинаться все военные лекции, дабы слушателям было понятно место излагаемого предмета в общей системе военного дела.

Но лучший профессор Академии и ее начальник был только кабинетный человек, отвлеченный мыслитель в области одного лишь отдела военной науки. Что же сказать о других? Интересны как лекторы были: полковник Орлов, полковник Ридигер и полковник Золотарев. Но все они излагали теорию без указания на применимость ее в *русской* практике т. е. без критики существующих порядков в целях их улучшения. Об остальных не стоит и говорить.

Для офицеров слушателей Академия, вернее — окончание ее было мечтою, потому что это окончание Академии давало им лишний *чин* и *патент* на открытие дверей во все области служебной карьеры, конечно, при добропорядочном поведении носителя патента, т. е. при полной *приспособляемости* его к существующим порядкам.

Критика существующих порядков, стремление к улучшению их считались в Генеральном Штабе «бестактностью», неумением себя держать и т. п., кто дерзал критиковать и говорить мало приятную верхам правду, подвергались всяким гонениям, служебным обходам и даже исключению со службы.

Что же выносили из Академии ее слушатели, кроме служебных преимуществ?

В области воспитания — ничего, если не считать некоторой дозы «хлыщеватости» и высокомерия, особенно в обращении с серой «армейщиной». В области знаний — очень мало. Немного казенной истории, т. е. истории, не очищенной от нанесенного на нее слоя реляционной лжи и патриотических прикрас. Немало теоретических выводов и принципов по разным отделам военной науки, но принципов, не одухотворенных общею картиною военного дела, т. е. без указания их места в этом деле и условий, при которых они могут быть применены с пользой.

Академия не дала масштаба для оценки исторического материала. Она не научила разбираться в фактах прошлого с целью извлечь из них надлежащее поучение для будущего.

Она не указала *идеалов*, к коим надо стремиться, в области подготовки войск и влияния на них, а область применения войск, в виде деяний великих полководцев излагалась слишком поверхностно, без выяснения всех главнейших условий этого применения. Она не показала — как далека русская действительность в прошлом и настоящем от идеалов и *что* надо сделать, чтобы приблизить ее к идеалам. Она не зажгла сердец своих учеников горячим желанием внести в русскую военную жизнь свет правды и энергию к совершенствованию. И как она могла зажечь это желание, когда сама не знала русской действительности — русского солдата, русского офицера, русского генерала, русской канцелярии, русской халатности и прочих милых качеств... А если и знала кое-что, то не помышляла говорить, помня, что за критику не похвалят.

Да и зачем критика, если — «велик Бог земли русской»; если — «ничего, да небось, все образуется»; если — «что русскому здорово, то — немцу смерть»; если можно жить спокойно и веселиться в ожидании «грома побед»?... Такова была общая психология, общее настроение русских верхов, даже после поражений на полях Маньчжурии.

* * *

А между тем Академия должна была дать следующее:

Усвоение военной доктрины. Изучение ее принципов и указаний, начиная с идеи существования армии, ее задач и принципов *подготовки* и кончая принципами применения войск на войне.

Офицер, окончивший Академию, должен быть проникнут чувством долга перед Родиной и сознанием, что военное дело требует от него полного напряжения всех сил и способностей, что главный инструмент, на коем должен уметь играть всякий начальник, есть *душа* человека, что за ошибки и промахи придется на войне платить человеческими жизнями.

Будем продолжать учиться, будем передавать свои знания другим, но прежде всего — будем *хотеть* отдать все наши силы тому делу, за которое взяли, коему себя посвятили! Отдать потому, что дело это — наше общее. Оно нужно для обеспечения спокойного труда русского народа, который содержит армию именно в этих целях. Критика обязательна; она открывает пути к улучшениям; она заставляет работать мысль в направлении совершенствования дела.

Так должна говорить всякая военная школа, а тем более Академия Генерального Штаба.

Она должна указывать идеалы, как в образцах военных операций (по всем отделам военного дела, а не только по стратегии и тактике), так и в типах людей, руководивших

этими военными операциями и *подготовлявшими* все средства для них. Ученики Академии должны глубоко запечатлеть в себе эти идеалы и приобрести непреодолимое желание приблизиться к ним.

Анализ таких человеческих типов, как Великий Император французов, Густав Адольф, Тюрен, Фридрих Великий, Суворов, Великий Петр, — раскрыл бы тайну их успехов и дал бы ученикам Академии ключ как для подготовки орудий войны, так и для применения их на войне.

Даже беглый перечень свойств этих людей указывает на их *идентичность*, а следовательно, ясно говорит — куда должно быть направлено внимание и силы военного при соображении своего поведения и в чем именно следует *подражать* великим людям (хотя бы только «стремиться» подражать).

Подвижность и выносливость физическая, умственная и моральная давала всем великим полководцам возможность везде быть, всюду поспевать, все видеть и все знать.

Простота личной жизни, нетребовательность в пище, одежде; ограниченность в потребности отдыха (сна), отсутствие ритуала в деловых сношениях — давали в их распоряжение значительное число часов для продуктивной работы. Этими часами они и пользовались, не только для чтения бумаг и приема докладов (кабинетная работа), но для знакомства с действительным положением вещей и для проверки исполнения отданных распоряжений и для личного влияния на подчиненных, и для влияния на ход событий в решительные моменты.

Возьмите, например, Императора Наполеона I-го в период Аустерлицкой, Иенской и даже Бородинской операций. Когда все спят — Император (не просто — генерал) бодрствует! Только что поднимается солнце над горизонтом (Аустерлиц, Бородино), а он объехал уже всю позицию! А между тем еще вчера он был на этой позиции поздно ночью, проверяя службу передовых частей и знакомясь с настроением войск (переходил от костра к костру)! Под Иеной (1806 г.) Император выезжает (не в коляске, а верхом на коне) вечером на перекресток дорог и под сильным дождем руководит лично выходом войск на указанные им участки позиции! Только поздно ночью он возвращается в избу, спит на соломе, а в 4 часа утра он вновь среди войск!

Помилуйте, говорят мне на это, — *тогда* были совсем другие условия войны и боя: *тогда* армия в 100 тысяч занимала по фронту 10–12 верст, а ныне она занимает 60–120 верст.

На это отвечаю: для ударов (для прорывов) и ныне армии не занимают больших фронтов; но если принять во внимание всю обстановку нынешнего боя, то Императора Наполеона можно приравнять в его операциях хотя бы к нынешнему командиру корпуса? Но за три года мировой войны, побыв на *всех* участках русско-германского фронта, я не видел

ни одного командира корпуса, который проделал хоть раз то, что делал Император французов *много* раз.

Так же поступали и другие великие полководцы и просто хорошие генералы («les grands capitaines»).

У нас любили хвастать Петром Великим, Суворовым и Скобелевым. Но как обидно должно быть великим людям — когда произносят их имя, не изучая *сущности* их дел и не следуя их примеру?!

Суворовскими афоризмами пестрели стены казарм — для вящего умиления начальства. Но никто даже не пытался вникнуть в *сущность* поведения этого Великого Полководца, в его систему воспитания войск, обучения их, влияния на них и пользования ими на войне!

Если Суворов не имел таких блестящих операций и в таком масштабе, как Наполеон, то только потому, что не имел его «возможностей», работал и жил в иных условиях, но в деле *воспитания* войск и воздействия на них Суворов не уступает нисколько Великому Императору французов. Он знал солдатскую жизнь не понаслышке и не по наблюдениям издали; он знал ее по личному опыту, а потому — умел держать себя с солдатом, завоевывая его при каждом своем появлении; знал, *что* солдату нужно, как он реагирует на все явления жизни. Суворов знал русского солдата и душою был близок ему. Солдат был *предан* своему вождю и *верил* ему, верил в его заботливость о подчиненных, верил в его знания, предусмотрительность и искусство. А потому солдат «суворовский» творил чудеса, и если погибал, то — с верой, что гибнет не напрасно!

В жизни и на службе Суворов был *прост* до крайности; он ненавидел бездушный формализм и в частности — пошлый конек всей русской военной власти — форму обмундирования, с ее несметными тонкостями и нелепым педантизмом, считавшимся признаком выправки и дисциплины! Он весь был в духе и сердце (стремление, желание, воля). Все знания его были *четные*, т. е. извлеченные из действительных событий, и соответствовали действительной жизни, а не лживым преданиям и сказкам о ней. Вся наука его сводилась к трем словам: «быстрота, глазомер и натиск». Но сколько надо работать над собою и над своими подчиненными, чтобы развить в себе и в них «глазомер», т. е. умение видеть и понимать виденное (разбираться в обстановке и верно оценивать ее факторы)! Сколько энергии и упорства нужно, чтобы передать другим свою решительность и быстроту во всем или чтобы приучить подчиненных к стремительному и настойчивому проведению раз принятого решения?!

Военный, понимавший обстановку, способный быстро находить решение и настойчиво проводить его в жизнь, готов к войне. Если при этом он умеет подготовить

орудие войны и понимает назначение армии — он верный страж Государства, охранитель его существования и развития.

Если бы русские верхи изучали бы только одного Суворова, если бы Академия и вообще школа вложила бы в сердца своих питомцев искреннее восхищение перед деятельностью только своих великих людей — Петра, Суворова и Скобелева — и горячее желание им подражать — мировая война не дала бы *массовых* отрицательных образцов на верхах русской военной власти; мы не имели бы такой бездны поражений на Германском фронте; мы были бы в Берлине уже в 1914 году и мы не имели бы никакой революции!.. Это мое глубокое убеждение... Но вернемся к Академии.

Кроме идеала полководца и высокого начальника Академия должна была бы показать и тип среднего начальника — командира полка, командира батальона, и тип меньшего начальника — командира роты и взвода, и тип унтер-офицера и солдата. А параллельно с этим исследовать и показать с надлежащими пояснениями *всю действительную жизнь русской армии и направления, в коих должно идти ее совершенствование*. Суть ведь в том, чтобы подготовить своей армии успех в будущем. А этого можно достигнуть только при правильном знании действительного положения вещей и сопоставлении его с идеалом.

Академия должна была *внедрить* в сознание своих слушателей, что залог успеха на войне, центр всей науки *«побеждать»* — находится в *сердцах солдат* (подчиненных). Путь к сердцу солдата очень прост, но требует отказа от эгоизма и эпикурейских замашек, ибо отнимает и время и силы и энергию, уводя все это в сторону *забот* о подчиненных, в сторону строгого наблюдения за собой и самоусовершенствования во всех отраслях военного дела. Тщательную и постоянную заботливостью о подчиненных приобретает их преданность и даже любовь. Особенно это верно в отношении солдат. А знанием своего дела начальник импонирует подчиненному, приобретает его уважение, веру в себя и даже восхищение перед собой. Это опять-таки особенно верно относительно солдата. Но если первое (заботливость) может дать полные результаты и в мирное и в военное время, то второе — вера в начальника — особенно возрастает на войне, когда подчиненные воочию убеждаются в мужестве, искусстве и предусмотрительности начальника... Я не собираюсь излагать здесь системы воспитания и воздействия на подчиненных, особенно на солдат; однако не могу не подчеркнуть, что заботливость должна выражаться во всем обиходе жизни и службы. Не одна только кухня, одежда, казарма и лазарет должны занимать начальника. Надо позаботиться о полезных развлечениях, об обучении грамоте, о письмах к родным солдата; надо пользоваться всяким случаем, чтобы расспросить солдата о его житье дома, побеседовать с ним, как беседует отец с сыном; передать ему все необходимое понимание службы и ее требования. Начальник должен настойчиво проводить мысль, что на службе

ничего не исходит от усмотрения, произвола начальника, а все диктуется законом и явными интересами дела; что все — работники одного дела и только *закон* возложил на некоторых работников, имеющих особенную подготовку, — особенные обязанности и права. Все требования службы и все свои действия начальник должен объяснять подчиненным, дабы все на службе было всем понятно и логично и чтобы дело не расходилось со словом. Заботливость свою он должен простираť на все, начиная от тщательного оберегания полкового имени, во всем — в знании дела, в мобилизационной готовности, в поведении офицеров и солдат, и кончая — заботами о сбережении сил солдат, также во всем: в нарядах на службу, в занятиях, в работах... Во всем ничего лишнего, ничего ненужного. Но там, где идет полезная, необходимая для дела работа, там надо требовать полного напряжения сил и физических и умственных и моральных, дабы всякая задача исполнялась *наилучшим* образом, всеми доступными средствами и приемами.

Уважение и доверие приобретается знанием своего дела. Хорошо, если начальник, обучающий солдат, все может не только рассказать, но и *показать* сам. Необходим пример, пример и пример — в обучении и в воспитании. Вот почему офицеры не должны позволять себе в присутствии солдат, а начальники в присутствии подчиненных того, что запрещено законом или вообще — что предосудительно и некрасиво, например, пьянство, оргии; бесшабашные кутежи, брань, ссоры и т. п., что, увы, было весьма распространено в России.

Начальник — от мала до велика — должен *крепко держать в руках* вверенную ему часть. Он должен знать все, что касается его части. Все должно идти от него и через него. Все повинуетя ему и равняется по нем. Но он и за все ответствен.

Так должна *учить* военная школа, особенно Академия Генерального Штаба, своих учеников.

Мало учить: не учить, а — внушать, внедрять в сознание и волю, чтобы все идеалы, указанные ученикам, слились с их существом и светили бы им всю жизнь как путеводная звезда. *Ничего этого в действительности не было.*

Офицер, окончивший Академию, уносил с собою весьма легковесный багаж знаний теории военного дела, легкую практику в съемке и слабое представление о движении войск *на карте*, как на шахматной доске, т. е. без вопросов снабжения и без всех тормозов и осложнений тыла и действительной обстановки военной жизни.

* * *

По окончании Академии я избрал местом своего служения N-й военный округ, как находящийся на важнейшем фронте и как округ, пользовавшийся репутацией «боевого» округа.

Действительность опять не оправдала моих надежд. В качестве «причисленного» к Генеральному Штабу, я был назначен исполнять обязанности старшего адъютанта в Штабе одной из кавалерийских дивизий.

В штабе этой дивизии велась обычная, «текущая» канцелярская переписка, вялая, больше похожая на отбывание номера. Начальник Штаба — милый, воспитанный и галантный офицер — службой себя не утруждал, а на жизнь смотрел с точки зрения: «не волнуйтесь — все образуется». Это был типичный офицер Генерального Штаба из лучших, т. е. незаносчивых, но в то же время умевший всегда держать себя с большим достоинством. Но дело, военное дело в существовании его, в глубинах своих, интересовало его мало.

Вновь прибывшего подчиненного он не взял в «обучение», не только в области кавалерии, но и в области канцелярского дела. Пришлось, как и другим новичкам в Генеральном Штабе (как большинству), нащупывать пути деятельности самому. Я подчеркиваю это обстоятельство, ибо считаю, что не только начальник, но и всякий старший *обязан* учить и направлять новичков службы и вообще своих подчиненных, должен делиться с ними своими знаниями и опытом, должен приобщать их к своим идеалам, к своим понятиям о службе и о всей совокупности военного дела.

Это ведь так естественно: когда человек занят серьезно и искренно каким-нибудь делом, думает постоянно о нем — он делится своими мыслями с окружающими. Как же не поделиться начальнику с подчиненным мыслями о том деле, служить коему они оба призваны «не за страх, а за совесть»? Но за долгую мою службу я не встретил большого числа начальников, которые считали своим долгом учить каждого прибывающего к ним офицера и делиться с ним всеми своими знаниями и опытом, начиная от распорядков в канцелярской работе, *краткого* писания бумаг и *четкой* подписи и кончая основами воспитания войск и применения их на войне.

Первое мое «полевое» занятие как офицера Генерального Штаба в кавалерии было — расстановка «линейных» для резервного порядка дивизии перед началом учения.

Представьте себе кавалерийскую дивизию, которая становится в резервный порядок по «линейным»! Мало того, лицо, носившее громкий титул «помощника командующего войсками по заведованию кавалерией», утверждало, что расстановка линейных — важное занятие и что от правильности первоначальной постановки дивизии в резервный порядок зависит все дальнейшее учение. Хороши взгляды старого кавалерийского генерала с репутацией «выдающегося» кавалериста!

Правда, впоследствии взгляды эти сильно эволюционировали в сторону подвижности и гибкости строя. Но по существу они остались все же *линейными, фигурными и мало пригодными для современной войны*. Кавалерия, перешедшая с 1895 года в руки Великого

Князя Николая Николаевича, в течение 10 лет проделывала то, чего она не может делать в современной войне и вряд ли делала это и прежде, если не принимать Фридриховских «плацевых» упражнений, коими он развлекал иностранцев, за боевую действительность. Но критика в военном мире не процветала, а тем более критика действий Великого Князя. А потому кавалерия бросилась в 1895 году ревностно изучать требования Великого Князя — Генерал-Инспектора кавалерии. На смотры его посылались делегаты, кои привозили в свои части: чертежи перестроений с командными словами, разные сноровки, а также особенности Великокняжеских требований. Уже летом 1895 года по рукам ходили и были нарасхват в кавалерии листки и целые тетради с чертежами «немых» учений полка, бригады и дивизии. Начальники всех рангов изучали с трепетом эти чертежи, команды и сноровки, чтобы «потрафить» грозному Инспектору. А Великий Князь действительно держал себя сурово и неприступно, как человек не от мира сего, как полубог, но и как единственный носитель каких-то кавалерийских истин и откровений.

Впоследствии для меня было ясно (особенно после Англо-Бурской войны), что наша кавалерия идет ложным путем, *увлекаясь* плацевыми картинками, совершенно неприменимыми в современном бою. Но тогда я заразился общим трепетом, тем более понятным, что мне, как артиллеристу, кавалерийское дело было известно только по книжкам.

Помню, с какою неуверенностью я выехал на первое учение кавалерийской дивизии, как священнодействовал, расставляя «линейных», с каким волнением ждал начальства и начала учения. Мне хотелось проверить мои теоретические познания и *поучиться* приложению теории на практике. Это было тем более легко на первых порах, что по своей должности адъютанта Штаба дивизии я был скорее простым наблюдателем учения. Но каково же было мое удивление, когда я скоро заметил, что при всем моем *невежестве* в кавалерийском деле вообще и в дивизионном учении в частности из всех присутствующих на учении чинов я — самый знающий!

Не помню — порадовало ли меня тогда это открытие; но хорошо помню, что я хотел *учиться*, а не учить других.

Как сейчас вижу себя, штабс-капитана конной артиллерии, причисленного к Генеральному Штабу, в центре группы начальников объясняющим перестроения резервного порядка.

Вспоминаю это не с гордостью, а с *горечью*, тем более что такое явление, такая необходимость преследовала меня без *перерыва* всю службу? Почти 25 лет, из года в год, изо дня в день я наблюдал *невежество* верхов! И какое невежество? Не только то, о котором я говорил выше, т. е. отсутствие военной доктрины и широкого понимания сути военного дела, но даже невежество узкое «уставное»!

Одной простой, бесхитростной *добросовестности* было достаточно, чтобы овладеть делом, сделаться хозяином и господином положения.

И так во всех случаях, на всех должностях!...

Мне скажут: «ну вот, и хорошо: значит добросовестный и деловой человек мог и вершить все дела и улучшать их во всех случаях?»

О нет, это далеко не так. Старшие (начальники) подчинялись младшим, как пассажиры подчиняются шоферу автомобиля — пока он везет их по избранному пути к намеченной цели. Подчинялись *ради своих удобств* и благополучия, видя, что дело идет хорошо и что они избавлены от той работы, которая требует иногда значительной энергии и беспокойств. Но критика верхов и вообще все то, что могло вносить неудобства жизни и тем более риск для карьеры, не допускались.

«Хотите ломать себе шею — ломайте сами, но меня не вмешивайте: наше дело — исполнять приказанное».

Так обыкновенно говорил начальник тому ретивому подчиненному, который подстрекал его на протест, возражение, доклад о существенных потребностях войск!

Подчинение, вернее — отдача себя в руки младших, наблюдалось в русской армии очень часто. Стоило младшему быть ретивее к делу, как он тотчас же «седлал» своего вялого, ленивого, эпикурействующего или легкомысленного начальника. Явление это приписывалось особенно офицерам Генерального Штаба. Но это не совсем верно: такое явление было везде, где начальник хуже подчиненного знал свое дело и положение вещей во вверенной ему части. Так брали своих начальников «в руки» господа заведующие хозяйством в полках, адъютанты, делопроизводители и другие шустрые и деловитые люди. Особенно часто это бывало с командирами — «гастролерами», т. е. теми, кои командовали полками короткое время или были очень молоды и неопытны в жизни и службе (офицеры Гвардии и Генерального Штаба), или просто были ленивы, или легкомысленны и не занимались, как следует, служебными делами. Так или иначе, но это явление было очень распространено в русской армии и свидетельствует о начальническом *неведении* даже в узкой сфере своих прямых обязанностей...

После Манчжурской войны многие обрушились на офицеров Генерального Штаба, как на «мозг» Армии. Я же решительно стал защищать их и в печати, и на специальных докладах в Штабе Н-го военного округа.

Я говорил, что Генеральный Штаб есть *кость от кости, плоть от плоти всей русской Армии*; что для улучшения Генерального Штаба надо изменить в корне все условия жизни и службы Армии и позаботиться об улучшении качеств *строевых* начальников, кои должны

быть *учителями* и руководителями подчиненных им офицеров Генерального Штаба, а не их учениками и «пешками» в их руках.

* * *

В апреле 1896 года я был переведен в Генеральный Штаб и назначен старшим адъютантом штаба одной из кавалерийских дивизий, стоявших близ австрийской границы. Здесь я прослужил 5 лет, настойчиво отказываясь от иных должностей: я желал овладеть делом, на которое стал, и хорошо изучить все местные условия, дабы быть действительно полезным для тех войск и начальников, при которых служил и которые мне доверяли вполне. Частые переводы, перемены мест, столь практиковавшиеся в Генеральном Штабе, не дают возможности хорошо ознакомиться с положением вещей на каждом месте службы и способствуют *дилетантизму* на службе. Кроме того, штаб *дивизии* и есть ближайший к войскам штаб, а я хотел быть *ближе* к войскам. Наконец, служба в провинции и близ границы более приближает работу войск к вероятной будущей их работе на войне. Я не раскаивался, что отказался от Севастополя, Варшавы и тем более от Главноштабского табурета. Сидя 5 лет на одной должности, постоянно посещая полки дивизии, я хорошо познакомился не только с областью строевого дела в кавалерии, но и с бытом войск, их нравами, хозяйством и всеми особенностями службы армейского офицера и солдата.

Мало-помалу я сделался *хозяином положения в дивизии*, не только в канцелярии штаба, но и в поле на смотрах, на учениях дивизии и на смотрах — экзаменах моего начальства перед лицом грозного Генерал-Инспектора кавалерии.

Если бы я писал сейчас личные воспоминания, я должен был бы рассказать целый ряд курьезных фактов, как, например, в поле, на первом же смотре Великого Князя в 1896 году — дивизией командовал (в прямом смысле слова) не Генерал-Лейтенант Н., а капитан Генерального Штаба! То же было и на маневрах, предшествовавших этому смотру и протекших весьма удачно для Генерала Н.

Радоваться такому явлению не приходится.

Я вспоминаю часто Генерала Н., и всегда с чувством нежной любви, как брата, как друга, как сына, но не как учителя в ратном деле.

Это был «поэт любви», человек, благоговевший перед женщиной: рыцарь по воспитанию и увлекающийся юноша по натуре. Я мог бы рассказать о нем много хорошего как о человеке общества, компанейском офицере, добром сослуживце и удивительно скромном начальнике, устранявшем от себя все похвалы за успехи на смотрах и маневрах. Но с точки зрения оценки военных знаний и способностей русского командного элемента, как двигательного центра того организма, который именуется Армией и который составляет не забаву «верхов», а — страховую часть народного хозяйства — с этой точки зрения ни

генерал Н., ни кто-либо другой из встреченных мною на службе начальников не были типами положительными, *образцовыми* в военном смысле, хотя среди них были люди с большими достоинствами.

Возьму на выдержку несколько примеров.

Генерал Гурчин — командир 19-го армейского корпуса в 90-х годах прошлого века, а потом Командующий войсками Виленского военного округа. Человек скромный и нетребовательный в личной жизни (качество весьма важное для военного вообще, а для начальника в особенности): фанатически преданный службе, высоко честный и свободный от всяких жизненных интересов кроме службы, вне ее. Холост, без увлечений, без тормозящих службу привязанностей и обязательств. Казалось, налицо много данных для создания большого генерала. А между тем — узость взглядов вообще, служебная мелочность, рутинерство и, конечно, незнание существа военного дела — сводили «на нет» все достоинства этого человека. Всматриваясь в него, вы отчетливо видели усердного, старательного субалтерна 60-х годов, потом — заведующего ротной школой, заведующего оружием в полку, начальника учебной команды и наконец образцового (по тогдашним понятиям) командира роты. Вот что запечатлелось главным образом в этом почтенном человеке и жалком военачальнике. Он был очень требователен и сух с подчиненными; редко смеялся, мало говорил. Но требовательность его не шла дальше уставных мелочей и сноровок солдатского и хозяйственного обихода. Изучить его вдоль и поперек было не трудно, и в полках твердо знали требования командира корпуса: в казармах батальные картины, суворовские изречения, таблицы нарядов на службу и т.п.; в кухне — раскладка, доска для записи продуктов, вложенных в котел, разновесы, мерное ведро, машинка для чистки картофеля, ящик для мясных «порций» и т. д.; в конюшне — таблица перековки, список лошадей по взводам... Хорошо знал командир корпуса «наставление для обучения стрельбе», и так как в кавалерии это было слабое место, то командир корпуса был грозой особенно для конницы. Полевой устав ему не давался совсем. Он вовсе не знал полевого устава: потому ли, что не знал вообще поля и жизни или потому, что Полевой устав был издан в 80-х годах, т. е. тогда, когда генерал был уже не молод, — но в уставе этом он путался, смешивая службу по нем со службой по Гарнизонному уставу (часовой, караул)...

Прослужив под начальством этого генерала 4 года, я научился у этого почтенного человека только одному — как варится солдатская каша «на пару и всухую»!

Зато я не раз видел его беспомощность в поле и даже неумение читать карту!

О его преемнике — генерале Крюкове можно было бы и не вспоминать. Это была совершеннейшая карикатура на большого начальника — и по внешнему виду и по внутреннему содержанию. Если бы все мы не переживали сейчас невиданной еще миром

трагедии — я рассказал бы много забавного про этого носителя большой военной власти, знавшего церковную службу гораздо лучше, чем военное дело. Но сейчас тяжело вспоминать все то, что в целом подготовляло всегда *неготовность* русской армии, а тем более — карикатуры и смешные положения!

Вспоминаю еще одного командира корпуса, генерала Х. Это был, как и Гурчин, честный, простой и скромный в личной жизни человек: вдовец, живший одиноко и, следовательно, имевший возможность отдавать всего себя службе, что он и делал. Он не был сух и суров, как Гурчин, наоборот, генерал Х. был общителен, ласков и словоохотлив; службе был предан вполне. Но он вырос и состарился в артиллерии. Он знал хорошо только *свою артиллерию*, т. е. ту, которую знал в молодости на Турецкой войне 1877–78 года и в расцвете лет, командуя батареей в Л. Гв. 1-й артиллерийской бригаде.

Когда по поручению Командующего войсками Н-го военного округа он, как артиллерист, делал годовые смотры всей артиллерии, собранной на Н-м полигоне, генерал Х. неизменно брал «себе в помощь» полковника Генерального Штаба (бывшего артиллериста), который являлся буквально нянькой и руководителем генерала даже в техническом, артиллерийском отношении! Этот же офицер Генерального Штаба сопровождал командира корпуса, когда последний назначался «посредником» на большие маневры.

Я знаю командира корпуса, который просил своего подчиненного писать приказы о смотрах, на которых этот подчиненный не присутствовал, значит — по слабым заметкам о смотрах! Но и этого мало: командир корпуса просил того же подчиненного написать «аттестации» четырем начальникам дивизий корпуса и начальнику своего корпусного штаба! Можете ли вы представить положение начальника штаба одной из дивизий, пишущего аттестации *своему* непосредственному начальнику по просьбе их общего начальника?! А ведь это не анекдот. Да и суть не в нем, а в той *несостоятельности* «верхов», которая постоянно торчала в той или иной форме из всех углов русской жизни...

К группе «посредников», собравшихся в Белостоке перед Царскими маневрами (кажется, в 1897 году), подвели великолепного коня, поседланного английским седлом, и в хороших скаковых «кондициях» — принадлежащего известному тогда в кавалерии генералу С.

Генерал вышел из группы посредников; легкой походкой подошел к коню, осмотрел его и седловку; *без стремян вскочил* в седло и, заметив неровность стремян, спрыгнул на землю, поправил стремяна и вновь *прыжком* сел в седло... Все это продолжалось не более одной минуты.

Сидевший тут же Начальник Штаба Варшавского военного округа, генерал Пузыревский, не любивший «придворных» людей со связями и всякими прерогативами,

иронически заметил, по отъезде ген. С: «другому *всю жизнь* надо работать и много работать, чтобы показать себя; а тут в *полминуты* человек показал себя без остатка».

Этот случай, как анекдот, был рассказан одним полковником Генерального Штаба за обедом у Плоцкого губернатора — молодого, энергичного и многообещавшего тогда Д.Б. Нейгарда.

А ваш полковник — человек *большого либерализма*, — заметил Плоцкий губернатор группе офицеров, бывших у него в гостях.

Так непривычна была для уха «правлящих сфер» критика «верхов», хотя бы и в шуточной форме.

А между тем без критики нельзя было вывести жизнь и работу армии из тупика невежества, из деятельности *вне* определенной военной доктрины, из непонимания действительности, жизни на «авось», работы «как-нибудь»...

Были, конечно, и исключения в лучшую сторону: Пузыревский, Драгомиров (М.И.), Самсонов, Мартынов, Клембовский, Новицкий (В.Ф.), Свечин (А.А.) и другие. Но об исключениях в лучшую сторону теперь не для чего вспоминать, так как самые блестящие из них не смогли дать русской военной жизни иного направления и оградить ее от катастрофы. Вероятно, для 160-миллионного народа все эти исключения были недостаточны, тем более, что и из них только очень и очень немногие выступали открыто и определенно *против дурных порядков* в Армии, а тем более во всей Стране! Самодержавные «верхи» не допускали критики и, в то же время, сами были невежественны, неумны и недалковидны, не были настоящими хозяевами в своем деле.

* * *

Старшие начальники, даже из Генерального Штаба, находились, в подавляющем большинстве случаев, в руках начальников своих штабов, как большинство командиров полков в руках полковых адъютантов или заведующих хозяйством. Происходило это по той самой причине — почему большинство помещиков находилось в руках своих «управляющих» и большинство губернаторов — в руках у «советников» или чиновников для поручений или у дельных «вицов».

Лень, всероссийская лень и разгильдяйство, как иные говорят — «широта натуры», — были тому истинными причинами... Управляющий, адъютант, заведующий хозяйством, чиновник для поручений, советник тоже были не прочь поваляться на боку, поиграть в картишки, выпить лишнюю рюмочку; но они чувствовали, что для их собственной пользы, для права и в будущем на картишки и рюмочку и проч. необходимо и в канцелярии посидеть, и в архиве порыться, и в цейхгауз заглянуть и к нужному человеку сбегать и т. д.; вот они и

беспокоили так или иначе свою собственную персону. А лица повыше, да еще с обеспеченной карьерой, в этом уже не нуждаются: где им бегать по казармам, конюшням, полям и лесам? Хорошо, если бумаги читают внимательно, да смотровой и строевой уставы знают! Вот почему они предпочитали доверять и вверяться разным «дельцам», в том числе и офицерам Генерального Штаба, особенно в «оперативных» делах и в поле, на маневрах. Офицеры Генерального Штаба, пока не отяжелевали сами, проявляли всегда много усердия и работоспособности, конечно, в тех направлениях, в каких шла вся военная деятельность, лишённая доктрины и правды жизни. Принадлежа, по своим умственным способностям и теоретической подготовке, не к худшим, а к лучшим элементам русского офицерства, офицеры Генерального Штаба быстро «климатизировались» на разных должностях и делались господами положения в сфере компетенции своего начальства, а потому «ворочали» делами и своими шефами. Но сами они были плоть от плоти русского офицерства, русского дворянства, русского чиновничества и русской военной системы. Ни школа, ни войсковая часть, ни Академия не заложила в них жгучего, неодолимого желания *совершенствовать* военную службу и дело исканием истины и правды жизни. Школа сказала, что в Российском Государстве «все обстоит благополучно», что Царь — земной бог; что все, от него исходящее, есть совершенство и критике не подлежит^{††}, что Россия — первая держава в мире, что она всегда и всех побеждала... Церковь добавила, что «несть власти; иже не от Бога суть»... Воинская часть все это подтвердила, а Академия — припечатала.

Ни средняя школа, ни Академия не раскрыли истинного прошлого России — с его внутренними раздорами, отсутствием народного воспитания (конечно, с примером сверху), с борьбою за власть еще в удельный период и так во все последующие; с *приниженным, бесправным* и весьма *покорным* силе народом-земледельцем, а не воином; с вечной борьбой наверху — между князьями и дружинниками, между царями и боярами; между одними боярами и другими; между одними интеллигентами-буржуями и другими такими же интеллигентами-буржуями.

Никто не говорил будущим деятелям Армии *правды* о военных успехах России (больше над чукчами, юкагирами, мордвою, финнами и татарами, турками и персами, да развалившимися поляками!). Никто не освещал истинных причин ее великих поражений под

* Мои друзья, читая мои статьи и слушая речи, говорили всегда: «Сломаешь себе шею». Помню, с какими сомнениями и колебаниями принес мне на просмотр невинную статейку для «Разведчика» подполковник А.М. Крымов, впоследствии игравший роль в событиях у Петрограда, спровоцированных Керенским в 1917 году (наступление на Петроград).

Аустерлицем, Фридландом*, 1812 году**, в целом ряде последовавших войн или слабых успехов даже над таким противником, как Турки, в 1877–1878 году***.

Если бы все недостатки народной и армейской организации в прошлом и настоящем были бы сконцентрированы и выпукло изображены, а с другой стороны показаны были бы последствия этих недостатков: народные бунты и все волнения после неудачных войн (Разин, Пугачев, Казацкие выступления в Малороссии против Польши и Москвы, социалистическое движение, находившее благодатную почву в народной массе *голодной, бесправной и темной*), — то ум будущих работников Армии ясно сознавал бы действительность, а сердце их горело бы *неодолимым желанием изменить все к лучшему, приблизить к идеалам*.

Всего этого в действительности не было.

Офицер Генерального Штаба выходил из Академии с многообещающей вывеской, вроде того, как это делается у магазинов, предполагаемых к открытию, но еще закрытых по случаю происходящих внутри работ... А в действительности внутри и работ никаких не было, а просто была наброшена разная мелочь, незаконченные предметы и бутафория... Выйдя с таким багажом на широкий жизненный путь с обеспеченной карьерой, у начала которой было написано: «все обстоит благополучно» и «происшествий никаких не случилось», офицер Генерального Штаба получал как бы подорожную: «Иди смело и делай то, что делали твои предшественники: никаких новшеств и либеральной критики. Видишь — какую они создали Россию, солнце в ней не заходит! Это тебе доказательство, что от тебя ничего больше не требуется, как следовать их примеру. Критикой не занимайся: это — вольнодумство модников или глупое «самооплевывание». Бери жизнь, как она создана отцами и дедами, и легко найдешь в ней хорошее и обеспеченное для себя место».

И офицер Генерального Штаба шел в жизнь, созданную отцами, и продолжал вести себя по примеру отцов, не считаясь с ростом русского народа, его законными потребностями; не видел необходимости в радикальном изменении порядков жизни и службы; не предвидел будущего и тех неопишуемых мук, коими будут расплачиваться дети за грехи отцов!

Были, конечно, такие люди, которым нельзя в полной мере сделать такого упрека. Но, повторяю: их было мало и большинство из них предпочитало молчание (в их числе и генерал

* Поражение под Фридландом было так велико, что когда на Военном Совете Император Александр поставил вопрос: продолжать ли войну или просить мира, то брат его Константин высказал мнение, что продолжение войны было бы равносильно уничтожению Армии. «Если Ваше Величество дадите каждому солдату по пистолету и прикажете выстрелить в себя — результаты будут те же, что и при дальнейшей борьбе с противником».

** Плевна есть удивительный образчик бездарности верхов и общей неготовности Армии.

*** 1812 год — есть целый ряд поражений русского оружия, не исключая и Бородину.

Алексеев — впоследствии фактически Верховный Главнокомандующий русскими армиями, если только его можно причислить к группе лиц, *понимавших действительность*, в чем, впрочем, я сильно сомневаюсь). Еще меньше было число — дерзавших делать литературные или иные выступления, критикуя существующие порядки. Да и эти выступления делались весьма осторожно, стараясь не навлечь на себя гнев верхов. Им многие сочувствовали, но сами молчали. Однако, большинство приспособлялось к существовавшим порядкам и старалось угождать начальству, заботясь прежде всего о своей карьере. При всем том, они были мозгом армии, но мозгом, не управлявшим движениями рук и ног военного организма, а покорно повиновавшимся общему необдуманному и фатальному движению... движению русского великана на глиняных ногах!

Из галереи офицеров русского Генерального Штаба я ограничусь краткой характеристикой лишь лучших типов или тех, на долю коих выпала заметная доля в русской трагедии.

Генерал А. К. Пузыревский — начальник штаба Варшавского военного округа в 90-х годах прошлого столетия — высокообразованный и талантливый военный историк, критик, интересный лектор и остроумный собеседник. Как военный критик, искал истины военного дела в духе и воспитании; но, как и другие искатели правды, не умел или не мог обратить слова в жизнь. Чутье было, попытки были, но не больше. Впрочем, надо сказать, что его весьма не любили на верхах и потому не давали «хода»: должность Помощника Командующего войсками округа дана была ему перед смертью.

Генерал М.И. Драгомиров настолько известен, что о нем распространяться не приходится. Тоже — большая эрудиция, красноречие и вытекавшая из этого самоуверенность. То же чутье настоящего дыхания жизни; то же понимание значения духовного элемента на войне и *воспитания* в мирное и военное время. Но наряду с этим — совершенно ненужное добавление: какая-то оригинальность речи и обращения с людьми, затемнявшая сущность дела и придававшая несерьезный оттенок серьезным делам. Кроме того, генерал Драгомиров, видимо, не вполне разбирался в людях: сам он сознался, что «проглядел Р.И. Кондратенко» — героя Порт-Артура, а мы знаем, что он, именно он выдвинул (тащил за собою) Сухомлинова, начального героя мировой войны! О людях прежде всего судят по делам их. Генерал Драгомиров оставил после себя много хороших слов, но будучи Начальником Академии Генерального Штаба, он не поставил эту Академию на практическую полезную для России ногу и не создал военной доктрины, в которой так нуждалась наша Армия. Занимая высокий пост, не провел в войска правильных идей воспитания, хотя и улучшил обучение в своем округе. Критикуя русские порядки, он не трогал *существа* дела и не требовал (как мог это делать) *коренного* изменения всех условий

жизни и службы Армии. Поэтому, в конце концов, невзирая на все его достоинства, он не дал русской Армии того, чего она вправе была от него ждать.

На генерале Поливанове я остановлюсь дольше потому, что некоторые считают его «либералом» и «кадетом». Я отрицаю и то и другое.

Это просто был — *приспособляющийся* человек.

Я знал полковника Поливанова в бытность мою в Академии (1893–95 года). Это был тщательно одетый, тщательно причесанный и даже «прилизанный» лысеющий человек, с осторожной, бесшумной походкой и мягкими, закругленными движениями. На лице его была гримаса, гармонирующая со всею его несколько натянутой фигурой, напоминавшей *beau monde*ного «пшюта». Звука голоса его я тогда не слышал: лекций он не читал, речей не говорил. Но впоследствии я убедился, что и голос его был тихий, осторожный и вкрадчивый, как и фигура. Ничего открытого, смелого, энергичного в ней не было. Не было и в его деятельности ничего, что характеризовало бы борца или, по крайней мере, смелого и правдивого критика дурных сторон русской военной и тем более общей жизни.

После Маньчжурской войны, когда неготовность русской армии обнаружилась с исключительной ясностью, я пытался расширить свою критику и хотел поместить несколько статей в официальной военной газете «Русский Инвалид», редактором которой в то время был Поливанов. Статьи касались: привилегий гвардии, бесправия армейского офицера; недопустимости непрерывного увлечения формой одежды, необходимости учесть опыт войны и изменить уставы, подготовить и изучить свой тыл — как ближайший (обозы), так и дальнейший — базу. Через генерала Паренсова (довольно известный военный писатель) я получил отказ Главного Редактора, с добавлением: «из пушки, да по воробьям!»

Если мои статьи генерал Поливанов *случайно*, конечно, уподобил выстрелам из пушки, то вопросы, ими затронутые, никак нельзя считать «воробьями»... Я понял, что генерал Поливанов такой же «непротивленец», как и большинство, и вовсе не желает рисковать своею удобною и хорошо оплаченною должностью. Если впоследствии генерал Поливанов присоединился к мнению людей, желавших реформ, то это делает ему честь, но не меняет его прошлого — полного непротивленства и даже «преклонения» перед верхами. В последнем меня убедил следующий маленький факт:

В 1906 году я приехал на несколько дней в Петербург. В те дни я был уже объектом многих репрессий сверху. Мои статьи во многих газетах (я писал, где только печатали) сильно раздражали Петроградских «заправил». Мне передавали, что мои статьи называют «неприличными» (еще бы! скандал в благородном семействе) и что надо мною собирается серьезная гроза.

Мне ставили в вину не только содержание статей и их форму (она была простая и прямо вела читателя к сути дела), но и то обстоятельство, что все статьи, без всяких исключений, были подписаны полной фамилией и чином.

Короче говоря: я был уже в серьезной опале.

В первый же день по приезде я встретил на улице ротмистра А.Д. Далматова — молодого офицера, служившего тогда в офицерской кавалерийской школе. Офицер этот в ту пору ничем не был известен, кроме фотографии, которой владел весьма хорошо.

В 1904 году он снимал мои опыты по переправам кавалерии через реки, и отсюда пошло наше знакомство. Разговаривая с ним на улице, я узнал, что теперь он часто бывает *во дворце*, где фотографировал Государыню и Наследника Престола. Вдруг мой собеседник начал усиленно кланяться кому-то через мое плечо. Я быстро повернулся и увидел расплывшееся в сладкую улыбку лицо генерала Поливанова, кланяющегося крайне приветливо моему собеседнику. При моем повороте лицо Поливанова быстро изменило свое приветливое выражение на сухое и надменно-холодное...

— Что это за дружба с Поливановым? — спросил я Далматова.

Да он *тоже* часто бывает в Царском Селе и я там его встречаю.

«Так недурно! — подумал я, — генерал Генерального Штаба *сух с полковником своей корпорации* или просто с полковником русской Армии, ибо этот полковник в “опале”, но он изысканно любезен с молодым офицером-фотографом, имеющим доступ в Царский дворец!»

Выступления генерала Поливанова в Государственной Думе не имели и следа протеста существовавшим в России порядкам. Он только не плевал в лицо Государственной Думе, как это делали другие, и не отказывался отвечать на ее вопросы.

Это-то обстоятельство и было принято: одною стороною — как либерализм, а другою — как подвиг и достоинство.

Помню еще, как в 1905 году я встретился с Поливановым у Паренсова. Речь шла о подготовке Армии и о будущих назначениях. Долго я не вмешивался в разговор старших, наконец не выдержал и стал горячо доказывать необходимость различать главное от второстепенного, а потому — вред *увлечений* внешностью, всеми излюбленными у нас парадами, неумеренной выправкой, муштрой, формами обмундирования, картинками на смотрах и учениях...

Я говорил, что воинская красота, выправка и вся внешность должны быть не целью, а следствием всех занятий, всех требований службы, всего уклада жизни; но что сами по себе занятия и все требования должны иметь строго *практическое* значение; они должны прежде всего воспитывать военного, развивая в нем необходимые качества — мужество, стойкость, находчивость, решимость, самоотверженность, добросовестность и сознание *общности* дела,

и давать *знания*, применимые в будущей войне. «Внешность, — говорил я, — есть последнее, а не первое дело. Можно быть очень красивым и выправленным и позорно не знать своего дела. Красоту и выправку я не отрицаю, но только до тех пор, пока они не идут в ущерб главному: нужен сначала прочный фундамент и хорошие стены, а потом уже краски и картины... У нас же, как у кухарок и горняшек: на голове шляпка с цветами, лентами и перьями, в руках пестрый зонтик, а белье грязное и ноги немытые...»

Поливанов сделал кислую гримасу и с подъемом в голосе изрек: «Когда генерал Дрентельн* смотрел войска, он требовал, чтобы *штыки* были выравнены и не шевелились. В такой части все будет хорошо!»

Да, — ответил я, — штыки не колыхались, винтовки звенели на приемах, а Севастополь сдали в 1856 году, Плевну имели. Маньчжурскую войну с треском проиграли, хотя и прежде и теперь исповедуем неизменно все атрибуты выправки и муштры, *без должного внимания к существу военного дела*.

На этом наш разговор закончился, ибо мои собеседники вовсе не хотели «нервить» себя такими разговорами: они были скорее «молчальниками» и «непротивленцами», на худой конец — любили «побрюзжать» для пищеварения, а вовсе не отстаивать с пеною у рта или вообще горячо какие-либо убеждения.

По-моему, генерал Поливанов не был находкой на министерском посту. А потому, когда в 1911 г. А. И. Гучков — тогда председатель Государственной Думы спросил меня: как я смотрю на комбинацию: Сухомлинов — Поливанов, то я резко ответил: «Гнать обоих, и чем скорей, тем лучше!»

Я с вами не согласен, — возразил Гучков, — эта комбинация очень хороша: Сухомлинов умеет обращаться с «сферами», а Поливанов — дельный работник.

Но когда тот же А.И. Гучков встретил меня в августе 1914 года в Остроленке, то первые его слова были: «Вы были правы!»...

Как всегда, — ответил я, — ибо принадлежу к числу людей, не обманывающих ни себя, ни других.

О генерале Сухомлинове много говорить не приходится. Я повторю то, что сказал об этом генерале, кажется, в 1916 году, В.Л. Бурцеву.

На вопрос Бурцева: «Изменник ли Сухомлинов?» я ответил:

— Он так легкомыслен, что ему не надо быть изменником.

Его предшественника генерала Куропаткина в легкомыслии обвинить нельзя. Но его нельзя признать дальновидным и самоотверженным государственным деятелем. Он слишком

* Он считал бывшего Командующего войсками Киевского военного округа непререкаемым авторитетом, ибо то были могучие впечатления его молодости.

много думал о себе, о своей славе, которую предвкушал; о своем имени, которому недоставало графского титула! Ведь были же в России графы: Никитины, Евдокимовы, Коновницыны и Витте — почему не быть и графам Куропаткиным? С деловой точки зрения он был слишком заурядный российский офицер Генерального Штаба, да еще и «армеец», без знания иностранных языков и без придворного лоска! Карьеру сделал благодаря участию в боевых делах действительно большого русского генерала М.Д. Скобелева. «К звезде народного героя свое имя припаял», — говорят стихи, рассказывающие о русских генералах в Маньчжурской войне.

Несколько иным является наш первый Начальник «Генерального Штаба», преобразованного по образцу Германского «Большого Генерального Штаба», — генерал Ф.Ф. Палицын. Образованный, начитанный, владеющий несколькими языками, искусный дипломат и серьезный работник, однако, пошедший не по своей дороге.

Аллах понес его в кавалерию, которую он знал лишь издали да по книгам.

Благодаря своему такту Ф.Ф. Палицын сделался правой рукой Генерал-Инспектора кавалерии, Великого Князя Николая Николаевича, и вместе с последним в течение 10 лет малопродуктивно упражнялся над кавалерией. Великий Князь, суровый и необщительный, нагонял панику на кавалерийские верхи и низы, а Ф.Ф. сглаживал его шероховатости, успокаивал всех и писал приказы: о разрядах лошадиных тел, о разбитии на плацах линий с дистанциями для регулирования аллюров и выработки глазомера для перехода из одного аллюра в другой при атаках и о проч. мелочах, кои *исчезали, как дым, даже на маневрах мирного времени!*

Справедливость требует сказать, что начитанность, здравый смысл и таланты дипломата генерала Палицына были главным багажом инспекции кавалерии и что наряду с потерей драгоценного времени на неприменимые в современном бою «трехлинейные боевые порядки» и другие «картинки» кавалерия за эти 10 лет сделала значительные шаги в области своей подвижности, техники и обучения разных команд.

Генерал Рененкамф — с хорошим военным глазом и чутьем, но малоразвитой и мало образованный человек, хотя и академик; а главное, человек с весьма шаткой моралью. Грубые инстинкты и искажение правды находили частое применение в его деятельности. В твердых и умных руках он мог бы быть полезным. Но, как старший начальник, подавал дурные примеры и, кроме того, любил кутежи и неумеренное применение алкоголя на глазах у подчиненных.

Генерал Рузский — неглупый, довольно образованный, но очень слабый здоровьем человек. Вероятно, это обстоятельство мешало его знакомству с жизнью и выполнению тех функций начальника, на которых я уже неоднократно останавливался в этом труде. Кажется,

в 1910 или 1911 году ему предложили переработать Полевой устав. Он пожелал побеседовать с одним полковником. Таким образом, полковник имел возможность убедиться в приверженности генерала Рузского к уставным формам и *мелочам* и в его нежелании перейти к идейному и принципиальному Уставу, указывающему цель всяких действий, а затем уже приемы и нормы, конечно, в ограниченном числе, ибо «способы действий» и все расстояния между частями войск вполне зависят от их задач и всей совокупности обстановки, которая разнообразна, как жизнь.

Генерал Янушкевич — случайно занял пост начальника Генерального Штаба, а затем — автоматически — пост Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего. Это был милый, скромный человек, всю службу Генерального Штаба проводивший в канцелярии. Ему, конечно, следовало бы отказаться от должностей, несоответствующих его силам к опыту. Но честолюбие заедает иногда и скромных, чадолюбивых, упитанных и благодушных канцеляристов.

Генерал Беляев — назначенный военным министром по настоянию Императрицы Александры Федоровны, был просто — кретин, какие редко встречаются на свете. И как всегда кретины в больших чинах прячут свое ничтожество в «форме», так и этот был мелочным канцеляристом.

К числу таких чистейшей воды *канцеляристов*, хотя и не упитанных, принадлежал и генерал М.В. Алексеев, коему суждено было сыграть такую большую роль в печальные годы России. Но о нем, как и о генерале Самсонове, я буду говорить дальше.

Теперь же прекращаю характеристики отдельных лиц, ибо в жизни большой страны сущность не в качествах отдельных немногих личностей, а — *во всей системе*. Систему же создают верхи Государства, его «власти». Свойства же «властей» достаточно охарактеризованы мною.

Незнание своего дела, даже попросту — *профессиональное невежество* было главным их качеством, а к нему уже прилагались: недобросовестность (материальная и моральная), любовь к комфорту (эпикурейство), недалковидность и самомнение — не основанное на действительных фактах.

Все это создавало разлагающую атмосферу службы и всей жизни. И неудивительно, что вопросы: кого же взять вместо генерала Алексеева — не находили общих, дружных ответов.

Не было возможности выдвинуться и получить решительную известность и популярность: все более или менее приличное было придавлено или брезгливо ушло в себя, сократилось, а на поверхности плавали: «живые трупы», «сумасшедшие муллы», «Алешки

желтоглазые»^{*} и лица с другими кличками, указывающими на пренебрежительное к ним отношение со стороны подчиненных. Такие люди, как Корнилов и Марков, были почти неизвестны в мирное время; только исключительное стечение обстоятельств выдвинуло их. Были, конечно, и кроме них и честные люди и образованные военные: Самсонов, Гурко, Каледин, Краснов, Миллер, Головин, Келчевский, Стогов, Юзефович, Морозов и другие. Были способные люди, но слишком — карьеристы, типа Черемисова, Клембовского, Гутора, Крымова... Как не быть положительным типам в такой большой Армии, как русская? Будь бы надлежащая атмосфера, возможность — она создала бы целую плеяду великих людей и больших генералов. *Но такой обстановки, такой атмосферы не было* — ни в мире, ни тем более на войне^{**}. К тому же, общество русское стояло далеко от Армии и не знало лучших ее представителей, а потому не могло в критическую минуту выдвинуть их своим «мнением». Наоборот, общество было загипнотизировано властью, ее «сообщениями» и вместе с нею повторяло имена военных *посредственностей* и даже жестоких бездарностей, а временами и чистопробных пакостников, как например генерал Л...ь, портрет коего был напечатан в газете (чуть ли не в «Новом Времени») с соответствующей такому случаю надписью о героизме, доблести и талантах этого вовсе не доблестного генерала, а лишь наглого лгуна и жестокого эгоиста — эпикурейца. Таких примеров было очень много, и все они идут из одного источника системы, отсутствия умной, дальновидной и сильной руки наверху.

* * *

Середина русского командного элемента — командиры полков — были люди самые заурядные, думавшие прежде всего и больше всего: как бы угодить начальству. При этом: если это были «армейцы», то они считали карьеру свою сделанной и дрожали над своим благополучием; если же это — гвардейцы или офицеры Генерального Штаба, то они усердно занимались соображениями о дальнейшем служебном движении, учитывая открывающиеся вакансии и внимательно следя за своими сверстниками.

Заботы об истинной, боевой подготовке войск были столь же редки, сколь часты были заботы о «внешности», о парадах и о приеме начальства. Впрочем, заниматься действительной боевой подготовкой войск было даже невозможно: надо было выполнять буквы уставных мелочей и готовить войска к смотрам начальства. В справедливости моих слов проще всего убедиться по так наз. «большим маневрам». Казалось бы, что этим дорогим

* Был такой командир корпуса.

** «Наполеоны» рождаются, а война их только выдвигает, но лишь тогда, когда вся обстановка жизни способствует выдвиганию талантов, а не только серой посредственности или ловких интриганов.

и редким упражнениям надо было пользоваться вовсю и всем от велика до мала и обратно. Каждый начальник должен был священнодействовать на больших маневрах, не в целях приобретения бескровных лавров, а в целях обучения вверенной ему части и себя: здесь надо суммировать все зимнее и летнее обучение, все элементы военных занятий и показать применение их в обстановке близкой к боевой; причем, одно из первых условий для этого: все должны добросовестно учитывать отсутствующий на маневрах огонь, потери и затруднения в тыловой организации (обсуждая их, считаясь с ними). В действительности на маневрах никто не учился и не учил, а все гонялись лишь за бескровными победами — ради карьеры. Это — для верхов. А середина — или томительно отбывала номер, или — занималась выпивкой и закуской. Низы — месили грязь или варились в собственном соку!..

Игнорирование огня, переодевание на разведке, торопливость, таскание за собою нового обмундирования для переодевания перед появлением большого начальства и проч. несурзанности отдаляли дорогое и серьезное занятие гораздо дальше от действительной боевой обстановки, чем оно должно быть. Польза для дела выходила малая, потому что серьезно мало кто думал о деле.

* * *

Младшие чины Армии в своем большинстве отбывали томительные для них номера, отлынивая от службы при первой возможности. Всегдашним оправданием при этом было: «на получаемые мною 100 рублей я достаточно послужил; можно и отдохнуть!» Один из моих начальников в дни молодости — милейший и добрейший Р... говорил: «Брось дела; дело не медведь — в лес не убежит, а закуска остынет... А какую закуску сегодня приготовила жена: раки, грибы, свежая осетрина, биточки в томате»... Как тут не соблазниться — ведь это пахнет Чеховской «Сиреной», да еще зимой, когда так приятно, придя с холоду, пропустить одну другую рюмку «смирновки» или «английской горькой» под грибки в сметане или под горячую кулебяку. Только русские знают притягательную силу закуского и обеденного стола, потому что... только они употребляли столько времени на знакомство с этими атрибутами праздной и беззаботной жизни!.. Помню, как в дни строевых цензов или посещения полков начальством трудно было «соблюсти себя» и встать «целым» из-за стола! Если вас не «накачают», то накормят так — что вы еле двигаетесь.

Гостеприимство и торопательность — дело хорошее, если оно не идет в ущерб общему делу, если не уходит при этом невозвратно безжалостное время.

Помню, бывало, нет конца обеденному сидению: все проговорили, все прокричали, все пропели, все испробовали — больше ничего не лезет в голову: а они все сидят, все пьют, все угощают. Как будто напиться до невменяемости так почетно, так обязательно и так приятно!

И так — сегодня, так завтра, так каждый день!

Некий богач, корнет М...в, умудрился в г. Ковеле прожить таким образом в один год больше миллиона рублей. Конечно, это он сделал не в одиночку. Но вы подумайте: в уездном захолустье в 1890-х годах прожить миллион рублей!

А наряду с этим на службе отбывались номера.

Даже выражение «гонять смену» соответствует понятию отбывания номера. Солдат не *учили* верховой езде, а «гоняли смену». Отганивали смены, отстаивали пешие занятия, отсиживали тактические занятия, а затем — выпивка и закуска, а иногда и большие кутежи с некрасивыми номерами и очень часто — на глазах солдат.

Офицер, отбыв служебный номер при солдате или с солдатами, т. е. занявшись *кратко* службой, жил дальше своей жизнью, совершенно несходною с жизнью солдата. И здесь уж солдат являлся как бы слугою офицера.

Классовое деление клало *резкую* грань между нами, невзирая на попытки некоторых офицеров подойти к солдату, сблизиться с ним.

И в этом еще полбеды и даже нет никакой беды; но лишь при условии, что офицер перед лицом своего дела — «без сучка и задоринки»; если он мастер военного дела, если он непререкаемый авторитет для солдата, который к тому же видит в офицере отеческую заботливость, ровное деловое обращение и неизменно надлежащий (образцовый) пример во всем.

Но вот тут-то и слабое место. Авторитетом и тем более восхищением солдат пользовались далеко не многие офицеры. Большинство являлось перед глаза солдата со всеми человеческими слабостями и несовершенством и даже с малыми познаниями в кругу своих прямых обязанностей. Офицерская масса, как и командная, была вяла, бездельна, не предприимчива, мало идейна, придавлена и мало сведуща в военном деле.

Бесцветно протекала жизнь русского армейского офицера между выпивками, картами и отбываниями номеров, да смотрами, на коих: «должностные» наперегонки старались надуть начальство и удостоиться особенной его похвалы.

Впереди у офицера была единственная освещающая его служебный путь звезда: должность уездного воинского начальника с подполковничьим чином в награду за 30–35 лет службы! Только немногие счастливыцы умудрялись достичь в среднем возрасте чина полковника и должности командира полка, и еще более редкие шли дальше по иерархической лестнице. Даже в своде военных Постановлений, в книге VII-й были неодолимые условия для карьеры армейского офицера: одна из статей говорила, что армейский подполковник имеет право на производство в полковники только в том случае — когда он состоит уже «кандидатом» на полк, а другая — что кандидатом на полк можно

зачислять только полковников*. Вот тут и изворачивайся, как знаешь! Немудрено, что и в полковники и в «кандидаты» на полк проходили не многие... Вообще жизнь армейского офицера не была привлекательна и, что особенно скверно, не была ограждена от *произвола* начальства. Отсюда проистекало: неуверенность армейского офицера в завтрашнем дне, низкопоклонство, ухаживание не только за начальниками, но даже за их адъютантами. Речи начальства выслушивались с подобострастием, анекдоты с восхищением, смех подхватывался; начальство и всю его свиту ублажали всеми способами, причем в этом принимали участие все, даже полковые дамы! Но больше всего, все-таки, любили — пыль экипажа удаляющегося начальства.

Незавидная доля была у рядового русского офицерства. А потому многие опускались совсем и обращались в жестоких пьяниц и забулдыг. Конечно, все это не способствовало знанию своего дела и авторитетности в солдатской среде.

Гвардейский офицер жил много лучше, пользуясь лучшими стоянками, имея зачастую свои средства, а главное — веря в свои неотъемлемые права на карьеру.

* * *

Итак: в низах военной иерархии — неуверенность в себе, блуждание между трех сосен; в середине — держание за свое положение, а иногда и извлечение «профита» из этого положения; вверху заботы о карьере и имени до «графа» включительно, а также старательное угождение «придворным сферам»; последние заняты интригами в орбите Солнца, стараясь безраздельно овладеть его лучами! Все думали о себе... Что и доказали наглядно в дни испытания, когда надлежало показать свою преданность Солнцу и доказать, что слово их не расходится с делом.

Войну проиграли: от своих дурных привычек вовремя не отказались; на новый путь (конституционный) вовремя не стали (поддерживали упорство своего Монарха, а в момент шатания Престола *бросили своего «возлюбленного и обожаемого Монарха»* на произвол горестной, но вполне заслуженной его судьбы, а себе уготовили такие испытания, коим нет названия!)

* * *

Если вы скажете, что я нарисовал слишком мрачную картину русских военных порядков, русской военной действительности до войны 1914 года, то я отвечу вам:

Только при наличии таких порядков и могло случиться то, что случилось....

* Впоследствии, после поданной мною записки и напечатанной статьи, эта нелепость исчезла. Но держалась она долго, не вызывая протестов. Держалась, как держались и сказки о былых действиях войск. Никто не замечал, потому что критика не дозволялась, без нее покойнее жить.

Те отрицательные явления, которые наблюдались в Маньчжурской войне, а потом и в мировой, могли быть *только последствием* великого организационного нестроения, великого карьеризма и глубоко вкоренившейся привычки служить не общему делу, а людям, стоящим наверху.

Только при массовом царстве невежества и рабства могло скопиться наверху военной иерархии столько бездарностей и непротивленцев (молчальников), столько маленьких людей — устроителей мещанского счастья — в серединах, и столько *молчаливых-страстотерпцев* — в низах!

Только при таких порядках — война, начатая при исключительно благоприятных условиях для России (участие Англии и Японии, удачное сопротивление Франции и даже участие Италии на нашей стороне) — была нами проиграна уже в 1914 году, а также в каждый из последующих годов... А это дало нам и революцию, и развал Армии, и позор России, и нынешние страдания честных людей всего мира!

Текст приводится по изданию: Залесский П.И. Возмездие. Причины русской катастрофы. Берлин, 1925. С 43–111.

А.К. Баиов

НАЧАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СТРОИТЕЛЬСТВА БУДУЩЕЙ РУССКОЙ АРМИИ

АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ БАИОВ (1871—1935), генерал-лейтенант. Военный ученый и писатель. Окончил Археологический институт, военное училище, Академию Генштаба. В 1904—1914 — правитель дел Академии Генштаба, профессор. Также редактировал «Известия Императорской Николаевской Военной Академии». С 1914 — на театре военных действий (последняя должность — начальник штаба армии). В 1919 году эмигрировал в Эстонию, где преподавал в военно-учебных заведениях, занимался научной деятельностью, вел большую общественную работу в среде русской диаспоры. «Душой общества», «хранителем духа и идеалов русской армии» называли его коллеги.

Основной мотив творчества — история отечественного военного искусства. Самостоятельный путь и национальные особенности последнего всячески обосновывал и горячо отстаивал (по этой проблеме вслед за Д.Ф.Масловским создал наиболее значительные труды).

В 20-е и 30-е годы работал над основами строительства «будущей русской армии», развивал тему отражения войны в общественной мысли России.

Умер в Таллинне.

I.

«Пребывая в мире, нельзя забывать о делах воинских, чтобы не случилось с нами того, что с монархией греческой». Так сказал свыше 200 лет тому назад наш Великий Царь Петр I, отвечая на радостные поздравления его птенцов с заключением Ништадтского мира, закончившего долголетнюю войну со Швецией и утвердившего Россию на берегах Балтийского моря.

Эти мудрые слова Великого Петра не следует забывать нам и теперь, ибо, несомненно, что несмотря на существование Лиги Наций, различных официальных, полуофициальных и частных всякого рода организаций и отдельных лиц, борющихся за вечный мир и проповедывающих его; несмотря на различные договоры о ненападении; несмотря, наконец, на недавние международные постановления считать войну вне закона, защита существеннейших интересов народов и государств, решение ими их основных исторических задач, обеспечение национального их роста и всестороннего развития — могут быть достигнуты, по выражению создателя Германской Империи Бисмарка, лишь «кровью и железом».

Для достижения указанных целей война есть единственное и притом нравственно законное средство. И это потому, что хотя она для данного и, быть может, ближайшего одного-двух поколений несет ужас личного горя, несчастья и печали, экономическое расстройство, ослабление материальных сил, понижение морали и огрубение нравов, но в то же время она благоприятствует развитию и выявлению лучших сторон человеческой души, пробуждает героизм, жажду нравственного подвига, готовность жертвовать собою для других и ради высших национальных целей, она научает многому полезному, она заставляет народы более напряженно работать в производительном труде и, давая возможность отдельным государствам и народам достичь их национальных стремлений и задач, способствует в конце концов развитию материального и морального прогресса человечества вообще.

Вечный мир возможен только на кладбище. Все живое стремится с одной стороны сохранить себя, а с другой стороны обеспечить существование и получение наивысших во всех отношениях благ для себя и для своего потомства, и за них готово бороться всеми силами.

И никакие Лиги Мира и тому подобные организации, никакие договоры, признающие войну преступлением, не заставят народы отказаться от права на эту борьбу, от права на войну, когда дело дойдет до их жизненных и высших национальных интересов.

Недаром ныне, когда больше, чем когда-нибудь, идут разговоры о вечном мире, проповедуются учения, организуются разные союзы и заключаются всевозможные договоры против войны, все государства напрягают свои силы к тому, чтобы быть готовыми к войне, быть лучше других подготовленными к ней,— одни для сохранения и обеспечения своего настоящего положения, другие для достижения своих национальных стремлений и потребностей, третьи для получения первенствующего и даже мирового значения в соответствии с материальной и духовной мощью народов, их составляющих.

Раз это так, то вопрос о подготовке к войне во всех отношениях, об организации победы над теми, кто сможет и захочет помешать осуществлению тех или иных из указанных выше задач, приобретает действенное и притом весьма важное значение.

Особенное значение этот вопрос приобретает для нас, русских. Историческая жизнь России на путях осуществления ее материальных и духовных национальных интересов одиннадцать лет тому назад была остановлена и даже повернута на много лет назад. Россия потеряла даже свое более чем тысячелетнее имя.

Национальный дух народа, его русская стихия, сознание своего исторического предназначения и своего значения среди других народов, ощущение своей физической и моральной мощи, своей даровитости и талантливости, верная оценка своей духовной организации, отличной от таковой других народов, не сегодня-завтра заставят русский народ, сбросив всякого рода путы, его ныне связывающие, вернуться на прежний исторический путь, к решению национально-органических своих задач, и прежде всего для того, чтобы возратить России ее славное и дорогое для нас имя, занять среди других государств подобающее ей место, развернуть во всю ширь ее материальные возможности, дать выявиться в полной мере ее духовным богатствам и, в конце концов, выполняя миссию, возложенную на нее свыше, и руководясь истинами Православия, вести человечество к духовному совершенствованию.

Без борьбы внутренней и внешней, т.е. без войн гражданской и международных, добиться этих целей не представляется возможным.

Таким образом, России уже в ближайшем будущем предстоят войны, и притом многочисленные и очень тяжелые.

Чтобы победить в этих войнах, России нужна организация соответствующих общих и специальных средств и нужно умение использовать эти средства в определенном направлении. То и другое составляет задачу военного искусства. Военное искусство, как по своим задачам, так и по своей цели, представляется искусством чрезвычайно сложным и трудным; и, несомненно, поэтому как организация средств войны, так и использование их

для ведения ее — не могут производиться без определенной системы, без какого-либо плана, случайно, без направляющей идеи.

Такая система, такие руководящие идеи в военном искусстве, как, впрочем, и во всяком другом, могут быть установлены лишь при наличии основных положений, принципов или законов, основанных на природе вещей и на естественном взаимоотношении явлений, вытекающих из этой природы.

Наличие таких принципов (законов) признается всеми великими практиками военного искусства — великими полководцами, а также всеми первоклассными теоретиками военного дела — выдающимися военными учеными.

Великие полководцы силою своего гения интуитивно постигали эти принципы, сознательно на практике устанавливали их наличие и давали блестящие образцы их использования.

Выдающиеся военные ученые, изучая деяния великих полководцев, а также других военачальников, исследуя возможно большее число войн, в свою очередь убеждались в существовании законов военного искусства, вскрывали их сущность, точно формулировали их, делали познание их доступным для всех и наглядно доказывали, во-первых, что принципы военного искусства постоянны и неизменны и что только применение их различно, в зависимости от сложившейся обстановки, а во-вторых, что только следование принципам военного искусства и умелое применение их соответственно обстановке — приводило к боевой удаче, а нарушение принципов, забвение их приводило неминуемо к неудаче.

И эти положения справедливы при всякого рода войнах, при самых разнообразных условиях вооруженной борьбы, при боевых действиях различного характера — будут ли это войны международные или гражданские, ведется ли вооруженная борьба в местности обыкновенной, в горах, степях, в местности лесистой или болотистой, происходят ли боевые действия в поле, под крепостями, на разного рода укрепленных позициях, большими или малыми силами, наступлением или обороной, регулярным способом или партизанским.

К сожалению, как показывает опыт многочисленных войн, люди далеко не всегда относятся с надлежащим уважением к определенно установленным и практикой и теорией военного дела принципам военного искусства. Одни — по крайнему невежеству; другие — полагая, что принципы пригодны только в известных случаях, при боевых действиях определенного характера; третьи — считая, что в военном искусстве вообще не может быть никаких принципов и что для искусного ведения военных действий нужен только навык и некоторая талантливость.

Такое отрицательное, в том или ином виде, отношение к принципам приводит при военных действиях, прежде всего, к крайнему напряжению усилий действующих войск, требует необычайного героизма с их стороны и вызывает массу кровавых жертв, и если иногда дает частные успехи, то в конечном результате завершается полной неудачей.

Примеры такого отношения к принципам военного искусства особенно часто и притом до самого последнего времени, как показывает беспристрастная история, можно подметить в русской армии.

Вот почему наши войны при встрече с более или менее серьезным и «строгим» противником всегда были излишне кровопролитны; вот почему боевые действия у нас сплошь и рядом велись без системы, без руководящей идеи, на авось, кустарно, не считаясь с потерями, руководствуясь убеждением, что мы «шапками закидаем»; вот почему наши успехи обычно были случайными, а наши неудачи — естественными и потому частыми; вот почему нашим военачальникам приходилось учиться уже на войне и войною, платя за свои уроки реками безрезультатно пролитой крови.

Готовясь ныне к войне, мы должны прежде всего проникнуться мыслью о несомненном существовании принципов военного искусства, о громадном значении их, о необходимости их изучить и научиться применять при всякой обстановке. Мы должны раз навсегда оставить мысль, что можно, особенно при современных условиях, вести войну и отдельные боевые действия без следования принципам военного искусства. Мы должны твердо усвоить себе, что только при уважении к принципам военного искусства можно воевать и добиваться победы по слову Петра Великого «с легким трудом и малою кровью».

Нам тем легче исполнить все это, что наша отечественная история дает богатый материал для изучения военного искусства с этой точки зрения.

Изучайте походы и сражения Святослава Киевского, Дмитрия Донского, Великого Князя Московского Иоанна III, Царя Иоанна IV, Петра Великого, Миниха, Салтыкова, Румянцева, Суворова, Кутузова, Дибича, Скобелева, Гурко — и вы познаете, в чем состоят принципы военного искусства, каково их значение, как их применять при различной обстановке и что дает в результате искусное следование им.

Изучайте наши первые войны с Наполеоном, войны царствования Императора Николая I, Японскую войну 1904–05 гг. и Великую мировую войну, и вы познаете, к чему ведет сознательное или бессознательное пренебрежение принципами военного искусства, сколько лишней крови было пролито при этих условиях за достижение частных успехов, почему в этих войнах постигла нас конечная неудача, однако также оплаченная многочисленными напрасными жертвами.

Во всякой борьбе одерживает верх, побеждает сильнейший. Это закон природы.

В соответствии с этим и в зависимости от сущности других факторов вооруженной борьбы главнейшим принципом военного искусства является так называемый «принцип частной победы».

Принцип этот требует быть сильнейшим на решительном (важнейшем) пункте в решительную минуту.

Удар, произведенный при таких условиях на этом пункте, в момент, наиболее благоприятный для нас и наименее благоприятный для противника (решительный), приводит к успеху на этом пункте. Вследствие же причин материальных специального характера, а также нравственных и психологических,— этот частный успех влечет за собою физическую и духовную невозможность сопротивления на других пунктах поля борьбы и, в конечном результате, приводит к общему успеху, общей победе в данном сражении.

Быть сильнейшим — это значит иметь численное превосходство и обладать более высокими качествами.

Но из двух свойств, которые дают возможность быть сильнейшим, наибольшее значение имеет качество, а не количество, ибо именно оно дает: наибольшее искусство действий владения средствами борьбы, напряжение усилий, порыв, стремительность, настойчивость, упорство, энергию, стремление к наибольшей согласованности действий, способность проявить жертвенный героизм вплоть до отречения от себя в пользу общего дела и до готовности положить душу свою за други своя; иными словами — качество дает все то, что делает человека сильнее.

С другой стороны, количество всегда в ущерб качеству, в особенности в случаях, где стихийно должна проявиться деятельность человеческого духа.

Поэтому для осуществления столь необходимого для общего боевого успеха принципа частной победы нет нужды непременно быть превосходнейшим в числе (преобладать количеством). А потому, стремясь быть сильнейшим и принимая во внимание, что действовать во всех отношениях легче менее многочисленными, а значит и менее громоздкими, более подвижными и удобнее управляемыми массами, нужно стараться обладать преимущественно превосходнейшим качеством.

Из этого можно и должно сделать заключение, что для того, чтобы быть сильнейшим на решительном пункте в решительную минуту, нет необходимости иметь численное превосходство и на всем поле сражения, хотя бы оно простиралось на многие десятки верст, ибо и здесь должно отдать преимущество качеству над количеством.

А отсюда прямой логический вывод, что и на всем театре войны можно с успехом бороться с противником, не имея численного над ним превосходства, но обладая войсками, превосходящими его войска качественно.

Наряду с этим нужно признать, что в настоящее время больше, чем когда-либо, в силу причин социальных, экономических и духовных, и вследствие развития идей, с одной стороны, антигосударственных, а с другой стороны, националистических — содержать вооруженные силы, численно громадные, для всякого государства гораздо труднее, тяжелее и менее материально выгодно, чем относительно незначительную армию, но зато хорошо подготовленную.

Таким образом, все говорит за то, что не только нет надобности, но и гораздо полезнее в целях достижения конечной военной цели войны — одержании полной победы над врагом — и гораздо выгоднее, с точки зрения материальной и моральной тяжести для государства и народа, иметь в качестве средства для вооруженной борьбы «не вооруженный народ» и не «полчища», а относительно небольшую армию, каковую только и можно отлично подготовить, т.е. придать ей во всех отношениях высокое качество, это первенствующее свойство, дающее возможность быть сильнейшим на всех и на отдельных театрах войны, на каждом поле сражения и в решительном пункте его в решительную минуту.

Относительность при определении «незначительной» армии зависит от многих причин, и пределы ее различны для разных государств.

Она зависит: от величины самого государства, от численности народа, его составляющего; от географического положения государства; от протяжения и характера его границ; от естественных богатств; от промышленного и экономического его развития, его государственного смысла, силы и качества патриотизма, осознания им своей провиденциальной миссии; от его духовного развития, в частности от его религиозности и просвещенности вообще.

Все эти данные, обуславливая максимальную численность небольшой армии, в то же время должны определить и ту военную систему, которая может обеспечить формирование, организацию, пополнение, снабжение всем необходимым и боевую подготовку армии, дающую ей наивысшее качество.

Качество армии, в соответствии с природой человека, складывается из элементов материальных и духовных.

К первым относятся: физическое здоровье, сила и крепость каждого воина; все необходимое для жизни армии во все периоды ее существования и деятельности (обмундирование, снаряжение и т.д.); всякого рода оружие для ведения действий вообще и боя в частности; обученность отдельного бойца и целых частей различной величины; владение оружием, как в одиночку, так и в совокупности; искусство выполнять раздельно и согласованно различного рода действия, вызываемые боевой обстановкой; навыки,

способствующие при наименьшей затрате физической силы и энергии выполнению всего того, что может быть потребовано на войне силою вещей, волею руководителей всяких степеней и обстоятельствами. Сюда же нужно отнести и организацию войсковых частей, ибо она способствует искусному пользованию оружием, и выполнение необходимых боевых действий.

К духовным элементам качества относятся: способность преодолевать чувство самосохранения, сильная воля, твердость характера, храбрость, энергия, настойчивость, уверенность в себе, душевный подъем, стремительность, мужество, дисциплина, ясность сознания, хладнокровие, душевное равновесие, терпеливость, воодушевление, бодрость, готовность жертвовать собою для других и для общего дела.

Как бы ни были совершенны физические свойства человека, он не в состоянии будет использовать их на войне и особенно в бою, если он потеряет способность преодолевать чувство самосохранения; как бы богато ни были снабжены каждый воин в отдельности и вся армия в общем различного рода предметами снабжения, хотя бы и наивысшего качества, они не принесут им пользы, если воин в то же время утратит волю, духовную энергию и твердость; как бы совершенно ни было в армии оружие, оно будет для нее совершенно излишне, если наряду с этим воины в бою потеряют ясность сознания и уверенность в себе; никакое умение владеть оружием, никакое искусство производить различные боевые действия и никакие полезные навыки не приведут к успеху, если армия сверх этого не будет обладать храбростью, мужеством, душевным равновесием, хладнокровием, спокойствием; никакая самая лучшая организация, даже вполне отвечающая принципам военного искусства, не выполнит своего назначения, если в армии не будет подлинной воинской дисциплины.

К этому нужно прибавить, что армия не в состоянии будет преодолеть всех тех физических тягот, неудобств и неприятностей и тех моральных испытаний, которые сопровождают войну постоянно и непрерывно, если солдаты ее не будут обладать силою воли, настойчивостью, упорством, терпеливостью...

Наконец, только обладая высоким душевным подъемом, захватывающим воодушевлением, сильною стремительностью, горячим порывом, неиссякаемой энергией и бодростью, жаждой победы во что бы то ни стало, готовностью жертвовать собою за других и для победы, армия может выказать наивысшее напряжение всех своих физических и духовных сил для преодоления наисильнейшего сопротивления врага, опирающегося на все свои материальные средства и воодушевленного желанием не уступить до конца.

Таким образом, все материальные элементы находятся в зависимости от духовных и первые теряют всякое значение при отсутствии или даже недостаточности вторых.

Поэтому, несомненно, духовная, нравственная сторона имеет преимущество над материальной.

Дух преобладает над материей.

II.

Дух преобладает над материей.

Это, конечно, не значит, что материальная сторона не имеет никакого значения и может быть оставлена в пренебрежении.

Представляя собою фактор, усиливающий качество армии; давая средства, облегчающие борьбу с противником; уравнивая до некоторой степени шансы с ним; увеличивая возможности сломить его сопротивление, материальная сторона тоже имеет громадное значение.

Вследствие этого необходимо стремиться к тому, чтобы все элементы материальной стороны были бы наиболее совершенными и вполне отвечали бы требованиям современных условий войны.

Это тем более необходимо, что превосходство в этом отношении противника угнетающе действует на психику и на дух армии и потому сильно понижает духовную сторону, нравственный элемент.

Напротив того, сознание нашего превосходства над противником во всех частностях материальной стороны действует на психику и дух армии возбуждающе и потому чрезвычайно повышает нравственный элемент.

Все это необходимо иметь в виду при установлении основ воспитания и образования отдельного бойца и целых войсковых частей, программы, плана, системы и методов их, принимая во внимание первенствующее значение воспитания, взаимную связь между воспитанием и образованием, последовательность того и другого и практические цели, преследуемые обоими.

Высшим выразителем материальной стороны является оружие, которое в последнее время в большинстве случаев имеет характер машины, чрезвычайно по роду и виду разнообразной, обладает страшной разрушительной силой, дает возможность в короткий промежуток времени выводить из строя навсегда или на более-менее продолжительный срок громадное количество людей. В общем, современное оружие весьма могущественно, но чрезвычайно сложно по своему устройству и требует продолжительной и серьезной специальной подготовки для продуктивного пользования им.

Источником, сосредоточением и проявителем нравственной стороны является человек со всеми его физическими и духовными, положительными и отрицательными свойствами.

Раз это так, то исходя из того, что духовная сторона, нравственный элемент имеет большее значение, чем элемент материальный, необходимо признать, что человек на войне главенствует над каким бы то ни было оружием, ему принадлежит важнейшее значение, он первенствует над машиной.

Однако свойства современного оружия — машин — настолько могущественны, что сопротивляться обладающему ими, казалось бы, совершенно невозможно ни при каком характере боевых действий, ни при какой обстановке.

Несомненно, что всякое оружие, и чем совершеннее, тем больше, благодаря своим свойствам, в руках борющихся людей может в значительной степени облегчить нападение и усилить сопротивление и притом настолько, что в обоих случаях, вследствие именно его наличия, будет сломлено противодействие врага. Но, во-первых, по своей природе оружие может только усиливать и облегчать действия человека, само же оно, как бы совершенно и автоматически ни было, действовать не может, а во-вторых, оно в состоянии проявлять эти свои свойства в полной мере только тогда, когда в боевых действиях, угрожающих смертью и угнетающе влияющих на ум и волю людей, воины не потеряют способность подавить в себе чувство самосохранения и сохранять сильный дух и ясность сознания.

Если же этого не будет, то никакая машина им не поможет, и прежде всего потому, что они не в состоянии будут ею управлять, ее использовать, и она будет бездействовать.

Таким образом, оружие (машины) приобретают значение только в войсках, обладающих высокими нравственными качествами. Напротив того, в войсках, у которых дух слаб, оружие-машины не только не дадут положительных результатов, но могут послужить лишь легкими трофеями для противника и привести даже к катастрофе. Это потому именно, что нравственно слабые войска более возлагают надежд на машины, а не на себя; и когда, вследствие слабости их духа, машины перестают производить ожидаемый от них эффект, то они обычно бросают их и поддаются панике.

Такое положительное и отрицательное влияние оружия-машин, а значит и их значение, может сказаться или в различных частях армии, в зависимости от разной высоты их духовного элемента, или в одной и той же части, когда он под влиянием тех или иных обстоятельств изменяет свое нравственное состояние.

История дает этому массу примеров.

Поэтому, с одной стороны, нельзя смотреть на оружие-машины, как на некую незыблемо-прочную и первичную основу, которая при всех обстоятельствах может обеспечить всегда боевой успех, а с другой стороны, обязательно должно принимать все меры к тому, чтобы непрременный участник боевых действий, которые без него не могут

быть осуществлены,— человек был бы всегда на высоте с точки зрения силы его духа, в самом широком понимании этого слова.

В общем, в боевых действиях первенствующее значение принадлежит человеку, а не машине (оружию), как бы она ни была могущественна и совершенна.

Справедливы поэтому слова знаменитого военного ученого генерала Генриха Антоновича Леера, который говорил, что главнейшим оружием на войне является человек.

Эти выводы и необходимо не упускать из виду при организации армии, при снаряжении и вооружении как отдельного воина, так и целых войсковых частей. Их также нужно иметь в виду при установлении способов боевых действий при всяких случаях и при разной обстановке.

Среди личного состава Армии, составляющего ее важнейшую часть, имеющего первенствующее значение и являющегося главным орудием войны, нужно выделить тех лиц, которые во всех отношениях являются руководителями войск, начиная от самых мелких до самых крупных войсковых соединений. Лица эти — начальники всех степеней.

Значение начальствующих лиц громадно, так как они обучают и воспитывают войска, направляют и следят за их боевой подготовкой в широком смысле слова, а во время боевых действий составляют их планы и приводят их в исполнение, пользуясь для этого подчиненными войсками как средством, как орудием достижения тех или иных боевых задач.

Чем многочисленнее войсковая масса, которая подчиняется начальнику, тем и значение его больше, ибо тем боевые задачи, возлагаемые на него, значительнее, тем их достижение или невыполнение сильнее отражается на общем ходе войны и влияет на конечный ее результат.

С другой стороны, чем крупнее с этой точки зрения начальник, чем по своему положению он выше, тем выполнение его специальных обязанностей труднее. Эта трудность преодолевается только соответствующей всесторонней подготовкой.

Таковыми крупными начальниками должны почитаться все, начиная с тех, которые по основной организации еще мирного времени находятся во главе первых войсковых соединений, имеющих в своем составе несколько родов войск. Эти войсковые соединения обычно обладают значительной численностью и всеми средствами для решения самостоятельных боевых задач на поле сражения, то или иное выполнение которых отражается на ходе и результате всего сражения.

Таких начальников логично и справедливо называть генералами.

В зависимости от той роли, которая выпадает на долю генерала, как в мирное время, так и особенно во время войны, его специальная подготовка должна обнимать и умственную и волевою стороны.

Он должен обладать обширными и всесторонними, твердо усвоенными знаниями военного дела; он должен отлично понимать военное искусство как в его идейной, принципиальной части, так и в технической; он должен обладать широким взглядом (большим кругозором) в своей специальности и вообще быть в полной мере просвещенным в ней.

Все это дает ему прочный базис для работы и уверенность в себе. А еще Суворов говорил, что «на себя надежда — основание храбрости».

Генерал должен иметь твердую волю и сильный характер, и как производные от этих данных: спокойствие, хладнокровие, присутствие духа, способность не теряться ни при каких обстоятельствах, не суетиться и не суетить других.

Ему необходимо обладать решимостью принять решение и решительностью его выполнить, довести его до конца; ему должна быть присуща широкая, но разумная в пределах его компетенции, активная и пассивная инициатива, т.е. он должен уметь проявлять инициативу сам и в то же время, что, пожалуй, труднее, давать право и возможность проявлять ее своим подчиненным.

Генерал должен иметь гражданское мужество и не бояться ни юридической, ни нравственной ответственности.

Возможность больших потерь не должна останавливать генерала в принятии решения, важного для общего дела, и в приведении этого решения в исполнение с возможно большей энергией, ибо он должен помнить, что его колебания в принятии решения и его вялость в исполнении в конце концов потребуют гораздо больше усилий и приведут к гораздо большим жертвам и потерям.

Однако во всех случаях и при всех обстоятельствах генерал должен стремиться к тому, чтобы достигать успеха «с легким трудом и малой кровью».

Генерал должен уметь в минуту тяжелых физических и моральных испытаний подчиненных ему войск горячим словом, сильной речью, наконец, личным примером поднять их дух и возбудить в них энергию.

Наконец, генерал обязан выказывать наибольшую заботу о подчиненных ему войсках во всех отношениях, однако при полном отсутствии сентиментальности.

Таковы требования от генерала.

Он сможет выполнить их, если на свою службу, на свои обязанности он будет смотреть как на великое служение Родине, если он будет всецело предан своему делу, если он будет относиться к нему с любовью.

Ему эти требования выполнить будет легче, если он будет воином по призванию, если он будет даровит, обладать талантливостью, если в нем будет заложена способность к творчеству.

Как бы, однако, ни благоприятствовали выполнению этих требований врожденные качества человека, но все же достигнуть наибольшего совершенства в этом отношении можно лишь при надлежащей постановке соответствующего образования и воспитания лиц, готовящихся быть начальниками, начиная со школьной скамьи и затем в продолжение всей дальнейшей службы.

Для такой же постановки воспитания и образования необходима благоприятная для этого военная система, обеспечивающая справедливое и постепенное, в зависимости от опыта, знания и таланта, возвышение начальствующих лиц и создающая атмосферу, способствующую развитию в каждом начальнике требуемых от него качеств.

Но и этого всего будет мало, если каждый начальник и генералы в особенности, помня постоянное развитие военного дела, не будут стремиться путем самообразования и самовоспитания к возможно большему совершенствованию в себе необходимых им качеств, чтобы стоять всегда на высоте своего назначения.

Начальники всех степеней, до самых высших включительно, должны всегда помнить, что учиться не только никогда не поздно, но нужно всегда, непрерывно и усердно.

Каковы бы ни были основы формирования армии, будет ли она комплектоваться по принципу общеобязательной воинской повинности или состояться из профессионалов, служащих по найму, она во всяком случае будет состоять в подавляющем числе из лиц господствующей национальности данного государства. Это одинаково относится как к солдатской массе, так и к начальникам всех степеней. И с этой точки зрения армия в наше время не может быть не национальной. И так как армия есть важнейшее средство военного искусства, то, таким образом, национальный элемент, несомненно, должен играть в нем определенную роль, хотя бы чисто внешнюю, разумея под этим бытовую сторону и некоторые жизненные и профессиональные навыки.

Но влияние национальной стихии на военное искусство не ограничивается только этим. Оно более существенно и глубоко.

Военное искусство как в тесном смысле слова, обнимающем собственно боевые действия, так и в более широком, включающем все вопросы, связанные с военным делом, подобно всякому другому искусству, есть результат деятельности душевных сил человека.

Характер этих сил зависит в значительной степени от национальных особенностей данного народа, сложившихся под влиянием условий: географических, этнографических, биологических и исторических, при которых данный народ образовывался, развивался и долгое время существовал, а также от той обстановки, в которой он живет в настоящее время и которая зависит: от степени и характера культуры, силы и направления просвещения, политического устройства и т. д., обстановки, отличной от той, в которой живут другие народы, и потому тоже долженствующей быть названной национальной.

Таким образом, нужно признать, что военное искусство, как, впрочем, и все другие, национально.

Каждое искусство достигает наивысшего своего совершенства, когда его источник — духовные силы человека — проявляет себя наиболее напряженно. Такого наивысшего напряжения духовных сил можно достигнуть тогда, когда они действуют совершенно свободно, в полном согласии с интеллектуальной и психической организацией человека и вообще в условиях, наиболее для этого благоприятных.

То и другое может быть лишь тогда, когда проявление духовных сил происходит под влиянием национальной стихии.

Если это относится вообще ко всем искусствам, то тем более должно признать это в отношении военного искусства. Это потому, что работа в области военного искусства происходит при обстановке, требующей наибольшего напряжения ума и воли и прочих духовных сил человека.

Таким образом, чтобы в военном искусстве достигнуть наибольших результатов, поставить его на наибольшую высоту, сделать его наиболее совершенным, необходимо творить в нем, не отрываясь от национальной основы, необходимо сохранять его национальный характер.

История вообще и наша отечественная в частности наглядно свидетельствует об этом.

У нас военное искусство достигало наивысшего состояния в эпоху Петра Великого и в век Екатерины II, когда оба эти Государя во всем проводили национальную точку зрения, когда военное искусство было вполне национальным и когда у нас появились великие, проникнутые национальным духом, полководцы — Петр Великий, Румянцев и Суворов.

Утверждение, что военное искусство национально и что развитие его должно идти в национальном духе, сохраняя его национальный характер, не может быть поколеблено теми двумя истинами, в силу которых военное искусство, где бы оно ни культивировалось и ни проявлялось, всегда опирается на одни и те же принципы, вытекающие из его природы, и что одно из главнейших средств военного искусства — оружие, вследствие идейного и

технического общения между собою всех народов и государств, ныне в различных армиях почти одно и то же.

Принципы военного искусства, очевидно, одинаковы для всех национальностей. Но вследствие различного характера мышления у разных национальностей и различного по силе и характеру проявления одних и тех же эмоций эти одинаковые принципы воспринимаются не совсем одинаково, взаимно расцениваются иначе и применяются различно. Одна национальность применяет принципы слишком прямолинейно и узко, другая обращается с ними более гибко и смотрит на них шире.

Точно так же и оружие в своей сущности в современных армиях одно и то же, но, во-первых, достижения в его совершенстве у разных государств различны, во-вторых, ввиду различия в национальной обстановке оно должно быть приспособлено к ней и, в 3-третьих, приемы и способы использования даже совершенно такого же оружия в зависимости от свойств ума и психики владеющих оружием, а также условий, в которых им пользуются, могут быть различны в той или иной обстановке.

Таким образом, лишь пренебрегая национальными особенностями в военном искусстве, можно достигнуть наилучшего использования и одинаковых принципов и одинакового по существу оружия.

Сохранение национальных особенностей в военном искусстве также не может повредить ему и в том случае, если бы у других появились в этой области и новые идеи и новые технические достижения.

Ибо новые идеи в настоящее время могут относиться только к тому пониманию и толкованию принципов и к новому, поэтому, их применению, а также к созданию новых или к усовершенствованию старых технических средств. Что касается новых технических достижений, то результатом их может быть или оружие совершенно нового типа, или усовершенствование в оружии старого типа, а также новые способы его использования и применения.

Естественно, что проходить мимо того и другого не представляется возможным.

Во-первых, мы должны хорошо знать своих вероятных противников, дабы создать соответствующие средства и способы борьбы с ними, а также своих возможных союзников для того, чтобы быть осведомленными, на что мы можем у них рассчитывать, а во-вторых, то и другое в той или иной мере может быть использовано и нами.

Однако ни в идеях, ни в технических достижениях не будет полезно заимствовать все безоговорочно и целиком, потому что как бы они ни были совершенны и даже, так сказать, интернациональны, все же при переносе их на почву эффекта, который они производят на родной почве, на той почве, на которой они возникли.

Заимствуя что-либо из области военного искусства как в его идейной, так и технической частях, необходимо заимствованное приспособить к национальной обстановке, переработать, пронизать его национальными особенностями, согласовать с национальными условиями. Только при таких условиях заимствованное даст при его использовании желаемый результат. В противном случае оно не привьется, не войдет в плоть и кровь, останется чуждым и, даже при наибольших усилиях извлечь из него хотя какую-нибудь пользу, не даст желаемых результатов.

При всем том, должно помнить, что дарования нашего народа, сила его умственных способностей, его большие творческие возможности, его всесторонняя талантливость, его высокие качества, вообще вся его высокая духовная организация, его исторический опыт, его обширная многовековая и многообразная практика в военном деле не должна допускать мысли, что мы, русские, в самостоятельном развитии военного искусства во всех его областях можем оказаться позади других национальностей, можем проявить меньше творчества, чем они, и, таким образом, можем быть поставлены в необходимость только заимствовать у других, слепо подражать этим другим и тем самым отказываться от своей самобытности.

Действия Петра Великого в этом отношении могут служить нам поучительным примером. Поставленный в необходимость весьма много заимствовать в области военного искусства у иностранцев, Петр все заимствованное переработал в горниле национализма, и потому в результате проявил такое самостоятельное и самобытное творчество, проникнутое национальным духом и соответствующее национальным особенностям русского народа, что в военном искусстве опередил свое время более чем на сто лет, дав возможность появиться у нас таким великим полководцам, как Румянцов и Суворов.

Итак: 1) значение и уважение в смысле следования, применения принципов, 2) преимущественное значение качества перед количеством, 3) важность духовной стороны по сравнению с материальной, 4) первенствующее значение человека, а не машин, 5) превосходная всесторонняя подготовка начальников и 6) необходимость следования национальным путем — таковы те первичные основные положения, при наличии которых только и может естественно, самобытно и совершенно развиваться военное искусство.

А раз это так, то эти же положения, как первично-основные, должны быть приняты как безусловно обязательные при строительстве будущей русской армии, дабы она была во всеоружии для той борьбы, которую ей придется несомненно вести за существование, честь, достоинство и лучшее будущее Великой Национальной России.

Текст приводится по изданию: А. Баиов. Начальные основы строительства будущей русской армии // Русский Колокол. — 1929. — № 8. — С. 6—13; 1930 — № 9. — С. 21—29.

Горение духа. Слово об Антоне Керсновском

Многоуважаемый и для всей России дорогой Антон Антонович! Дерзаю от всей души благодарить Вас от имени русских людей... Вам за Ваши ревностные труды останется навеки наша благодарность. Митрополит Антоний (Храповицкий)

Одним из ярчайших представителей военной культуры Русского Зарубежья был Антон Антонович Керсновский. В отличие от коллег — военных писателей эмиграции, он не прошел страды долгой военной службы, был человеком уже иной формации. Вместе с тем, словно вобрал в себя все лучшие их дарования. Как отмечали сподвижники, «просвещаемый высшей правдой, он верно угадал свой путь»...

Лишь через полвека после смерти этого уникального писателя, «как драгоценным винам», настал черед его произведениям, пришло время его познания и признания.

А.А. Керсновский родился 23 июня 1907 года* в деревне Цепилово, близ города Сороки, в Бессарабии, в небольшом имении, приобретенном еще дедом — Антоном Антоновичем Керсновским, отставным полковником, геодезистом и инженером. Отец писателя, тоже Антон Антонович, юрист-криминолог, служил следователем Одесской Судебной Палаты. Мать, Александра Алексеевна, преподавала в гимназии иностранные языки. Младше Антона была сестра Фрося. Семья жила в Одессе на Моравлиевской улице. Учился Антон легко и охотно. Отец привил ему любовь к литературе, мать — к языкам. В мальчишке рано пробудилась страсть к военному делу и стала определяющим мотивом его дальнейшей жизнедеятельности.

Революция и Гражданская война нарушили привычный уклад семьи. Антон совсем юным некоторое время находился в рядах Добровольческой армии, считая, что правда на ее стороне.

Керсновские, пройдя через разлуку, мытарства, унижения, переехали в родную деревню, отошедшую в составе Бессарабии к Румынии, и занялись фермерством. Антон уехал учиться в Вену. Отец умер в 1936 году. В 1940 г. Советская власть, установленная в

* Эта дата указывается Н.П. Рклицким и противоречит воспоминаниям младшей сестры писателя Е. Керсновской, согласно которым Антон был несколькими годами старше.

присоединенной к СССР Бессарабии, «раскулачила» мать и сестру. Фрося переправила Александру Алексеевну в Румынию, сама же осталась и попала под каток репрессий*.

Судьба Антона складывалась необычайно и трагично. В столице Австрии он окончил Консульскую Академию, почерпнув обширные знания в области дипломатии и международных отношений. Много дало общение с посольскими секретарями, атташе, журналистами, офицерами европейских стран. Образование продолжил во Франции, в университете города Дижона. Затем прослушал курс в Сен-Сирской военной школе, где систематизировал и обогатил свои знания военной истории и теории, изучил особенности сильнейших армий мира.

Во второй половине двадцатых годов Керсновский обосновался в Париже. С блестящим образованием, свободным владением языками, приятной элегантной внешностью, несомненно мог сделать большую карьеру. Но в своей душе он воздвиг алтарь, имя которому Родина. Из всех открывавшихся перед ним путей избрал самый тяжелый — целиком посвятил себя духовному возрождению России и ее армии.

Как известно, за это в эмиграции не платили. Нужно было заботиться о хлебе насущном. Приходилось давать уроки, разносить по ночам почту. В материальном плане довольствовался малым, часто отказывал себе в элементарном. Жил в комнате, расположенной на чердаке.

Основную часть времени проводил в парижских архивах, библиотеках и за своим письменным столом. Знавшие Керсновского поражались его исключительному трудолюбию и упорству в достижении цели. Он и сам подчеркивал, что «Бог не помогает лежебокам». Как-то справедливо обронил: «У нас есть крупный национальный недостаток... мы горячо беремся за дело, но когда оно затягивается — охлаждаем к нему». Вплоть до 1941 года Антон Антонович сотрудничал с рядом эмигрантских газет и журналов. Однако ввиду их бедности гонораров, как правило, не получал. Друзья отмечали бескорыстие молодого писателя как одну из главных его черт.

Керсновский отличался также независимостью суждений и поведения, прямоотой высказываний. Эти качества соседствовали в его характере с максимализмом, что осложняло ему жизнь. Когда касалось принципов, бывал резок не только в отношении своих идейных противников «лжелибералов», но и «вождей эмиграции». Не раз публично вступался за честь и достоинство того или иного офицера.

* Ефросиния Антоновна Керсновская прожила долгую жизнь и умерла 8 марта 1994 года в Эссентуках. Человек трагичной и фантастической судьбы, она прошла ад ГУЛАГа, запечатлела свой крестный путь в книге «Наскальная живопись» и сотнях рисунков, изданных недавно альбомом.

Конфликты подтачивали душевные силы. Годы изнурительного труда и перенапряжения подрывали без того некрепкое здоровье: у писателя еще с Гражданской войны прогрессировал туберкулез.

Несмотря на это обстоятельство, незадолго до нападения Германии на Францию Керсновского призвали во французскую армию и отправили на фронт. «Грустно и несправедливо умирать на чужой земле — и за чужую землю, когда я хотел быть полезным своей Родине...» — писал он в последнем письме к родным в феврале 1940 года. Через три месяца пришло сообщение о его гибели в боях под Деммартеном. Известие оказалось ошибочным. На самом деле Антона Антоновича тяжело ранило. Демобилизованный, почти без средств к существованию, смертельно больной, он оставался в оккупированном Париже и работал по изучению опыта войны, охватившей мир. 24 июня 1944 года Керсновский скончался*. Но остался жить в своих произведениях.

Его печатное наследие — это две книги (пять томов), брошюра и масса статей в эмигрантской прессе. В рукописях — гораздо больше, однако их след утерян.

С самого начала он творил зрело, ярко, неподражаемо. Как публицист дебютировал 20 марта 1927 года в белградском еженедельнике «Русский военный вестник» (статья «Об американской артиллерии»). С того момента издатель Н.П. Рклицкий** в лице молодого автора обрел своего основного сотрудника, «ударное перо», в значительной мере определявшее общий тон газеты, в 1928 году сменившей название на «Царский вестник». До 1940 года на ее страницах Керсновский опубликовал свыше полутысячи (!) материалов.

Первоначально он знакомил круги эмиграции преимущественно с состоянием и новой историей вооруженных сил государств. О тематическом охвате цикла говорят названия работ: «Вооружение Италии», «Сущность французской военной реформы», «Германская конная дивизия военного времени», «Организация броневых сил Красной армии», «Японская армия» и т.п. Автор вел кропотливейшую работу по составлению военно-морской хроники, регистрировал малейшие важные изменения, использовал массу статистических данных, детальный анализ и прогноз. По выражению Н.П. Рклицкого «Антон Антонович... как бы нес службу Русского Генерального штаба». Несколько позднее один из авторитетнейших генералов эмиграции В. Флуг вспоминал: «Статьи Керсновского явились... свежей струей, неизвестно откуда падающей, причем давал он не какие-либо переводы или компиляции

* В тот же день, не пережив смерти мужа, покончила с собой его жена Галина Викторовна Керсновская. Урожденная Рышкова, она приходилась сестрой Евгению Рышкову, писателю, соредактору журнала «Часовой», более известному под псевдонимом Е. Тарусский.

** Николай Павлович Рклицкий (1892–1972). До Второй мировой войны один из активных общественных деятелей русской диаспоры в Югославии, был тесно связан с духовенством, особенно с главой Русской Зарубежной Церкви митрополитом Антонием (Храповицким). После войны перебрался в США, где принял сан, став отцом Никоном, Архиепископом Вашингтонским и Флоридским.

иностранных авторов, а оригинальные характеристики, основанные на глубоком понимании самой сущности военного дела. Он обнаруживал при этом удивительную разносторонность своих дарований и писал с одинаковым пониманием как о доктрине или существовании реформ той или иной армии, так равно об артиллерии, кавалерии, авиации, морских силах... Статьи его всегда жизненны и потому представляют существенный интерес не только для специалистов...»

Надо сказать, что читающая публика, заметив новое имя, была сбита с толку. Военные авторитеты просили редактора открыть имя опытного военного писателя, скрывающегося за подписью Керсновского, но правдивый ответ принимали поначалу за «мистификацию». Внимание к Керсновскому проявили и иностранцы. Переводы статей стали появляться в военной литературе Югославии, Болгарии, Чехии, а затем и Германии. В последней автора величали *russischer General Kersnovski*, видимо, потому, что, по немецкой логике, полемику в военных журналах, в которую включился сам «творец рейхсвера» фон Зеэкт, способен вызвать не менее чем генерал...

«Он сейчас совершенно свободно мог быть профессором Военной Академии»,— воскликнул как-то в 1927 году генерал Б.В. Геруа в адрес Антона Антоновича...

Таким образом, дебют Керсновского произвел фурор и немалое замешательство: в истории нашей военной мысли вряд ли существовал столь высоко эрудированный двадцатилетний аналитик.

Другая серия его статей посвящалась делам России. Она начиналась циклом «Ко второй гражданской войне». Речь шла о необходимости заблаговременной подготовки эмиграции на случай новых потрясений в России, которые могли быть следствием мирового столкновения 30–40-х годов. «Мы должны твердо знать, что если освобождение России (от большевизма. — *И.Д.*) во власти Божьей, то приближение сроков ее освобождения — во власти каждого из нас»,— писал Керсновский, предлагая активизировать антисоветскую деятельность и создать в Белграде «Семинарий гражданской войны»— систему курсов, дискуссий в печати и офицерских собраниях, написание и обобщение научных трудов по изучению гражданской войны и ее теории.

Стремясь предвосхитить «сценарий» разрешения «русского вопроса», он пытался заложить теоретические основания воссоздания вооруженной силы на Родине «после большевиков». В статьях «Военизация страны», «Наша будущая малая армия», «Наш будущий офицерский корпус» и в других предусматривались организационные меры, благодаря которым военная мощь державы не снизилась бы в переходный период и возросла в дальнейшем. Идею «малой» качественной, подвижной, хорошо управляемой армии, наполовину состоящей из сверхсрочнослужащих и «добровольцев», высокооснащенной

«чудесами современной техники» и проникнутой отважным наступательным духом, он всесторонне развивал и в ряде последующих работ. В очерке «Упущенная возможность» даже исследовал вопрос о переходе к профессиональной армии осенью 1917 года. Он считал, что у правителей был шанс. Стоило им проявить ум, решительность, волю, разоружив и распустив миллионы солдат, сплотив 300 тысяч офицеров и «охотников» («отобрав жемчужные зерна, махнуть рукой на остальную навозную кучу»), и такая армия могла бы спасти Россию от большевизма, долгой гражданской войны, стать кадром будущей вооруженной силы. Понимая, что история не признает «сослагательных наклонений», Керсновский напоминал, что она, вместе с тем, имеет свойство повторяться*.

Он чутко реагировал на происходящее в СССР. В 1937 году написал: «Советская система рушится. Никто и ничто... ее не спасет. Природа имеет свои законы. И один из этих... законов — это тот, что всякая шайка кончается склокой, самоистреблением ее членов».

Третья группа материалов содержала характеристику международного и внутреннего положения ведущих государств. При этом демонстрировалась зрелость суждений, присущая разве что убеленным сединами «зубрам дипломатии». Он умел показать подноготную происходящего, освещал историю вопроса и его диалектику. Всегда верно определял болевые политические точки. Так, в 1930 году в статье «Германия на переломе» он сделал вывод: «Война возвращается гигантскими шагами». В 1932-м достоверно предсказал приход Гитлера и возвестил: «Возрождение германской вооруженной силы является самым крупным событием не только настоящего политического сезона, но и всей послевоенной эпохи вообще. «Поэтому ситуацию внутри Германии и немецкую политику Керсновский постоянно держал «на прицеле» в рубрике «Германские дела», напоминал: «Для нас, Русских, важно не забывать, что с воскресением германской армии восстанет из небытия наш недавний заклятый враг». Политика других держав также находилась в зоне его внимания и рассматривалась сквозь призму интересов России. Именно неумение отстаивать интересы своей страны, «политическое донкихотство» (подход к делам государственным с точки зрения частной обывательской морали) он причислял к основным порокам русской внешней политики.

Какой бы сферы ни касалось перо Керсновского, написанное им всегда привлекало публику. В знак уважения коллектив издания и постоянные читатели один из юбилейных номеров газеты посвятили целиком Антону Антоновичу. Более сотни подписей стояло под следующим обращением: «Мы, Русские офицеры, участники Великой и Гражданской войн,

* В настоящее время очерк опубликован: Российский военный сборник. Вып. 9. Какая армия нужна России? Взгляд из истории — М., 1995. — С. 290–299.

рады... приветствовать Вас как высокоодаренного военно-литературного труженика. Ваши статьи, политические обзоры мы всегда читаем с большим интересом и всегда мысленно благодарим Вас за Ваши неустанные труды. Особенно ценно, что Вы сочетали в себе всестороннее образование, молодость, глубокий патриотизм и истинное понимание нашей родной Армии».

Публицистика, при всей ее значимости, занимала писателя лишь отчасти. Основное содержание его творчества составляла работа над книгами. В различных обрывочных сведениях о Керсновском упоминаются (явно понаслышке, неточно) названия таких его трудов, как «Русская стратегия в образцах», «Синтетический очерк современных кампаний», «Крушение германской военной доктрины в кампании 1914 года»... Их существование вполне вероятно, однако подтверждений этому пока нет, поэтому далее поведем речь о вещах несомненных.

В конце 1932 года «Царский вестник» на своих страницах начал публиковать в сокращенном виде «Философию войны»* (дополненной книга вышла в издательстве этого еженедельника в 1939 году). В ней Керсновский сжато, в «суворовском» духе и стиле, начертил историко-методологические ориентиры «русской военной доктрины». Одновременно выразил свое военное мировоззрение, сформулировав и подкрепив примерами ряд принципиальных положений, служивших философским остовом большинства его произведений. Примерно к тому же периоду (1932 год) он собрал и систематизировал около полутора тысяч мыслей и изречений мудрецов, полководцев, государственных деятелей и военных писателей от древности до XX века, касающихся военной стороны жизни. Каждое из высказываний сопровождалось конкретным «сюжетом» из мировой военной истории. Этот двухтомник, озаглавленный «Военное дело» и полностью готовый к печати, в свет так и не вышел. Более счастливая судьба выпала главному труду Керсновского «История Русской Армии»**. Керсновский хотел показать первостепенную роль вооруженной силы в многовековом процессе государственного строительства России, «самобытность русского военного искусства, неизреченную его красоту, вытекающую из духовных его основ, и мощь русского гения». Прежде всего труд предназначался «для офицеров возрожденной русской армии», но адресовывался и всей общественности***.

* По словам автора, работа написана «для небольшого круга... ревнителей Русской военной мысли, группирующегося вокруг “Вестника военных знаний”. Маленький ежеквартальный журнал выходил в Сараеве под ред. полковника К.К. Шмигельского с 1929 г. по 1934 г. и довольно объемную вещь поместить не мог.

** Каждое слово с заглавной буквы ставили в названии автор и издатель.

*** Перед Первой мировой войной (1911–1913) появилась первая всеобъемлющая пятнадцатитомная «История Русской Армии и Флота». Ее создал большой коллектив (около 30 человек), в который входили яркие военные ученые А.К.Баиов, А.М.Зайончковский, Н.Л.Кладо, Н.П.Михневич, А.А.Свечин и другие. Как недостаток специалисты отмечали стилистическую «разнобойность» труда, отсутствие цельности взгляда.

Сразу оговоримся: книга, которая дошла до читателя, представляет собой хотя и логически завершенную, но лишь часть создававшейся эпопеи. В авторском смысле она имела следующее оригинальное построение. Тома I–III — «История Русской Армии» (общая картина, завершавшаяся основанием Добровольческой армии в конце 1917 года; алфавитный указатель имен и список литературы); тома IV–V — «История старых полков Императорской пехоты» и «История молодых полков»; том VI — «История регулярной русской конницы»; том VII — «История Казачьих войск и частей» том VIII — «История Артиллерии, Инженерных войск и Авиации»; том IX — «Биографии военачальников»; том X — «Очерки военного быта XVIII–XIX столетий»; тома XI–XII — «Страницы славы русской армии»****.

Впервые такое объемное произведение научно-популярного характера создавалось одним автором, да еще в эмиграции. В первый раз охватывался весь исторический путь регулярной российской армии от ее зарождения до гибели.

Нетипичен для того времени и подход к теме. Военная история и военное искусство изображались на реальном фоне политической жизни России. И, что очень важно, без оглядки на цензуру (отсутствовала) и «авторитетные мнения».

Писал Керсновский быстро, трудился неистово. Черпал материал из всех доступных источников (особенно ценил фонды русского отдела библиотеки Военного министерства Франции). Тяжело давались сведения о Первой мировой войне, тогда еще малоизученной «с русской точки зрения». Приходилось вести обширную переписку с живыми ее участниками — эмигрантами. Зачастую через газету он обращался к полковым объединениям и союзам. Просил сообщить: фамилии боевых командиров своего полка (если убит во главе его, то где и когда); наиболее лихие дела в годы войны и захваченные трофеи; награды полка; подвиги чинов полка; списки убитых офицеров и награжденных орденом Святого Георгия; участие чинов и частей в Гражданской войне; полковые предания и песни, др.

На полное издание не хватало средств. Собирая их, Н.П. Рклицкий с товарищами сделали все, что могли. Проводили предварительную подписку на книгу, создали «специальный фонд». Керсновский вынужденно сокращал текст, перестраивал замысел. В конечном итоге «История Русской Армии», печатавшаяся с 1933 по 1938 год в Белграде, вышла в четырех томах.

Книга стала событием в военно-литературной жизни эмиграции. Об этом говорят десятки отзывов, помещенных в печати Русского Зарубежья. Приведем два из них,

**** Тома XI–XII Керсновский изначально готовил к печати и отдельной книгой «Русские подвиги (1278–1918)», запечатлев в ней около 800 «геройских дел, прославивших русское имя». Но опубликовать удалось лишь несколько фрагментов в разных изданиях

принадлежащие генералу, профессору Б.В. Геруа: «Труд этот поражает не только объемом знаний автора, но и меткостью его выводов и суждений. В своей манере излагать события и объяснять их Керсновский напоминает виртуоза пианиста, который не ищет клавишей, а последние сами бегут под его пальцы... Книга Керсновского должна занять видное место одинаково на полке человека... знакомого с военной историей, так и на столе новичка, приступающего к ее изучению».

«Его (Керсновского. — *И.Д.*) книга не учебник и не академическое исследование. Для первого ей не хватает сухости и олимпийской безгрешности. Для второго — первоисточников, и главное — места. Но это письменный памятник истории войн Императорской России. Это своего рода “Слово о полку Игореве”».

Надо заметить, что с тех пор ничего подобного в России пока не создали. Издательство «Голос», выпустив в 1992–1994 гг. «Историю Русской Армии» стотысячным тиражом, воскресило труд. Имя автора вошло в сознание россиян.

Остается сожалеть, что современники писателя не осветили сколько-нибудь цельно, подробно и достоверно его жизнь и творчество. Сегодня это делать многократно труднее... Но необходимо, потому что в военной культуре отечества феномен его беспрецедентен.

И не случайно Н.П. Рклицкий высказывал убежденность в том, что к Керсновскому приложимы слова Достоевского о Пушкине: «Явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа и пророческое».

Подполковник Игорь Домнин